

Юрий Помпеев

***КРОВАВЫЙ
ОМУТ
КАРАБАХА***

Баку - 1992

П62

П62
Помпеев Ю. А. Кровавый омут Карабаха. — Баку,
издательство "Азербайджан", 1992. — 208 с.

В своем очерке известный ленинградский писатель-документалист прослеживает возникновение и эскалацию войны за Карабах и зловещую роль в этих событиях, унесших тысячи человеческих жизней, творцов идейного национализма.

4804000000 — 062
П-----П62 Русск.
М 670(07) — 92

© Ю. А. Помпеев,
Бакинская информационная компания,
издательство "Азербайджан", 1992.

ОГЛАВЛЕНИЕ

"Крик" после Ходжалы	4
Ноябрь 1987 года: Горбачев, Бжужинский, Аганбекян и Пьер Дюмон	8
Февраль 1988 года: «Корректоры», Лидеры «Карабаха» и Сильва Капутикян	14
Год 1989-й: географ Скибицкий, профессор Свентоховский и рабочий Поряков	21
Абдурахман Везиров и Георгий Рожнов – год 1989-й	48
Черный январь: Гасан Гасанов, Салатын Аскерова и Аяз Муталибов	56
Черный январь: Этибар Мамедов и Саша Богданов	64
Об иерархии двух народов: Игорь Беляев и Сабир Рустамханлы	75
Поверье о летучей мыши: Нариман Нариманов и Татьяна Рустамли	83

Юрий Помпеев

КРОВАВЫЙ ОМУТ КАРАБАХА

*Тьма прихлынула-сюда,
Тонут горы, как суда.
Может быть, уже настало
Время Страшного суда...
(Баяты)*

"Крик" после Ходжалы

До чего ж терпелива и снослива душа русского литератора! Ему плюй в глаза - скажет, божья роса. Так и я четыре с лишним года почти с олимпийским спокойствием, прерываемом иногда то всхлипом, то проклятием, взирал на черную тучу, распластавшуюся над карабахским нагорьем. Как она то завертеться крутилась, то спускалась вероломной воронкой, вздымая и захватывая виром не только пыль, песок и камень, но и человеческие жизни без разбору, будто колосья с вороха. Как клочья этой смерчевой тучи, начиненные чумным ядом пещерного национализма, мечутся над суверенными землями и нейтральными водами.

И как Александр Исаевич Солженицын в сентябре 1990 года, обустроивая Россию, посылно, в скобках, мимоходом сообразил: Карабах, мол, в свое время отрезали Азербайджану, какая разница - куда, лишь бы угодить в тот момент сердечному другу Советов - Турции. И будто плетухнул с казацкой удалью писатель-христианин по глазам целого народа, исконно удобрявшего и столетиями вспахивавшего эти нагорья, задолго до мира в Гюлистане и Туркменчае. И содрогнулся от боли в своем шушинском мавзолее поэт Молла Панах Вагиф, карабахский визирь, сторонник союза с Россией еще в конце XVIII века. И ведь внес это скобковое замечание Александр Исаевич по генной коньковой ориентации на армян имперских сил России, видевших в них свою главную опору на Кавказе. А то, что эта опора, кровью зацементированная, шатка и коварна, вермонтскому затворнику неужели неведомо? Ведомо, - но как не высказаться за христианский форпост России, кроме кровавых распрей, ничем в истории не отмеченный. Ради того, чтобы лишний раз уколоть Ильича - первого, который, к слову сказать, держиморд российских всегда осаживал - и в Закавказье, и в Украине.

Что уж говорить о бывших смиренниках, российских интеллигентах, которые уже не позаглазью, а прилюдно оборачивались соавторами и режиссерами успешного разгрома, переворота и страшного беспорядка в доме, называвшемся недавно *одной шестой*.

Я терпел упреки собственной совести за молчание, когда невинная кровь детей, стариков и женщин уже не просто становилась бедой и уликой, снилась по ночам, но и кровью смывалась, а ложь оборачивалась красной речью и заполняла словоблудием высокие трибуны и эфир. Эта болезнь, кстати, больно заразная: разолгавшихся не уймешь. И какая сила примера: власти лгут, а нам не велят?! Ну уж?..

Что предавало силы в позорном тумане долготерпения? Русская надеюшка на то, что ложь доведет до правды, до истины той неведомой силы, что толкает преступника в овраг - взглянуть на безвинную жертву, брошенную им когда-то в валежнике. Правильно говорят: не будь лжи, не стало бы и правды. Ведь и ложечка для раздачи святого причастия в старину именовалась *лжицей*.

Не сомневался я, что начнут проговариваться расторопные деятели, когда и под их ногами затрещит по швам и обручам не валкая, казалось, остойчивая палуба Федерации, и от колотухи вечевых колоколов "" всю Россию затрясет в ознобняке", как говаривал покойный Федор Александрович Абрамов.

И - началось. Беру навскидку самые последние (март 1992 года) признания лидеров "Крик"а - Комитета российской интеллигенции "Карабах".

"Мы своими руками создаем Карабаху" - озаглавил свою статью в "Комсомольской правде" Андрей Нуйкин (он же - А. Тарасов).

А вот Федор Шелов-Коведяев, когда-то доверенное лицо Г. Старовойтовой на выборах в Ереване, а ныне - первый зам. министра иностранных дел России, в интервью на борту самолета ИЛ-68, выполнявшего рейс Брюссель-Москва, назвал иных виновников драмы:

"Конфликт в Нагорном Карабахе - это хорошо спланированная, заранее подготовленная акция, провести которую выпало коммунистическому руководству Армении... Лидеры "карабахского движения" гипертрофировали принцип самоопределения нации, доведя его до той крайности, за которой начинается сепаратизм".

Весьма туманно, как и положено дипломату: одни "спланировали, заранее подготовили", другим "выпало", а третьи "гипертрофировали".

Зато словесная ухватка Галины Старовойтовой, советника президента России по международным проблемам, "цинковой леди", "нашей Тэтчер", воинственна до дрожи:

"Даже если бы Армении не существовало, Азербайджану все равно пришлось бы иметь дело с карабахской проблемой".

Вот ведь какая мистика: даже если бы и Азербайджана не существовало, нам, современникам Г. Старовойтовой, все равно пришлось бы иметь дело с карабахской проблемой. Такова логика государственной дамы: пришлось бы, и вся недолга. И напрасно попрекает ее двойным стандартом Николай Ильич Травкин, сторонник самоопределения Крыма: крымская карта наравне с карабахской были сброшены на игральный стол "пробными камнями" перестройки. Двум национальным проблемам посвятил свое письмо в начале 1988 года на имя М. С. Горбачева Андрей Дмитриевич Сахаров: праву крымских татар жить на родине и передаче НКАО в состав Армянской ССР. Тогда же Г. Старовойтова переехала из Ленинграда в Москву для работы в новом Центре по изучению международных отношений при Президиуме Академии наук СССР, имея в научном багаже одну книгу о положении этнических меньшинств в городах на примере татарской, эстонской и армянской общин Ленинграда. Однако выбор А. Д. Сахарова и Е. Г. Боннэр, как показали ближайшие события в Ереване и Степанакерте, оказался безошибочным.

И вот теперь, спустя четыре года, в условиях острейшей информационной войны вокруг Карабаха, я решился предпринять это рискованное расследование, потому что понял: выжидать чего лучшего нет мочи. Это не значит, *что я уж совсем молчал*. В начале декабря 1988 года опубликовал в "Ленинградской правде" личное обращение к писателям Азербайджана и Армении, ко всем гражданам двух республик. Тот "Голос тревоги" был оплеван "патриотами" ряда российских изданий из-за действительно неуклюжего упрека в адрес русского народа, а потому я приведу это обращение с купюрой: в нем пульс тех первых дней декабря 1988 года, до землетрясения в Армении; еще мир не знал всего масштаба изуверской депортации почти двухсоттысячного азербайджанского населения из районов вокруг Севана, где их предки жили по меньшей мере пятьсот лет; да и сведения о ночном избиении митингующих 5 декабря при "очистке" спецназовцами площади имени Ленина в Баку не достигли моего родного Ленинграда. Вот этот текст:

"Находясь за тысячи километров от вас, переживая за все происходящее в древнем Закавказье, я мучаюсь от бессилия в поисках помощи. Такое состояние бывает у постели страдающего близкого человека, когда от беспомощности чувствуешь вину перед ним. Но постоянно думая о выходе из создавшейся ситуации, я с каждым днем убеждался, что зло рождает только ответное ожесточение, кровь требует крови, ненависть опутывает не только живущих сегодня, но и тех, кто родится завтра, тысячи совершенно безвинных людей, которые могут стать жертвами взаимной неприязни и бойкота своих ожесточившихся предков. Так, не задумываясь о будущем, поколения дедов, отцов и, к несчастью, матерей обрекают на взаимную вражду будущих детей и внуков, тем самым унижая свои народы.

Нынче, к великому несчастью, по многим объективным и субъективным причинам, страсти в ваших республиках накалились до предела. Десятки безвинно погибших, сотни раненых, десятки тысяч бездомных, обезумевших от горя и страха за своих детей и близких. Какие слова и обещания могут заставить поверить друг другу? Призывы к добрососедству, дружбе и согласию вызывают свист и возмущенные крики на митингах. Как сохранить каждому себя, своих жен и дочерей, сыновей и мужей, укрепить веру в свой народ?

Предлагаю в преддверии Нового года провести всесоюзную минуту молчания в память о погибших жителях ваших республик и воинах, пришедших на помощь. И в течение этой минуты пусть каждый азербайджанец и каждый армянин вспомнят хотя бы одного человека другой национальности (а я уверен, что у обоих народов таких знакомств немало) - товарища и друга, соседа по дому и сослуживца по работе, родственников со смешанной кровью, за чью жизнь, судьбу и

кров ты бы сам заступился, прикрыл собой, защитил от насилия и нападков. И думая об этом ОДНОМ, каждый остановился бы, стряхнул с души ожесточение и двинулся навстречу другому.

Националистическая злоба страшнее стихийных бедствий и СПИДа - она пожирает души людей и превращает нас в двуногих пещерожителей.

Подогревая разгоревшиеся страсти, обвиняя друг друга, мы можем оказаться в положении растерявшихся в автобусе детей, ставших заложниками в руках террористов, - коррумпированных кланов, не желающих расставаться с властью в условиях перестройки.

Комендантский час и присутствие войск в республиках - это не выход. Выход - в интернационализме, в его неистребимых народных генах. Давайте думать и искать в этом направлении. Предоставим слово человеческому разуму. Только этот голос, единый для всех наций и народностей, может возвысить достоинство Человека и определить нашу общую судьбу".

Сей прекраснодушный призыв был опубликован 7 декабря 1988 года и был перечеркнут не только землетрясением: из недр правозащитного "КриК"а ни единого миротворческого слова не проросло.

Последней же каплей, переполнившей четырехлетний кровавый омут Карабаха, стала звериная расправа над спящими жителями города-поселка Ходжалы в ночь с 25 на 26 февраля 1992 года. Всякие сравнения с Хатынью или Сонгми неуместны: там каратели не коллекционировали скальпы, тем паче - ушные раковины беззащитных людей, они их убивали без затей.

"В Ходжалы осталась только мертвые" - воинственно оповестили мир "Московские новости". Бог, казалось, действительно умер. Корреспондент Виктория Ивлева шла, по ее признанию, не в первом, а во втором эшелоне атакующих, и на подступах к Ходжалы заметила, что навстречу ей "движется что-то, напоминавшее облако". Облако оказалось толпой полуодетых людей: "Последней в толпе турок шла женщина с тремя детьми. Босая, по снегу. Она еле передвигалась, часто падала. Оказалось, что самому маленькому из ее детей два дня".

Дальнейшую судьбу этой женщины и ее детей, как и сотен беженцев из того "облака", я проследил на телевизионной пленке, звуковую дорожку которой заполнили рыдания оператора. "Облако" расстреливали на пологом склоне прямой наводкой, люди падали навзничь, ликом к Богу, который покинул их навсегда.

На одной из фотографий Ивлевой - имя-то какое: Виктория! - четверо доблестных фидаинов над трупами поверженных "азеров"; так снимались фашисты в победном угаре на фоне виселиц.

Не смея каждого читателя отсылать к фоторепортажу Виктории Ивлевой, воспользуюсь описанием экипировки "героев национально-освободительной войны", которую дает в журнале "Pro Armenia" Константин Воеводский, к стыду моему, земляк и тоже правозащитник из "КриК"а":

"Большинство облачено в подобие формы десантника, защитного или черного цвета. На поясе и крест-накрест на груди - ленты с патронами, за спиной - автомат или карабин, на ремне - пистолет, а то и два, рядом - одна-две лимонки". Устрашает вас? Ежели не вполне, то вот дополнение летописца: "В нагрудных карманах на держателях от авторучек сидит несколько маленьких самодельных бомбочек".

Хватит!

Разве фотографии В. Ивлевой - не документ для международного суда в Гааге? И это не единственные свидетельства кровавой расправы. Просто "Московские новости", первыми начавшие воспевать фидаинов, не могли больше трех недель скрывать эти зверства от информированного Запада, как Чернобыльскую аварию.

Так подумалось сразу, а затем - мысль: не будет никакого суда, авторы и исполнители приказа "В Ходжалы оставить только мертвых" исправно выполнили его и осознают себя вполне безнаказанными, как черти в омуте. Разве осудил эту человеконенавистническую акцию Комитет российской интеллигенции "Карабах"? Помилуй Бог, который умер: "КриК", видно, научился различать у мусульман и христиан эту красную жидкость, которая обращается в живом теле каждого из нас силою сердца. Да и война кровь любит, крови просит, - считают защитники и правозащитники Карабаха.

Сердце кровью обливается, как только припоминаю циничное признание "КриК" уна Нуйкина: "Мы своими руками создаем Карабахи". А теперь он вправе добавить: и Ходжалы.

Мне, русскому литератору, ровно за месяц до ходжалинского разбоя стало очевидно, что готовится, как и в январе 1990 года, массовое кровопролитие в Азербайджане. "Радио, ТВ, многие газеты ежедневно нагнетают антиазербайджанские страсти, - писал я в телеграмме на имя Бориса Ельцина и Руслана Хасбулатова в воскресенье 26 января 1992 года. - Посредничества не получилось. Ясно, что под эгидой России готовится кровавая расправа в Карабахе, брошенном на произвол боевиков и особого полка России". Призывал российские власти вывести из Ханкенди (Степанакерта) 366-й полк и предотвратить готовящуюся бойню.

Солдат 366-го мотострелкового полка Виктория Ивлева во время штурма Ходжалы не видела: понятно, она шла с фотокамерой во втором эшелоне атакующих. Зато наблюдала собственными глазами армейскую бронетехнику и артобстрел города, предшествовавший захвату.

Небезразлично для сюжета, что в то же время, 26 и 27 февраля, около полутора суток пробыл в Гяндже с миссией мира министр иностранных дел Ирана Али Акбар Велаяти. Он так и не смог вылететь в Ханкенди: безопасность полета армянская сторона не гарантировала, несмотря на достигнутое накануне договоренность о прекращении огня. Этот мораторий стал для ходжалинцев договором о прекращении жизни. Поездка Велаяти в зону необъявленных военных действий срывалась преднамеренно и нагло: профессиональные убийцы из числа фидаинов и солдат особого полка России доказывали всем сторонам, что никакие миссии мира и согласия им не нужны. Путь, избранный ими, - эскалация агрессии и насилия.

В среду, 26 февраля 1992 года, я записал в дневнике:

"Нехватка достоверной информации, водопады лжи комментаторов отбивают охоту жить. Телекадры горящей Шуши, сопровождающие тексты "Вестей" и "Новостей" об обстрелах Степанакерта, оказываются не случайны: у азербайджанской стороны, по сведениям радио "Свобода", нет установок "Град", из этих установок вооруженные силы марионеточной НКР уничтожают Шушу и Ходжалы, и многочисленные азербайджанские села в долинах Карабаха и при этом запускают снаряды по окраинам своей же столицы, а в центре Степанакерта сжигают горы дырявых автопокрышек и прочего мусора, чтоб они дымили неделями. Так что истина пробивается, в том числе и о наемниках среди армянских боевиков. О последних - двух парнях (Алик Кан и Володя), дезертировавших из воинской части в Грузии, прочитал в номере парижской "Русской мысли", напоенной не просто звериной ненавистью к Союзу (может быть, простительной некоторым авторам, да и высокооплачиваемой), а - стремлением вселить ненависть друг к другу на чужой для них российской земле и всех без исключения перессорить: православных и мусульман, азербайджанцев и русских, гражданских и военных, реалистов с авангардистами, русскую церковь с зарубежными пастырями и т.д. и т.п. Мир в наших краях для них неприемлем. Вражду нужно сеять и в стане побежденных, безжалостно и нагло. В каждом номере "Русской мысли" - статьи или интервью деятелей "КриК"а: они вездесущи. От дурмана этой информационной белены становится не просто тошно, - душу обуревают тлен. Дурно пахнущие лживые слова мертвы и отравляют нас подобно трупному аду. Елена Боннэр хриплым голосом опровергает число жертв в Ходжалы: их, мол, какие-то десятки, а не сотни и тысячи. И ей верят, вдове Андрея Дмитриевича Сахарова, правозащитника, так и не вступившегося за несчастных месхетинцев, репрессированных в самом апофеозе перестройки, зато грудью вставшего на сторону Затикияна, Степаняна и Багдасаряна, террористов партии "Новая Армения", организовавших взрыв в московском метро в январе 1977 года, в результате которого погибли десятки невинных людей. Откуда такая избирательность Нобелевского лауреата?

Но об этом - речь впереди.

Пока же уместно привести еще одно свидетельство "Московских новостей" в номере от 15 марта 1992 года об участии армянских террористов из зарубежья в карабахских событиях. На вопрос: "Так есть ли в Армении террористы армянской диаспоры" корреспондент "МН" Иосиф Вердинян отвечает кратко: "Есть" и приводит обширные воинственные заявления своего собеседника 34-летнего Вазгена Сисляна, приехавшего два года назад из Ливана туристом. Засвеченный на дерзких акциях в парижском квартале Усман (сентябрь 1991 года) при захвате СО заложников и в Будапеште (декабрь 1991 года) при покушении на турецкого посла Бедреддина Тунабаша, этот боец АСАЛА ("Армянская тайная освободительная армия") свое национальное достоинство защищает теперь, убивая доухдневных детей в Ходжалы. Почему бы и нет? "Закон на стороне силы", утверждает Вазген Сислян и его российские покровители из "КриК"а. Неужели неведома нашим интеллектуалам простейшая истина, гласящая, что кесарю - кесарево, а слесарю - слесарево, и что профессиональный убийца и насильник, промышленяющий на заложниках (одна голова - канистра бензина), детях и женщинах, национальность свою и достоинство давно потерял.

В одном из сел пограничного с Азербайджаном Шамшаддинского района, по свидетельству журналиста Ю. Аракеяна, в 70-х годах был воздвигнут памятник в честь М. Алиева, М. Мамедова, С. Шакибекова и других коммунаров, которые в 1920 году пришли на помощь осажденным армянам, доставляли керосин, хлеб, зерно. Под азербайджанскими фамилиями резец армянского мастера высек мудрую строку: *"Хлеб-соль - не расстреляешь!"*

Сегодня тот родник-памятник уничтожен, расстреляны и хлеб, и соль.

Как мы дошли до этого? Давайте вспомним.

**Ноябрь 1987 года:
Горбачев, Бжужинский, Аганбекян
и Пьер Дюмон**

На исходе одна тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года от Рождества Христова заинтересованные наблюдатели на Западе и у нас самолично, без привычных пересудов убедились в том, что верхушечная перестройка в СССР захлебывается в словесной шелухе. Кремлевский переворот под вѣдом личного бунта Бориса Ельцина на октябрьском пленуме ЦК потерпел фиаско по причине явной импровизации и торопливости "академиков-атлантистов" из Политбюро во главе с Александром Яковлевым. "Диссидент на вершине власти" (так окрестили в Вашингтоне Михаила Горбачева) силился изобрести долгоиграющий сюжет, разом разламывающий все стороны рутинной жизни Союза ССР, последней империи на земном шаре, в которой принцип "разделяй и властвуй" осуществлялся весьма изощренными формами, преимущественно внеэкономического принуждения. Другая империя, Соединенные Штаты Америки, достигала заметно больших результатов усилием преимущественно экономическим.

И дата, заметим, приближалась весьма круглая: 70-летие первого в XX веке передела мира по Брестскому договору (февраль-март 1918 года) с одновременным распадом четырех тогдашних империй - Российской, Османской, Германской и Австро-Венгерской. Предпринятая Гитлером попытка возрождения Третьего рейха кончилась разделом Германии и геополитическим господством на просторах Евразии новой Российской империи, переименованной в 1922 году в СССР.

Диссидент на вершине советской партийной иерархии, провозгласивший демократию и гласность, действительно представлял, по более позднему признанию Джеймса Бейкера, единственный в столетии шанс для США и их союзников в расчленении этой "империи зла".

Сюжет распада нащупывался с первых месяцев 1987 года я ничего нового, по сравнению со средневековыми приемами, не содержал. Ходы намечались беспроигрышные: возбуждение национальной и религиозной розни. Бывший помощник президента Картера по Национальной безопасности Збигнев Бжезинский еделал заявление группе репортеров и редакторов газеты "Вашингтон тайме", в котором предрекал:

"В последующие 20-30 лет центром национальных и этнических конфликтов в мире будет Советский Союз. Национализм там станет живой динамичной силой. Советы не смогут взять под контроль проблему своих национальностей. Их система находится перед смертельным кризисом".

Бжезинский не назвал ни территорий, ни этносов, но прогноз его оказался настолько точным, что уже через полтора года на витринах книжных магазинов появился его бестселлер: "Грандиозный провал: рождение и гибель коммунизма в XX веке". Он всегда на шаг-два опережал события, как архитектор, который представляет свое творение законченным, хотя оно еще в строительных лесах.

А Москва прошупывала адреса возможных конфликтов.

Еще в начале 1987 года "Литературная газета" опубликовала статью Игоря Беляева "Ислам", суть которой свелась к тому, что религия эта определенно враждебна и опасна для нашего государства, а мусульмане - народ коварный и вероломный. Еще шли бои в Афганистане и оттуда в цинковых гробах доставляли сыновей не только в Баку, Ашхабад, Ташкент, но и в Минск, Рязань, Ригу. Кстати, достославные исламоведы даже не попытались предотвратить гибельное вторжение наших войск в Афганистан, хоть какой-нибудь запиской в Политбюро, а уж они-то знали про упорное басмаческое сопротивление властям в Средней Азии, без малого двадцатилетнее.

Вслед за "Литературой", в феврале и мае 1987 года, по сходному поводу выступает "Правда" (статьи "Цена самолюбования" и "Лишь дружба творит добро"). В них орган ЦК КПСС порицал казахов и киргизов за "тенденцию к национальной замкнутости, настроения национального чванства" и за "отдельные националистические проявления". Эти статьи связывались с волнениями в Алма-Ате в декабре 1986 года после весьма провокационного назначения Геннадия Колбина наместником в Казахстан. Теперь, когда мир узнал президента Нурсултана Назарбаева (шесть лет назад он возглавлял одну из областей Казахстана), назначение Колбина можно смело назвать первой горбачевской провокацией на поприще "национальных и этнических конфликтов", по определению Бжезинского.

Но это еще были лишь цветочки, ягодки вызревали на грядках "армянского вопроса", который для Запада всегда был пробным шаром для вмешательства во внутренние дела не только Закавказья. Почти незамеченным общественностью СССР прошло учреждение Европарламентом в

июне 1987 года "Дня памяти жертв геноцида в Армении". В Ереване заблаговременно был открыт памятник погибшим и выселенным в 1915 году из восточных окраин Османской империи соплеменникам. Под высокими наклонными стелами, облицованными черным мрамором, звучала круглые сутки траурная музыка и горел вечный огонь. Каждое посещение этого мемориала сопровождалось рассказами о кровавых насильственных действиях султанских властей по отношению к армянскому населению в разгар первой мировой войны и призывами к их покаянию, хотя тех властей в самой Турецкой республике не существовало уже более семи десятилетий. Гипертрофированная ненависть к туркам в сочинениях Зорья Балаяна и Сильвы Капутикян (о них речь впереди) неприкрыто переносилась на соседей-азербайджанцев, которых эти писатели называли не иначе, как "турками".

Я вынужденно нарушу временные рамки, чтобы привести суждения о геноциде армян директора Института восточных исследований в Страсбурге Пьера Дюмона. В ноябре 1989 года, когда сенат США предлагал объявить предстоящий 1990 год "годом армянского геноцида", Пьер Дюмон в европейских и американских газетах распространил сенсационное заявление о том, что специальной телеграммой правительства Османской империи, в которой предписывалось войскам полностью очистить территорию Турции от армянского населения и на которую ссылались заинтересованные политики в течение семидесяти лет как на исторический факт, в природе не существовало вообще.

Далее известный ученый изложил сюжет из тех месяцев первой мировой войны, когда на востоке Турции с помощью армянской торговой буржуазии, русских и английских советников были созданы отряды зинворов (боевиков), вооруженных русскими и английскими винтовками, пулеметами и даже пушками. Замечу, что Турция воевала на стороне держав Тройственного союза, против Англии и России. В результате деятельности зинворов погибло около 60 тысяч мирных курдов и турок (эти и другие данные Пьер Дюмон почерпнул не только в архивах Турции, но и в архивах британского и французского министерств иностранных дел): турецкое правительство приняло требования армян-зинворов и согласилось на оккупацию восточной Турции русскими войсками. Тогда, при взятии Эрзерума и прославился генерал Юденич, но вскоре приставка "Эрзерумский" отлетела от его фамилии. Доведенные до отчаяния курды объявили беспощадную партизанскую войну русским оккупационным войскам и военным формированиям зинворов. Помощь повстанцам оказали части регулярной турецкой армии. Русские войска и отряды зинворов бежали в пределы Российской империи, в Закавказье. Армянское население Турции фактически оказалось в роли заложников. Привел Дюмон и немало случаев нападения переодетых зинворов на армянские села, чтобы вызвать массовые антитурецкие выступления. Итог фанатизма оказался плачевным: около 300 тысяч армянских поселенцев были зверски уничтожены по принципу мести: око за око, зуб за зуб.

История Турции предыдущих столетий, считает ученый, не знает ни одного факта массового преследования армян, многие из которых занимали высокие правительственные посты вплоть до трагических событий 1915 года, и существование особого отношения турок к армянам - плод фанатизма современных политиков. В Турции остались десятки тысяч армян, продолжающих жить и сегодня. Но свыше 400 тысяч армян, напуганных размахом расправы, эмигрировали в Россию, страны Европы и Ближнего Востока.

"Жертвы среди мирного курдского, турецкого и армянского населения, - сделал вывод Пьер Дюмон, - явились закономерным результатом боевых действий с обеих сторон с участием иностранных оккупационных войск, обостривших своим присутствием военную конфронтацию, что не может считаться геноцидом. Спекуляции вокруг этих событий довели число жертв-армян до 2 миллионов, хотя известно, что в пределах Османской Турции и Российской империи проживало всего около 1,4 миллиона армян".

Заявление Пьера Дюмона, которое было озаглавлено "Пусть политики не вмешиваются в историю" и адресовано сенату США, заканчивалось словами: "Их вмешательство всегда сопровождается фальсификацией".

Не могу судить, насколько прав директор Института восточных исследований в Страсбурге (опровержений мне не попадалось), приведу лишь посвященное той же теме выступление главы еврейских общин США, в котором он отметил, что "история человечества знает только один геноцид - еврейского народа, но мы слишком горды, чтобы из трагедии устраивать дешевый балаган".

Политики и дипломаты нынешней Армении на внешнем рынке пропагандируют вполне космополитические взгляды, педалирование на геноциде происходит во внутреннем употреблении, хотя ясно, что скрытая ненависть к мусульманам столь же бесплодна, как к христианам или иудеям.

Чтобы представить эту механику повыпуклее, прибегну к свидетельству стамбульского журналиста Мурада Арваса. Его и корреспондента французской газеты "Le monde" сопровождал в Ереване правительственный чиновник по связям с прессой Ашот Назарян. Поскольку поездка состоялась в январе 1991 года, Мурад-бей задал вопрос новому пресс-атташе: против кого в республике создана многотысячная армия? Если против Турции, то такая армия ничтожно мала; если же против Азербайджана, так ведь это такая же советская республика, как и ваша... Назарян ответил так: "Армию мы создали против русских: вот наши главные враги".

Понятно: Ереван в те дни посетил посланник турецкого правительства на предмет переговоров об экономическом соглашении с Арменией. Тогда зачем уверять российскую интеллигенцию, что Ереван - основной форпост демократической России на Кавказе и защитник христиан от мусульман и пантюркистов, которые христианам и угрожать-то не собираются? Ну ладно. Подобную политику Мурад-бей определил формулой: "Зайцу говорят сочувственно: беги, гончей приказывают: хватай!". По поводу трагедии 1915 года А. Назарян, получивший юридическое образование во Франции, ответил журналистам аргументированно, в соответствии со складывающейся конъюнктурой:

"Турки и армяне на протяжении столетий жили дружно - армянскому крестьянину нечего делить с турецким. В первую мировую войну, поддавшись на русскую провокацию и по команде России и Запада, мы вступили в войну против Турции, в результате армянский народ подвергся геноциду и был изгнан с территории Турции. Мы образовали новое государство, нас поддерживают наша диаспора и наши друзья на Западе, и наш главный враг - это Советы, Советский Союз".

Свой взгляд на события 1915 года изложил и турецкий журналист:

"Армяне на протяжении веков жили на землях Османской империи, занимались торговлей и ремеслами. В Турции всегда очень уважительно относились к иным верам. Османская империя была могущественна, но началась первая мировая война: Франция и Италия высадили свои войска на землях наших западных провинций, Греция оккупировала Измир, Англия - Стамбул. Начала военные действия против Турции и Россия. И вот в такой ситуации армяне, более 400 лет жившие на землях Турции, подстрекаемые дашнаками, нанесли удар по беззащитным, оставшимся без мужчин деревням и селам Турции. Погибло очень много ни в чем не повинных женщин, детей и стариков.

Чтобы защитить мирных жителей, с фронтов были отозваны боевые части. Солдаты, опаленные войной, столкнулись с еще более коварным врагом, который разорил их дома, казнил ни в чем не повинных беззащитных людей. Под натиском регулярных войск дашнаки бежали... За преступление, тщательно подготовленное дашнаками, заплатились все армяне, поддавшиеся на эту страшную провокацию".

Почему-то Мурад-бей, покидая Ереван, с грустью высказался о том, что "у армян большие притязания на значительные территории Турции, Ирана, Азербайджана, Грузии". Учитывал ли эти, пусть бредовые настроения, Европарламент при новой постановке "армянского вопроса" весной 1987 года?

"Из-за бугра" поступил к нам и первый сигнал о Карабахе. Академик Абел Аганбегян в середине ноября 1987 года во время приема, устроенного в его честь Армянским институтом Франции и Ассоциацией армянских ветеранов, выразил желание "узнать о том, что Карабах стал армянским. Как экономист, - сказал академик, - я считаю, что он больше связан с Арменией, чем с Азербайджаном". Кстати, во внешнем товарообороте НКАО доля Армянской ССР не превышала тогда 1,5 процента. Утешимся тем, что академик-экономист об этом не знал, чтобы получить частичный ответ на вопрос о нынешнем экономическом крахе огромной страны с гигантскими природными ресурсами.

Совершенно противоположной точки зрения, а именно о тяготении Карабаха к Азербайджану, придерживалась Мариэтта Шагинян, тонко чувствующая время и чаяния людей. В 1927 году, по свежим следам событий, после длительной поездки по области, очеркистка заметила, что эта земля "своим географическим и экономическим лицом обращена больше к Азербайджану. Туда скатываются ее дивные лесные нагорья, стремятся реки, бегут дороги, а по течению рек и по дорогам туда же ползут деревни и люди, неся с собой экономические интересы: торгуют, покупают, обменивают, приспособляются, отвечают на спрос, усваивают бытовые черты, связываются общими целями".

А вот еще более раннее свидетельство одного из партийных боссов Закавказья Левона Мирзояна. относящееся к 1923 году. "Нет карабахского вопроса в чистом виде. Армянский крестьянин говорит, что он без тесной связи с Баку и Агдамом жить не может и что ему нужно только обезопасить дорогу в низменную часть и дать возможность культурно развиваться".

И еще одна цитата в назидание экстравагантному академику. 22 мая 1919 года, еще до установления Советской власти в Азербайджане и Армении, Анастас Микоян сообщил В. И. Ленину: "Дашнаки-агенты Армянского правительства добиваются присоединения Карабаха к Армении. Но это для населения Карабаха значило бы лишиться источника своей жизни в Баку и связаться с Эриванью, с которой никогда ничем не были связаны. Армянское крестьянство на пятом съезде решило признать и примкнуть также к Азербайджану".

Все, как говорится, течет, все меняется, и тот же Анастас Микоян, став председателем Президиума Верховного Совета СССР, предложил Н. С. Хрущеву в начале 1964 года присоединить НКАО к Армении, учитывая успешную передачу Крыма Украине десять лет назад. Хрущев, по достоверным сведениям, не без раздражения сказал; "Я готов предоставить 12 тысяч военных грузовиков для переселения армян НКАО в Армению в течение одних суток".

Горбачев к подобному ответу был не готов, и, надо полагать, манипулирование национализмом, великой человеческой слабостью, входило в план не только Збигнева Бжезинского. Да и какие народы, на протяжении долгих лет истории живущие в одном регионе, не наносили обеды друг другу? Находились силы в людях погасить националистическую ярость, потому что разъединение народов чревато только кровью и только хаосом. Так говорит история. "Только безумные честолюбцы и преступники жаждут вражды, - считает Фазиль Искандер. - Первые хотят прославиться, а вторые надеются, что за общей свалкой забудут об их преступлениях".

Ложь об "экономической целесообразности" передачи НКАО из состава Азербайджана в состав Армении, прозвучавшая в парижском отеле "Интерконтиненталь" перед местной армянской элитой и опубликованная на страницах "Юманите" 18 ноября 1987 года, разверзла дымоходы беззакония. Сказать бы сразу правду: основа всеобщего неблагополучия - в отсутствии нормальной государственности; только это озлобляет и унижает нас, русских, армян и азербайджанцев, а озлобленные люди будь то молдаване, узбеки, якуты, легко создают образ национального врага. "- Выделяйте объекты для ненависти", - учил Геббельс.

Крапленая карабахская карта вошла в игру. Первое откровенное покушение на Конституцию СССР и Азербайджанской ССР прозвучало подобно пощечине по самолюбию целого народа.

Стержень азербайджанского национального характера, по мнению Хикмета Гаджи-Заде, сформировался под определяющим влиянием тюркского военно-феодалного кодекса чести, хорошо узнаваемого в эпосе Кероглу: доблесть - выше пользы; бесчестие - хуже, чем смерть; помощь - унижительна; семья и дети - выше успеха и карьеры. Стремление к достатку - не аморально, деньги мужчины красят мир - сказано в Коране.

По отношению к пришельцу у азербайджанца всегда наготове неограниченный кредит доверия и гостеприимства, при этом сам хозяин зачастую ошибается, что гостю известны порядки в его доме.

Вот как древняя притча объясняет эти порядки. Пришедшего в гости приняли, накормили и напоили, дали ночлег. Наглый гость начал хвалить все подряд, зная местный обычай: все, что нравится пришельцу, то принадлежит ему: это закон. Гостю дали много подарков, но перед уходом попросили снять сапоги и стряхнуть с них землю. "Земля у нас одна, - говорят в Азербайджане, - и ее мы в дар не даем".

Всякие притязания на землю больно ударяют по чести и достоинству любого народа, даже если люди не осознают, что прозвучавший в далеком Париже призыв к беззаконию - это конец дымящимся очагам их мирной жизни.

Заявление Абега Аганбегяна о Карабахе мгновенно стало центральной темой для многих зарубежных армянских газет и журналов, радиостанции "Айб" в Париже, армянских редакций радио "Свобода", "Голос Америки" и других. Оживились многочисленные политические организации второй по богатству зарубежной диаспоры: партии "Революционные дашнаки", "Союз армянских революционеров", "Крестьянская свобода", "Восточные армяне Соединенных Штатов", "Киликия", "Жираир", "Защита Армении" и "Юные армянские дашнаки".

США готовились тогда к очередным президентским выборам. Армянское лобби не могло остаться в стороне от главных кандидатов в президенты. Советником Майкла Дукакиса по национальным вопросам стал Мурад Топалян., а руководитель армянской общины в США Паруйр Зорчян выступил в поддержку Джорджа Буша.

(Сегодня, когда я включаю "Новости" или "Вести" и вижу, что добрая половина авторов репортажей, журналисты или операторы, - люди с армянскими фамилиями, я понимаю, что пример зарубежных лоббистов весьма заразителен и для Эдуарда Сагалаева, одного из руководителей российского телевидения, "независимого" журналиста, вложившего в телерадиокомпанию, по сведению газеты "День" свои "личные" 17 миллионов, и для главного редактора "Вестей" г-на Минасяна, дельца менее известного, чем г-н Сагалаев).

Но вернемся в конец 1987 года. На съезде республиканской партии в Нью-Орлеане делегаты от армянской общины настояли на включении в программу партии пункта о "поддержке тех народов Советского Союза, которые добиваются права на самоопределение".

Что же касается армянского лобби на вершинах власти в СССР, то тут Абул Аганбегян просчитаться не мог, он знал всех поименно: от помощников Генсека Шахназарова и Брутенца до приближенных к новому Премьеру Рыжкову Ситаряна и Хачатурова.

Впрочем, рассчитывать на открытую политическую активность высокопоставленной партгосчеляди даже армян—деятелей культуры, тогда не приходилось. Важно, что ни один из них против объявленного конституционного произвола не выступит.

Наиболее откровенным мне показалось высказывание народного артиста СССР, ленинградца Рубена Агамирзяна:

"Конечно, я как армянин хочу, чтобы Нагорный Карабах отошел к Армении, - я бы считал это справедливым. С другой стороны, я понимаю, что такая акция может вызвать цепную реакцию непредсказуемого характера".

Но ведь и весь расчет-то авторов карабахского сюжета был связан именно с цепной реакцией вполне *предсказуемого* характера: вспомним прогноз Збигнева Бжезинского.

Если бы академик Аганбегян, подобно режиссеру Агамирзяну, начал свое выступление в Париже с того, что он как армянин хочет, чтобы Нагорный Карабах отошел к Армении, то его национальное достоинство могли спутать с национализмом. Поэтому придворный кремлевский экономист, главный советник Л. И. Брежнева по проблемам БАМа, оказался более изощренным режиссером, чем покойный Рубен Сергеевич Агамирзян. Знал ли Абул Аганбегян, первым бросивший спичку в националистический хворост, о карабахском движении в самой Армении? Сомневаться не приходится. Посланцы Еревана в течение всего 1987 года, посещая Карабах, организовывали собрания на предприятиях и в армянских селах, собирали подписи под резолюциями о переподчинении автономной области. Наивный национализм переплетался с идейным: о несовместимости пребывания на одной территории двух "чуждых" наций. Из местных библиотек изымались книги азербайджанских классиков, изданные на русском языке, вплоть до детских рассказов Джалила Мамедкулизаде, который с искренней симпатией писал о трудолюбии, деловитости армянского народа и даже ставил его в пример своим соплеменникам.

В идеологической артподготовке главное место занял путевой очерк Зория Балаяна "Очаг", ставший настольной книгой во многих армянских семьях. "Из всех прав человека я превыше всего ставлю право на расцвет нации, - вот кредо и лейтмотив публициста, взявшего многозначный псевдоним – *Гайк Карабахци*. - И только тот есть настоящий гражданин и патриот, кто претворяет в жизнь это право. Все остальное - это предательство. Это безнравственно...".

Считая себя и свой народ всегда правым, Зорий Балаян личной озлобленности придавал международный размах:

"Мы никогда не забываем тех наших соотечественников, которые были вырезаны варварами. И лично мне непонятно, как японцы могут сегодня, что называется, якшаться с американцами. Как вообще можно было после Хиросимы и Нагасаки принимать на японских островах американских летчиков... Сто сорок тысяч японцев перестали существовать за пятнадцать секунд. Еще сотни тысяч будут страдать потом. Тысячи и тысячи страдают и до сих пор. И вдруг одетые в летную форму американцы спокойно разгуливают по японским островам".

Нападать на американских летчиков из-за угла или подкладывать взрывчатку в американские консульства Гайк Карабахци японцам не предписывал, зато с теплотой отзывался о примере "молодых парней армянской национальности, которые поставили перед собой цель - убить турецкого дипломата".

Воспевая "исторический Арцах", автор попирает этику межнациональных отношений, называя азербайджанцев "пришельцами", "тюркскими кочевниками", из-за которых: "как тесно нам. Между районными центрами проходит не дорога, а один город. Тесно нам, как никому и нигде в мире".

От этих песнопений о тесноте на исторической родине персонажам описываемого сюжета необходимо было, подхлестывая национальные чувства, перейти к деспотии толпы.

Примерно за месяц до отлета Аганбегяна в Париж, в октябре 1987 года, в ереванском парке имени Пушкина прошел первый митинг комитета "Карабах". Его лидеры, Игорь Мурадян и Левон Тер-Петросян, собрали тогда не более 250 человек. Но уже прозвучал боевой гимн "И ведь сегодня Карабаху живые идолы нужны" с весьма воинственной концовкой: "Сумеем презреть и смерть, и страх тюрьмы, чтобы спасти наш Карабах".

Поэтесса Сильва Капутикян справедливо назвала это движение "детищем перестройки, социальной активности масс".

Мирные карабахцы о грядущем "спасении" своего края не помышляли, хотя не редкостью стали косые взгляды на соседей-азербайджанцев, и первыми ощутили беспокойство семьи со смешанными браками. А в аттестате о среднем образовании, полученном Аббасовой Реной Васиф кызы, 1970 года рождения, в поселке Ленинаван Мардакертского района НКАО, среди четверок и пятерок по основным предметам, по двум из них - азербайджанскому языку и азербайджанской литературе - оказались прочерки с пометкой: "не изучались".

**Февраль 1988 года:
«Корректоры», лидеры «Карабах» и Сильва
Капутикян**

Сегодня эти опечатки кажутся столь безобидными, что о них никто и не вспоминает. Случалось же - то в "Календаре врача" на 1963 год, то в книге Н. В. Воронова "Монументальная скульптура" (1984 год), то даже в учебнике "Основы советского государственного права" (1987 год), - что Нагорно-Карабахская автономная область причислялась к Армянской ССР. Эта фальсификация издателями и авторами объяснялась виной корректоров: не доглядели. И точка. Никаких особых протестов азербайджанские власти, тем паче - читатели, не затевали.

Народный писатель Азербайджана Мирза Ибрагимов, написавший обстоятельную статью, посвященную критическому разбору книги Зория Балаяна "Очаг" и подлинной истории взаимоотношений двух народов, удостоился лишь телефонного звонка из "Литературной газеты". На корректоров там уже не ссылались, но по поручению Александра Чаковского писателю сообщили: "Так как книга издана в Ереване и касается вопроса, который редакция не считает нужным выносить на всесоюзную и международную арену, публикация .Вашей статьи невозможна".

Зато когда в газете "Бакинский рабочий", опубликовавшей серию очерков об Армении, проникнутых уважением к соседней республике и ее жителям, из герба Армении, помещенного рядом с заголовком, исчезло контурное изображение Арарата, реакция была далеко не адекватной техническому типографскому браку. И хотя уже в следующем номере - очерки шли с продолжением - типография оказалась на высоте, последовали не только протесты Еревана в Москву и высшие органы власти Азербайджана, но и в самой Армении развернулась негодующе-пропагандистская кампания. Группа работников редакции и издательства после суровых разносов в верхах подверглась остракизму и увольнению.

Под особым наблюдением и контролем находились труды историков, воссоздававших картину политической и культурной жизни албанов, одного из трех основных древних народов Закавказья, наименее известного и очень мало изученного, хотя он является одним из предков народов закавказского Азербайджана и горного Дагестана. Центр изучения древней Албании по указанию Президиума Академии наук СССР переместился из Баку в Ереван.

Вышедшая в 1986 году книга Фариды Мамедовой "Политическая история и историческая география Кавказской Албании (III век до н.э. - III век н.э.)" и защищенная в апреле 1987 года в качестве докторской диссертации, подверглась разгромной критике в ереванской газете "Гракан терт" ("Литературная газета"). Литератор Альберт Мутегян обратил внимание вышестоящих партийных органов и ВАКа на ненаучное толкование Ф. Мамедовой многочисленных фактов армянской истории и тенденциозное их извращение и обвинил автора "в беспочвенных притязаниях и стремлении присвоить памятники средневековой армянской литературы, архитектуры и культуры".

Напрасно академик Зия Буниятов предупреждал своего оппонента из "Гракан терт", что нельзя превращать албанистику из области науки в поле политики, тем более сигнализировать в "вышестоящие органы", ведь древняя Албания - это культурное наследие многих народов, и в первую очередь - Азербайджана. Зия Буниятов ссылался при этом на одного из основателей албанистики и Армянской академии наук, академика Иосифа Абгаровича Орбели, справедливо осудившего в свое время "армянские националистические наукообразные домыслы".

Время подступало другое, время не академиков, а заурядных филологов из комитета "Карабах", которые прямо-таки вцепились в "возбуждающую тему".

Не отставала от интеллектуалов и армянская церковь. Эчмиадзин, как можно судить даже поверхностному наблюдателю, степенно, без лишних эмоций, но постоянно держал наготове антиазербайджанские настроения. Назову лишь два свежих к тому времени руководства: "Противники армянского народа до революции и после революции" (1978 год) и "Девять вопросов в решении судьбы Армении" (1983 год). Карабах в решении судьбы Армении, естественно, превалировал над другими восемью вопросами.

И хотя из событий 1987 года "вокруг Карабах" мною рассмотрена малая толика, сюжет сей навязанной драмы упорно толкает нас в год 1988-ой, в сам Нагорный Карабах (по азербайджанской транскрипции - Гарабаг) и в столицу этой автономной области - город Степанакерт, когда-то село Ханкенди (Ханское село).

20 февраля 1988 года большинство депутатов областного совета НКАО проголосовало за передачу области из состава Азербайджанской ССР в состав Армянской ССР. Соответствующие обращения направлялись Верховным Советам в Баку, Ереван и в Москву. Еще до получения ответов этих вышестоящих органов менялись стяги на флагштоках и доски на учреждениях, переходивших под юрисдикцию Армянской ССР.

"Правда" ровно через месяц вопрошала по этому "беспрецедентному для нашей страны случаю":

"Казалось бы, что в этом плохого или страшного? Веда прошли вроде времена, когда по любому вопросу могло быть только одно мнение. И если появились другие, почему бы их не рассмотреть, проверить в откровенной беседе? Доказательно объяснить людям, что в данном случае у них местнические интересы взяли верх над государственными".

О том, что выход из царства произвола в царство закона, - а мы собрались строить, если помните, правовое государство, - подменяется на глазах изумленных зрителей всей страны другим произволом, националистически воспаленным, и значит, более кровавым, "Правда" сказать не посмела. О других средствах массовой информации, все еще находившихся под гнетом партийной цензуры, и говорить бесполезно.

Журналистов предупреждали: нужен взвешенный подход, ситуация сложна, реакция на каждое слово острая; в Москве выработывалась "мирная концепция взаимных уступок", будто бы и Азербайджан претендовал на часть территории Армении.

О растерянности пишущих в те первые дни конфликта поведал спецкорр. "Известий" А. Казиханов:

"Я рассуждал примерно так. Что в основе событий? Недоразумение. Большое, грандиозное, трагическое, чреватое ужасными последствиями, но - недоразумение. Мне все время казалось, что его можно как-то уладить, если найдется некто умный, рассудительный, совершенно беспристрастный, в равной степени уважающий и любящий как азербайджанцев, так и армян. И если такой человек (или группа людей) мудро и тонко устранит возникшие претензии, взаимные глухоту и слепоту, то все станет на свои места".

Казиханова, правда, несколько насторожила обстановка в клубе степанакертской шелковой фабрики, когда там выступал директор Р. Атаян, о чем он и поведал читателям:

"Говорил он, естественно, по-армянски. Я обратился к молодым людям с просьбой перевести речь директора, но наткнулся на резкий отказ. Тогда я попросил стоявшего рядом человека средних лет, судя по всему, рабочего этой фабрики, хоть кратко перевести мне, о чем говорил директор.

- Он рассказывает о нашей истории, - любезно сказал рабочий. - Он говорит, что...

Дальнейшего я не услышал. Моего простодушного переводчика тут же отозвали в сторону. Несколько небритых молодых людей что-то гневно ему сказали. Рабочий смущенно оправдывался".

Непредубежденному человеку было ясно, что добиваться практической самостоятельности в рамках автономии, наполняя ее живым содержанием проявляя гибкую, сильную волю к добру, власти Карабаха не могут и не хотят. Они находились под давлением "небритых молодых ребят". Испугавшийся председатель исполкома облсовета объявил вечером 20 февраля о потере печати, но в конце концов нашел ее, заверил бумаги, сделав вполне законными результаты депутатского голосования.

Журналисты "Известий" и "Правды" пытались узнать у карабахских армян: каковы конкретные плюсы, если НКАО все же перешла бы к Армении? Кто и как считал их? Забыв про "экономическую целесообразность" Аганбегяна, собеседники отвечали: "как можно сводить все к каким-то счетам-расчетам, когда речь идет о святом деле?".

"Не будет Карабаха, не надо нам никакой перестройки", - угрожал из Еревана писатель Серо Ханзадян, Герой Соцтруда.

"В очередной раз составлялись петиции, собирались подписи, направлялись делегации в Москву, чтобы там дуться поддержки идеи - соединить НКАО с Арменией. Распространялись слухи, что Москва, мол, почти "за", надо только решительнее требовать.

В Степанакерте начались митинги, на них скандировали триаду. "Ленин, партия, Горбачев". Это была новинка в арсенале перестройки: давление снизу, деспотия толпы.

Наивные журналисты задавались вопросом: "Но в НКАО четверть населения составляют азербайджанцы. Хоть один из них есть на митингах? Или им безразлично: переведут их вместе с землей, домами и скотом в соседнюю республику или здесь оставят?" В ответ слышалось: "Ну при чем тут все это? Им достаточно лишь объяснить, что от передачи НКАО в Армению хуже не будет".

Именно так – *не спросить, а объяснить, - как бессловесной твари.*

Азербайджанцы, депутаты областного Совета, в голосовании 20 февраля участвовать отказались. "Ну и что, - горячились ликующие пикетчики в Степанакерте, добившиеся знаменитой на весь мир сессии, - большинство все равно "за"!

Степанакертцы убеждали журналистов, стремившихся на первых порах к объективности и беспристрастности: "О нас следует писать либо хорошее, либо ничего".

- "А как же сообщать плохое?" - "Плохое пишите только об азербайджанцах".

Вскоре этот немудрящий совет будет воспринят всей демократической прессой России. Авторы же тех первых публикаций в "Правде" и "Известиях", донесших хотя бы отголоски националистической стихии из Степанакерта, вскоре исчезнут с газетных полос. Через месяц лишится своего корреспондентского поста в Ереване и правдист А. Аракелян, один из авторов статьи "Эмоции и разум". Требования своих собеседников – армян те исчезнувшие журналисты ("чтобы мы слушали только их верили только им") воспринимали удрученно, это плохо вязалось как с заверениями о дружбе с соседями, так и с нормами демократии и справедливости. Они же констатировали, что общие проблемы двух соседних республик Закавказья враз как бы исчезли, свелись к одной - территориальной. Спорной. Тупиковой.

Надо отдать должное тогдашним авторам "Известий" С. Дардыкину и Р. Лыневу, А. Казиханову и тому же А. Аракеляну из "Правды".

Синхронно карабахским заработали митинги и на Театральной площади в Ереване, только еще более многолюдные и с призывами к забастовкам на предприятиях. Это была вторая новинка сюжета. Полигон распада заработал вовсю.

"Да, мы видим, читаем, как работяги, такие же, как мы, простые ребята спрашивают: почему мы должны страдать из-за армян? - рассуждал в беседе с корреспондентом "Комсомольской правды" лидер забастовочного комитета релейного завода токарь Ованес. - А что, хочется спросить, эти ребята сделали для нас? Что знают о наших проблемах?"

Вопрос ставился ребром: почему вы не с армянами?

Особую известность в те первые дни приобрела поэтесса Сильва Капутикян с проспекта маршала Баграмяна, хотя ей не воздано по заслугам спустя четыре года ни интеллектуалами "Крик"а, ни нынешними властями Армении. С присущей ей поэтической страстностью Капутикян резала правду-матку ярче Балаяна. Цитируя, скажем, турецкого автора, она добавляла: "*Сам турок проклят, но слова его верны*", выдавая это за народную армянскую мудрость. Поэтесса приветствовала с трибуны Театральной площади "вдруг осмелившийся не покориться народ" (а кто его собирался покорять в 1988 году?), убеждала, что центральная власть нас поймет и пойдет навстречу, а иначе мы обратимся... к Турции, скажем, что каемся в своей приверженности России. Но, - добавляла, - это предательство никогда не случится, как мы тогда посмотрим в лицо Арарату?! Вызволнение Карабаха из-под власти турко-азеров (так Сильва Капутикян называла азербайджанцев, цитируя под горячую руку Виктора Гюго, строку из его ""Греческого мальчика": "Здесь турок прошел - повсюду смерть и руины") - это наш поиск новых, более надежных путей сохранения нации. Ради бога, не нужен этот "лакомый кусок", - омывала себя в экстазе, - мы привыкли жить на менее чем тридцати тысячах квадратных километрах каменистой земли, и, прибавив четыре с половиной тысячи квадратных километров КАРАБАХА, мы все равно Китаем не станем... - Вспоминала бессвязно свою встречу с опальным Хикметом, голубоглазым и рыжим Назымом, как она отстранила его объятия, выкрикнув: "Земли сначала верните, наши земли, потом обнимемся". И все это всерьез, со злобой, перед толпой... Она с презрением отвергала определение соседей, армян и азербайджанцев, как "вековые братья". - Разве можно произносить эти слова без кавычек! Даже яблоки и цитрусовые в дни мусульманского "новруз байрама", весеннего нового года, унижают, раздражают достоинство местных армян. С четвертого века мы терпим этих турок, сколько же еще терпеть!"

Ни единого упрека в разжигании межнациональной розни не получила Сильва Капутикян за подобные устные и печатные речи ни в России, ни в Азербайджане, а ведь она заслуживает, и это особенно ясно теперь, после зверств над "турко-азерами" в Ходжалы, самого боевого ордена. Или народного проклятия?

Поэтесса взалхлеб продолжает писать об особенностях и исключительности армянской нации, пробуждая воинственность в соплеменниках, почувствованную журналистом Мурадом Арвасом в Ереване: "Чтобы мы были собраны в пределах родной страны и девять десятых наших земель не находились за пределами нашей республики, чтобы каждое утро не вставал перед нашими глазами оказавшийся за границей Арарат, который, подобно тени отца Гамлета, не только ночью, но и днем с немой укором смотрит на нас и ждет торжества справедливости".

Чем не призыв к переделу мира? Ради торжества этой "справедливости" поэтесса и сама готова, по ее чистосердечному признанию, идти по городам и селам "с берданкою и саваном", призывая свой народ к вооруженной борьбе.

Иной тактики с самого начала придерживался лидер комитета "Карабах" Левон Тер-Петросян. Не отрицая "берданку и саван", он смотрел вдаль, вступив в борьбу за власть в самой Армении. В Ереванском доме писателей, зал которого был предоставлен в полное распоряжение комитетчиков, ими в те февральские дни 1988 года была обнародована программа действий. В программе предусматривалось: увольнять, переизбирать руководителей предприятий, партийных организаций, отзываться народных депутатов, исключать их всех из партии, если они будут препятствовать созданию первичных комитетов "Карабах". В интервью газете "Тайме" Левон Тер-Петросян чуть позже заявил, что движение протеста должно сохраниться даже в том случае, если требование армян о передаче НКАО Армении будет удовлетворено. "Если мы добьемся своей цели, - говорил будущий президент суверенной Армении, - то движение будет существовать как выражение воли народа".

Демократического лидера не беспокоило тотальное единодушие на митингах Степанакерта и Еревана, не закралось ни малейшего сомнения в том, что же объединяет директора-взяточника и едва сводящих концы с концами рабочих, спекулянта-торгаша и совестливого интеллигента? Может быть, прав Фазиль Искандер, заметивший по поводу столь пугающего единодушия: "Люди почувствовали вакуум беззакония и ринулись в него: не поспеешь за прогрессом, хоть поспеешь к погрому".

Ясно одно: комитет "Карабах" и его лидеры создавали своеобразный механизм параллельной власти, со своим аппаратом и методами управления.

В самом Степанакерте активисты "Карабаха" создали свой филиал под названием "Крунк" ("Журавль"). Там подполковники в отставке и доценты пединститута предопределяли следующий план своих действий: сначала мы положим партбилеты, а затем начнем партизанскую войну. ,

Против кого?

"Мы - смертники. Если не отделят нас, то мы пойдем на все!" - истерично кричали в лицо спецкору "Известий" А. Казиханову молодые небритые парни из "Крунка".

Пойдем на все - против кого?

20 февраля 1988 года по сути была объявлена война Азербайджану, как раз в дни 70-летия Брестского мира, после которого многие окраины тогдашней российской империи, в их числе Азербайджан и Армения, обрели государственный статус. Тогда за два года братоубийственной гражданской войны была истреблена почти пятая часть жителей Карабаха.

Не стану вдаваться в детали и политические последствия этого юбилея, официально нигде не упомянутого даже, хотя придаю этой дате весьма серьезное значение в нашей текущей истории. Замечу пока лишь один существенный факт начавшегося противостояния двух республик (Азербайджан тут, как и семь десятилетий назад, исполнял роль неповоротливого детеныша, не способного пожаловаться, сделать шум и "хорошую прессу", ему уготована была покорная роль выслушивать травлю со всех сторон): ни в Ереване, ни в Степанакерте ни разу не прозвучало требование о праве нации на самоопределение (этот виток политических страстей готовился Г. Старовойтовой в Москве), на первых порах были искренне и агрессивно заявлены территориальные притязания к соседу.

Когда на одном из заседаний комитета "Карабах" в Ереване в те дни стали зачитывать пункты программы социально-экономического развития НКАО, выступающего решительно прервали: "Если эти требования руководство Азербайджана выполнит, Армении не видать Нагорного Карабаха".

Зато интеллектуалы комитета "Карабах" абсолютно серьезно призывали создать в Армении собственную атомную бомбу, защититься ею от Турции и Азербайджана (эти сопредельные государства и четыре года спустя не удосужились предъявить Армении ни малейших претензий, хотя оснований хоть отбавляй). Так в чем же дело? Раз Москва не объявляет немедленной солидарности с нами, то рушится стратегический союз христианской Армении и христианской России. Мы объявим тотальную голодовку, пока Карабах не станет армянским.

Комитет продумывал хотя и бредовые, но не лишённые вероломства рекомендации в обход существующего конституционного порядка. Идея первая: карабахские армяне должны добиться выхода из СССР и вслед за этим обратиться с просьбой о вхождении обратно в Советский Союз, но уже в составе Армянской ССР. Вариант второй: поскольку, согласно Конституции СССР, НКАО не обладает правом самоопределения, а Армянская ССР имеет его, то пусть сама Армения заявит о своем вхождении в состав Нагорного Карабаха, образовав новую Арцахскую республику со столицей в Степанакерте.

Чем черт не шутит! Спустя четыре года, искупавшимся в кровавом омуте Ходжалы, Южной Осетии и Приднестровья (а что ждет впереди?), эти картины расстроенного национализмом воображения, воспринимавшиеся как вздор, могут обрести вполне реальные очертания: создан же маорионеточный Арцах - НКР, и референдум по этому поводу проведен. Правда, без карабахских азербайджанцев, они изгнаны со своей земли, оккупированной армянами.

А что же Эчмиадзин? Официально религиозные деятели не комментировали свою позицию по начавшемуся 20 февраля конфликту, хотя и заявляли: можете быть уверены, что сердца наши обливаются кровью по нашим братьям. На вопрос австрийского журналиста Мейзельса, как отстаивать права армян в Карабахе и не топтаться на месте, один из высокопоставленных деятелей армянской церкви дал уклончивый ответ:

"Мы не одиноки. На наших братьев в диаспоре не наложены никакие политические ограничения. Они могут перед своими правительствами ратовать за наше правое дело, и этот нажим, несомненно, не замедлит сказаться".

Вскоре в защиту "чаяний миллионов армян" выступил губернатор штата Калифорния Джордж Дукмачян. Похожее заявление сделал американский конгрессмен Пашаян и ряд других политических деятелей Запада. В их позиции явно просматривалась надежда, что события в Нагорном Карабахе и вокруг него, подобно цепной реакции, перекинутся на другие регионы страны. Начавшийся конфликт не должен был затухнуть. Армянская церковь, по сообщению "Голоса Америки", возглавила движение армянского народа "под лозунгом гласности" и стала требовать включения НКАО в состав Армении. Духовенство заявило, что "если Михаил Горбачев не решит этот вопрос для армян положительно, то они предпримут более решительные меры". На митинге армян Нью-Йорка архиепископ Месроп заявил: "Мы должны показать мировой общественности, что армянский народ сплочен и добьется осуществления своего требования".

Выход один: давить и давить на Москву, там в конце концов поймут, что лучше уступить, чем прославиться на весь мир, как деспотическое государство.

Перед поездкой первой делегации в Москву ходоки испытывали страх. По свидетельству Александра Проханова, "делегаты думали, что не вернуться, что их арестуют. Их провожали, как мучеников, агнцев, кладущих головы на алтарь армянской идеи".

Страх был природным, но напрасным. Москва, по словам Проханова, "их выслушала, попыталась понять". Выяснилось, что перед правовым беспределом если и есть конституционная преграда, то она - гнилая, тгни прикладом - и развалится.

Москва благополучно сунула свой державный палец в оскаленную пасть карабахского сепаратизма, начав политику задабривания и заигрывания, по настоянию агентов влияния, приближенных к партийному трону.

Были ли иные суждения в Политбюро в те дни? Выслушаем мнение Егора Лигачева, высказанное им три года спустя в интервью газете "Ла Стампа".

Вопрос: - Произошел ли разрыв между Вами и Горбачевым, в частности, по вопросу о проявлениях национализма?

Лигачев: - Да, это был третий пункт разногласий между нами и, может быть, самый серьезный. Когда в 1988 году начался конфликт в Нагорном Карабахе, мы очень часто виделись и много спорили. Он был, конечно, весьма озабочен. Но по-прежнему говорил об экстремистских силах, по-прежнему не желал принимать меры, необходимые для восстановления порядка. Результат нам известен: тысячи убитых, сотни тысяч беженцев, опасная напряженность для всего Союза.

Вопрос: - Вы считаете, что это вина Горбачева?

Лигачев: - Я говорю лишь то, что повторял уже тогда. Подлинная опасность для перестройки - не консерватизм, а сепаратистский антисоциалистический национализм, раскалывающий страну. Я знаю, что сейчас и Горбачев с этим согласен. Но недооценка этого обстоятельства в течение нескольких лет была роковой...

Я не думаю, что Лигачев четыре года назад был наделен здравым смыслом, а Горбачев был его лишен. Они просто делили свои сферы влияния и имели каждый своих наушников (от слова - наушничать). Напомню еще раз, что личным советником Горбачева был и остается, Георгий Шахназаров, устроивший личную встречу Генсека с делегацией Карабаха. Ее составляли ереванские литераторы Зорий Балаян и Сильва Капутикян, уже не раз к тому времени публично высказавшие свою зоологическую ненависть к "туркам" - азербайджанцам.

Политическое лицемерие Горбачева и цинизм его "действий и бездействия в создании омутов межнациональных страстей поражают. Вот лишь небольшая хроника:

Декабрь 1986 года, шар первый - Алма-Ата; столкновение на национальной почве? Как бы не так!.. Привыкайте к лжи и дезинформации.

Февраль 1988 года, Нагорный Карабах и - дуэтом Аскеран-Сумгаит. Именно в такой последовательности. Первые жертвы разбоя. Армия в городе Комендантский час.

Отошли от шока? Сентябрь 1988 года. Снова Нагорный Карабах, особое положение и комендантский час в целой области.

Процесс пошел вполне успешно. Ноябрь 1988 года. Около двухсот тысяч азербайджанцев изгнаны из Арме-ами после визита в регион Сахарова, Боннэр и Старовойтовой. Многодневные митинги в Баку и Ереване. Особое положение и комендантский час практически в обеих республиках. Армия на улицах городов.

5 декабря 1988 года. Очистка спецназовцами площади имени Ленина в Баку. Избиение безоружных людей.

2 апреля 1989 года. Тбилиси. Армия, как и четыре месяца назад, выполняет полицейскую роль. Как и в Баку, невероятное унижение национального достоинства народа.

Май 1989 года. Зверства в Фергане. Армия уже бездействует. Милиция бессильна. Около сотки тысяч месхетинцев оказываются выброшенными как бы в просторы Вселенной. Они Никому не нужны - ни России, ни Грузии. Многие из беженцев находят приют в бедствующем Нечерноземье и растоптанном Азербайджане.

Лето 1989 года, новые удары; Узень, снова Нагорный Карабах, Абхазия...

Не могу, должен остановиться. Кровавые отблески полыхают даже на клавишах моей пишущей машинки.

Что же Горбачев? В сентябре 1989 года на пленуме ЦК выступает с платформой по национальному вопросу. Новое словоблудие и новое лицемерие: "Кто вообще возьмется разделить, раскроить нынешнее наше переплетенное, связанное всеми экономическими, политическими, социальными, духовными, человеческими, семейными узами общество! - восклицает Генсек. - Только авантюристы могут к этому призывать!"

Через месяц в итальянском городе Ассизи он получит первую награду Запада - премию "Пилигрим мира- 1989". Чтобы выслужить Нобелевскую премию мира, нужно пролить море крови в Баку и окончательно опозорить армию жертвами в Вильнюсе.

Двуличный характер лидера перестройки верно почувствовал писатель Анар, опубликовавший свое суждение в январе 1991 года, когда Горбачев стоял у штурвала власти, выполняя чужие команды:

"Во встречах с М. Горбачевым я нашел его гибким, умным, изощренным политиком. По натуре это, безусловно, не жестокий человек. Но это - человек, что называется, себе на уме, и разгадать его истинные намерения непросто... И, повторяю, не будучи, на мой взгляд, человеком жестоким, он порой оправдывает, если даже не санкционирует, весьма жестокие и кровопролитные акции (Тбилиси, Баку, Литва). Президенту сейчас, как никогда, нужна армия, и он, по-моему, может оправдать любые ее действия, даже такие, какие он как человек, а не как политик, безусловно не одобрил бы конечно, жизнь людей для него - далеко не мелочь, но в то же время все это не является для него как политика, неприемлемой ценой для достижения какой-либо цели".

Ах, Анар, Анар, мягкосердная душа! Забылось, как Вас, народного депутата и народного писателя Азербайджана, этот "не жестокий" человек, будто плетью, исхлестал по сутулой интеллигентской спине, отогнав от трибуны первого съезда, не дозволив и слова высказать в защиту вашего оскорбленного нападения народа. Унижая других, сам унижаешься, - возразите Вы. Ничуть не бывало, - отвечу я, смотревший тот телевизионный спектакль, - надменности свойственно унижение других. Над Вами восседал гордый победитель, которого тешит унижение и Вас, и Вашего народа.

Впрочем, психологически это понятно, и я Анара не осуждаю: сам такой, хоть и не мусульманин, а христианин. Верней всего, мы оба атеисты. Сужу по тому факту, что в одной из февральских статей 1988 года Анар приводил в пример соотечественникам великого Сабира, который в трагические дни 1905 года, когда были спровоцированы первые армяно-мусульманские столкновения, нашел в себе мужество обратиться к двум народам с таким призывом:

Кто родины сынов толкнул во вражий стан?

Откуда этот спор армян и мусульман?

Иль не рассеялся тот вековой туман?

Сограждане! Пора! Идем! Нам по пути!

Пора поддержку нам друг в друге обрести!

Армянские же газеты начала 1988 года были полны иных призывов: "Мы требуем - вы соглашайтесь! Пусть весь мир горит огнем, лишь бы нам достался Карабах!"

Печатались проекты националистических деятелей диаспоры: выход Армянской ССР из состава Союза, открытие в крупных странах Запада консульств "единого независимого армянского

государства", создание в республике национальных воинских частей, солдаты которых проходили бы службу на ее территории.

Это была уже долговременная реалистическая программа. И не только для Армении. Но прежде всего - для нее.

Цели сформулированы, средства выделены, как говорится, за работу, товарищи!

"Все армяне мира смотрят на нас" - с такой шапкой вышла ереванская газета "Коммунист".

А Вы, уважаемый Анар, с заклинанием Сабира...

Пора поддержку нам друг в друге обрести - людям совестливым, без националистического воспаления в мозгах, и сказать правду согражданам о растлителях душ человеческих, как то завещали нам великие Сабир, Саят-Нова и Александр Сергеевич Пушкин. И разве только они?

Ведь последователи Зория Балаянами и Сильвы Капутикян ловки и безжалостны, вот вам простой пример. Ш. Шейхахмедов, горнорабочий шахты "Южная", член Воркутинского городского стачечного комитета, рассказывал при встрече с М. С. Горбачевым в Кремле:

"В горячие дни забастовки кто только через Воркугу не прошел: и Российский Фронт, и ДС, и другие. А тут еще и гости из Нагорного Карабаха начали требовать у воркутинцев, чтобы меня изгнали из стачкома по той простой причине, что я азербайджанец, хотя, как я уже сказал, на самом деле - дагестанец. А хотя бы и азербайджанец! Даже те деньги, которые они предлагали в помощь - 50 тысяч, хотя забастовщики и нуждались в деньгах, не получая зарплату, мы отвергли. Ваши деньги нам не нужны, уезжайте, если пришли сеять рознь..."

Почитаться бы тогда Горбачеву у шахтеров!

*Год 1989-й:
географ Скибицкий, профессор
Свентховский и рабочий Поряков*

Вдаваться в дебри исторических споров о территориальной принадлежности нагорной части Карабаха я не собираюсь. Поддерживает меня в этом, как ни странно, и главный редактор армянского вещания радио "Свобода", один из лидеров партии Дашнакцуттон Эдуард Оганесян. В армянском клубе Мюнхена он встретился со старшим "мучным сотрудником Института кибернетики АН Азербайджана Асафом Гаджиевым и высказал такую точку зрения, запечатленную на видеокассете:

"Практически проблема территориальных притязаний, проблема того, кто из нас лучше, у кого какая история - это чушь... Я объясню свою мысль. Армяне говорят, вот была Великая Армения, и тогда Карабах входил туда. Значит, он и сегодня должен входить в нашу территорию. Сейчас говорить об исторических правах - это ошибка нашей стороны".

На задней стене мюнхенского клуба - и это запечатлела видеокассета - во время разговора висела ярко раскрашенная карта мифической Великой Армении, а Э. Оганесян продолжал:

"Как армянские интеллектуалы, мы решили, что в создавшейся ситуации (беседа протекала в январе 1991 года - Ю. П.) Карабах должен принадлежать территориально и юридически Азербайджану. Я пришел к этому выводу политически. Мы на это пойдем в ответ на то, что вы, азербайджанцы, согласны обеспечить жизнь карабахских армян в армянских ценностях". (Цитирую дословно, как было сказано - Ю. П.).

Что подразумевал под армянскими ценностями Э. Оганесян, мы еще должны выяснить. Ведь не посоветовали же мюнхенские интеллектуалы Дашнакцутюна Верховному Совету своей метрополии отменить антиконституционное постановление о присоединении НКАО к Армении или разоружить отряды фидаинов? Конечно, нет. Хотя Гаджиев передал им трагическое послание 122-х карабахских армян: нам надоело в течение трех лет быть заложниками ереванских бородачей и "отцов нации". Попробуй не выйти на митинг или на демонстрацию, попробуй выйти на работу во время забастовки в Степанакерте. Все это - националистический террор. Чем он кончается, известно. Прислушаемся к мнению Рамазана Абдулатипова, одного из лидеров российского парламента:

"Если сегодня какой-то армянский лидер и скажет, что азербайджанцы нам не враги, а друзья, - то его, возможно, завтра же и уничтожат. Почему? Потому что он сам возвел национальные принципы в высшую степень, довел массы до психоза. Скрытый заряд начинает действовать против того лидера, который и созывал свой народ под знамена войны и мести".

Сведениями о преследовании миротворческих лидеров я пока не располагаю, зато примеров жестоких расправ националистов с рядовыми карабахцами хоть отбавляй.

Привожу рассказ Ашхен Григорян, технолога Шушинского хлебозавода, после памятного заседания Президиума Верховного Совета СССР 18 июля 1988 года:

"Говорю о наболевшем. Азербайджанский народ ни в чем не виноват. Во всем виноваты армянские экстремисты. Мы спокойно жили и работали. Армянские экстремисты надумали идею о передаче Карабаха Армении. Но мы прекрасно знаем: Карабах был и будет принадлежать Азербайджану. Решение Президиума Верховного Совета СССР восприняла с удовольствием, ведь я молилась об этом же. И даже на радостях купила три килограмма шоколадных конфет, которые, по обычаю, раздавала всем знакомым и незнакомым людям. По пути к дому встретилась с корреспондентами, которым рассказала о своих чувствах. Вскоре об этом была передача по Центральному телевидению.

К сожалению, моя радость длилась недолго. Из Степанакерта позвонили мне и сказали, что меня убьют, почему я даю такие "концерты". Я ответила: вы восемь месяцев давали концерты, а я лишь пять минут.

Зорий Балаян в ереванской газете "Коммунист" опубликовал статью, в которой меня оскорбил, написав, что, якобы, мне передали килограмм конфет, после чего избил, а затем - убили...

Я бы сказала Зорию Балаяну, чтобы он не распускал всяческие слухи. Зорий Балаян и есть враг армян".

Вот таков эмоциональный рассказ Ашхен Григорян, кстати, депутата городского Совета Шуши. Подобные угрозы: убить, скомпрометировать, объявить коллаборационистом - указывали

на то, что необъявленная война принимает гражданский характер, как во времена Франке в Испании.

Любой мирный шаг на пути трезвого изучения развернувшейся кампании за изменение статуса НКАО пресекался не только на месте, в Степанакерте или Шуше, но и в Москве. Когда 25 марта 1988 года первый заместитель Председателя Бюро Совета Министров СССР по социальному развитию Владимир Лахтин заявил в "Известиях", что "по обеспеченности, скажем, жильем НКАО в 1,4 раза опережает средние показатели в остальном Азербайджане", что "есть и другие показатели, по которым в области положение лучше, чем в обеих союзных республиках", в редакцию пришел тот же Зорий Балаян и заявил: "Невозможно впредь действовать прежними методами". Естественно, что такую же позицию занял и новый партийный лидер НКАО Г.Погосян. Тезис же об ущемлении прав армянского населения области, подхваченный дружно средствами массовой информации, благополучно пронесен до сегодняшнего дня. Тот факт, что НКАО - единственная, пожалуй, автономная область в Союзе, в школах которой изучается история не той республики, в которой эта область находится, а другой (в данном случае, Армянской ССР), невозможно было обнаружить ни в одном органе центральной печати. Как и то обстоятельство, что трудности с дорогами, газо- и водоснабжением испытывают, в первую очередь, села области с азербайджанским населением. Ясно было, что выделенные Москвой 400 миллионов рублей капитальных вложений Г. Погосян осваивать не станет: планы-то были другими.

Любопытно, что первым, кто поддержал идею "исторической принадлежности" Карабаха к Армении, оказался академик Сахаров, выразивший в "Московских новостях" уверенность в том, что "Верховный Совет СССР еще вернется к этой проблеме и решит ее положительно". Тогда же, в марте 1988 года журналист Гаджи Гаджиев направил открытое письмо академику, которое в "Московских новостях" опубликовано, естественно, не было, но появилось с некоторыми комментариями за рубежом.

О чем же писал азербайджанский журналист прославленному академику?

"При всем моем глубоким уважении к Вам, как выдающемуся физику нашего времени и общественному деятелю, меня поразил Ваш поверхностный подход к этому деликатному вопросу. Поэтому считаю своим долгом рекомендовать Вам более глубоко ознакомиться с вопросом армян и выяснить для себя" каким образом они расселились на нынешней территории Советского Союза, в том числе в Азербайджане и даже в Армянской ССР".

Гаджиев ссылаясь на исследования историка Б. Ишханяна и приводил цитаты из его книги "Народности Кавказа", изданной в Петрограде в 1916 году: "Действительная родина армян, в древнеисторическом смысле Великая Армения, находится в Малой Азии, т.е. вне пределов России", и еще: "Армяне, проживающие в Нагорном Карабахе, частью являются аборигенами, потомками древних албанцев, сохранивших христианскую веру, а частью беженцами из Турции и Ирана, для которых азербайджанская земля стала убежищем от преследований и гонений". Трудно сказать, обратился ли Андрей Дмитриевич Сахаров к труду Б. Ишханяна, но общеизвестна записка Александра Сергеевича Грибоедова "О переселении армян из Персии в наши области" 1823 года, помещенная в двухтомнике его сочинений. Грибоедов, непосредственный участник и высокопоставленный исполнитель переселенческой политики, дипломатично признавался:

"Мы немало рассуждали о внушениях, которые должно делать мусульманам, чтобы помирить их с нынешним их отягощением, которое не будет долговременно, и искоренить из них опасение насчет того, что армяне завладеют навсегда землями, куда их на первый раз пустили. В том же смысле говорено мною и полицмейстеру, членам правления и ханам, которые у меня здесь были".

Опасения мусульман, как видим, оказались небеспочвенными. Колониальная политика России, завоевавшей в начале XIX века Закавказье, включала в себя прежде всего массовое переселение иранских и турецких армян в новые пределы империи и одновременное выселение азербайджанцев в Иран и Турцию. По свидетельству историка Н. Шаврова, "при размещении переселенцев русское правительство старалось убавить значение мусульманского элемента в данной местности водворением в ней армян". Ко времени публикации книги Н. Шаврова "Новая угроза русскому делу в Закавказье" - а это 1911 год - по его подсчетам, "из 1 млн. 300 тыс. душ проживающих в Закавказье армян более 1 млн. не принадлежит к числу коренных жителей края и поселены нами". Среди местностей, в которых были размещены армяне-переселенцы, историк упоминает "Нагорную часть Елизаветпольской губернии", а это и есть нынешний Нагорный Карабах.

"Традиционно гостеприимный и широкий душой азербайджанский народ, - писал Гаджи Гаджиев Андрею Сахарову, - во все времена давал убежище угнетенным и гонимым, независимо от их национальной принадлежности, в том числе и армянскому народу".

Правоту Гаджиева подтверждают многочисленные русские деревни в различных районах Азербайджана, где живут потомки изгнанных когда-то из России молокан и староверов, интернациональный характер древнего Баку, да и приют тысяч турок-месхетинцев, изгнанных из Ферганы.

"Хочется, чтобы Вы были справедливы, объективны и не потеряли бы доверие людей", - пожелал в своем открытом письме академику Сахарову Гаджи Алигейдар оглы Гаджиев в марте 1988 года.

В редакционном комментарии эмигрантской газеты "Вечерний звон" с горечью отмечалось, что письмо азербайджанского журналиста, посланное и самому А. Д. Сахарову, а также в советские и западные издания, света не увидело и ответа не удостоилось. "Критерий отношения к информации, а равно и к ситуации у человека или институции, борющейся за права ли человека или за иные формы справедливости, - замечала газета, - должен определяться не личными или семейными пристрастиями, но некоторой нравственной обязанностью, общей и не зависящей от национальных, религиозных или иных различий... Армения и Азербайджан - это Восток. А на Востоке существует обычай выслушать две стороны, прежде чем судить поспоривших".

Андрей Дмитриевич Сахаров (пусть земля ему будет пухом) не раз пользовался своим исключительным положением в мире, чтобы создать об азербайджанцах мрачное впечатление, как о каких-то краснокожих из романа Гюстава Эмара, об армянах же, как о многострадальной жертвенной нации.

Ограничусь одним лишь примером. В декабре 1988 года, за несколько дней до своего приезда в Баку, академик Сахаров в интервью по радио сообщил всему миру, что в Азербайджане в очередной раз убивают армян. На сей раз - в Кировабаде. Убито 193 человека, ранено 187, и в связи с убийствами потребовал сформировать вооруженные отряды самообороны из армянского населения Нагорного Карабаха.

На встрече в Баку писатель Максуд Ибрагимбеков спросил академика: "Андрей Дмитриевич! Вам уже известны факты, из которых явствует, что в Кировабаде погибло восемь человек, известны и фамилии, и национальная принадлежность каждого из погибших: три солдата - русский, белорус, украинец, один азербайджанец, женщина-азербайджанка с ребенком и два армянина. Разве это мало, восемь человек? Откуда же Вы взяли число 193?"

Дальнейшую ситуацию Максуд Ибрагимбеков изложил на заседании Совета по международным отношениям журнала "Дружба народов":

"Сахаров на это ответил, что действительно ошибся и согласился, что с цифрами следует обращаться осторожно. Кто сообщил ему первоначальное число погибших, он не сказал. Не сказала этого и принимавшая самое активное участие во встрече его жена - Алиханян-Боннэр, дама строгая и. судя по некоторым деталям и реакции Сахарова, решительная до чрезвычайности..."

Азербайджанский писатель, бессильный против столь тотальной дезинформации общественного мнения, с сожалением констатирует;

"Недоразумение с цифрами разъяснилось в присутствии сорока-пятидесяти человек, а заявление о массовых убийствах в Кировабаде было сделано на весь мир!"

Замечу, что сахаровское заявление и сейчас в ходу, хотя академика нет в живых, а Кировабаду возвращено его древнее название Гянджа. Вот ведь в чем суть...

Меня же, вправду сказать, не то чтобы очень беспокоила древняя история этого края с чистейшими родниками и бурливыми реками, с обильными виноградниками и тутовниками (а в недрах - цинк, свинец и другие ценности, попроще), но я хотел представить, что за люди населяли эту благословенную Богом землю к началу нынешнего столетия, то есть прадеды, отцы и деды ныне живущих.

И мне повезло. Друзья-ученые навели на след: в 1899 году в Тифлисе была издана книга М. А. Скибицкого "Материалы для устройства казенных летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе". Скибицкий поместил в ней составленную им в десятиверстном масштабе (по современным меркам - 1 : 420000) "Карту Гарабагских казенных летних пастбищ". Сама эта бесценная карта сохранилась лишь в библиотеке Баку, а из хранилищ Ленинграда, Тбилиси, Москвы она исчезла. Про Ереван и говорить нечего. То есть - сама книга есть, а основа ее, карта Гарабага с описанием тогдашних дымов и их обитателей, уничтожена как след.

Что же можно прочесть у Скибицкого про исследованный им Гарабаг?

"Гарабагские летние пастбища (эйлаги) расположены в пределах местности, называемой Гарабагом, и составлявшей прежде, до присоединения ее в 1828 году к России, особые Гарабагское ханство. Оно простирается по долготе... на 102,4 версты, а по широте ...на 146 верст (автор указывает точные географические координаты Карабаха в градусах, минутах и секундах, которые я опускаю - Ю. П.)".

Но самые уникальные сведения Скибицкий приводит о количестве дворов (дымов), селений и об этническом составе населения исследованного им Гарабага:

"Из общего числа пользователей описываемыми эйлагами, выражающегося 26038 дымами, которые распределены между 452 селениями, 4048 дымов живут в 81 селении Джебраильского уезда, 5064 дыма - в 102 селениях Джеванширского уезда, 331 дым - в 4 селениях Елисаветпольского уезда, 9432 дыма - в 175 селениях Зангезурского уезда, 5223 дыма - в 81 селении Шушинского уезда и 1940 дымов - в 9 селениях Джеватского уезда".

За живыми дымами землевладельцев и пастухов становилось ясно, что наиболее крупные их селения располагались в Джеватском уезде (в среднем по 215 дымов в каждом), а в остальных жили ровно, по 50-80 дашов на село.

"По племенному составу, - продолжает М. А. Скибицкий. - сказанные пользователи подразделяются на азербайджанцев, курдов, армян и татов. Азербайджанцы (тюрки) в количестве 18919 дымов (прикинем, что дымы азербайджанцев к началу нынешнего века составляли 72,6 процента от "общего числа пользователей описываемыми эйлагами" - Ю. Л.) живут в 333 отдельных селениях (и число азербайджанских сел определялось тем же процентом, раз уж мы принялись считать - Ю. Л.), разбросанных по всему Гарабагу, и в двух селениях, расположенных в Ганжинской низменности; курды в составе 3510 дымов (13,5 процента - Ю. Л.) живут в 69 селениях по ущельям рек Акары и Бергушета в Зангезурском уезде, Тертера и Тутху в Джеванширском уезде и по нижнему течению р. Бергушета в Джебраильском уезде; армяне в составе 3408 дымов (13 процентов - Ю. Л.) - в 47 селениях возвышенной части Джеванширского, Зангезурского и Джебраильского уездов".

Как видим, несмотря на переселенческую политику царского правительства православной России, соотношение азербайджанцев и армян в Карабахе перед началом XX столетия было по меньшей мере, как 4 : 1. Но почему же исчезла карта М. А. Скибицкого из библиотек научных центров страны? Отгадку этой детективной истории мне подсказал грузинский писатель К. Г. Чавчавадзе. Поскольку нынешние армянские историки и политические деятели неустанно настаивают на том, что Карабах исконно населен был армянами, азербайджанцы же там - пришлый народ, кочевники, то карта, составленная М. А. Скибицким, факт малоприятный для этой версии. Что же делать? "Уничтожить факт: или стереть, или выскоблить историческую надпись, или же переиначить ее в свою пользу", - вот каков ответ об упражнениях армянских "книжников-грамматеев" в труде И. Г. Чавчавадзе "Армянские ученые и вопиющие камни" (Тифлис, 1902 год). "Свои мнения и исследования, - продолжает Чавчавадзе, - они ценят на вес золота, а чужим, если они им не на руку, - грош цена". Я не считаю мнение грузинского писателя по поводу фальсификаций и подтасовок столь уж неоспоримым, хотя в книге его немало убедительных примеров того, как "армянские историки тянут свою канитель и селятся там, где никогда не жили. Разве не ясно, что эту поверхностную ученостью они желают убедить мир, будто за ними историческое право занять эти места".

Как бы там ни было, но в феврале 1989 года армянский центр США провел в Колумбийском университете конференцию, приуроченную к годовщине армяно-азербайджанского конфликта из-за Нагорного Карабаха. Ученые и там доказывали... Впрочем, о том, что происходило на этой конференции, подробно поведал в интервью бакинской газете "Элм" известный советолог, специалист по вопросам Азербайджана Тадеуш Свентоховский. Приглашение на конференцию он принял неохотно, советовал организаторам пригласить представителя азербайджанского народа, так как только азербайджанец, по его мнению, смог бы дать необходимые разъяснения в этом вопросе. Но...

Вопрос: - Простите, профессор, армяне не нашли никого из азербайджанцев или же не захотели приглашать их на конференцию?

Свентоховский: - Они сказали, что не нашли. Я не проверял, так ли это... Я выступил на конференции. Мой доклад занял примерно 40 минут. Кроме карабахской проблемы, я затронул в своем докладе историю армяно-азербайджанских межнациональных отношений. На конференции, кроме армян, присутствовали и американские ученые.

В своем докладе я прежде всего отметил, что все армяне, проживающие в настоящее время в Закавказье, включая и Азербайджан, являются пришлым, а не коренным народом. Большая часть из них была переселена в XIX веке из Ирана и Турции. Благодаря своему христианскому происхождению, особым отношениям с царской Россией, они добились больших льгот для себя. Несмотря на то, что они были пришлыми, армяне получили большие преимущества в области образования, в социальной и экономической области. Такая тенденция наблюдалась не только в Азербайджане, но и в Грузии, в результате чего между армянами и грузинами появились непримиримые противоречия.

Вопрос: - Но ведь и грузины христиане, чем же это объясняется?

Свентоховский: - Дело не в религии. Здесь большую роль играет экономическое положение. В материальном отношении армяне имели более сильные позиции. Азербайджанцы и грузины расценивали это как результат опеки царского правительства. (Отмечу, что армянин граф М. Т. Лорис-Меликов в 30-ых годах прошлого века возглавлял министерство внутренних дел Российской империи - Ю. П.). Короче, эмигрировавшие из Ирана и Турции на Кавказ армяне находились под всесторонней опекой царской России.

Вопрос: - Профессор, чем можно объяснить подобную опеку?

Свентоховский: - Одна из причин состоит в том, что армяне жили на территории Восточной Анатолии Османской империи, и царская Россия могла использовать их в своей внешней политике. Многие армяне служили в царской армии на Кавказе, азербайджанцы же были освобождены от воинской обязанности. Кроме того, крупная торговля находилась в руках армян, значительная часть нефтяной промышленности Баку также контролировалась армянами. Правда, основной контроль в этой области осуществляли азербайджанцы, но армяне тоже играли здесь большую роль. (Добавлю от себя, что, кроме Нобеля, бакинскую нефть делили между собой до революции азербайджанский промышленник Тагиев и армянский капиталист Манташев - Ю. П.). Было бы уместно отметить, что несмотря на опеку со стороны властей, между армянами и русскими также возникали противоречия. Так, в начале нашего века армянские террористы выступали и против царского правительства. Но в целом они были солидарны друг с другом.

Вопрос: - Вернемся к последним событиям. Не является ли, по-вашему, требование армян о присоединении Нагорного Карабаха к Армении незаконным и безосновательным? Если рассуждать по их логике, то завтра мексиканцы потребуют Калифорнию, пуэрториканцы Нью-Йорк, а кубинцы - Флориду.

Свентоховский: - Да, я думаю, что требования армян несправедливы. Во-первых, нельзя забывать, что армяне здесь пришлый народ. Все армяне Нагорного Карабаха являются внуками и правнуками эмигрировавших сюда армян. (Позавчера, 27 марта 1992 года, в репортаже из Еревана по Российскому ТВ, подчеркивая героизм людей, ведущих "национально-освободительную" войну, журналист сравнил карабахских армян с российскими казаками и поморами, не подозревая, видимо, что попал-то в точку: и казаки, и поморы действительно расселялись по окраинам империи с определенно колониальными целями - Ю. П.), Я не хочу сказать, что здесь армяне никогда не жили. Однако, даже местные, коренные армяне жили в составе Карабахского ханства и Гянджинской губернии, на исконно азербайджанской земле. Если мы возьмем такие области, как экономика, транспорт, торговля или любая другая, то увидим, что Карабах связан не с Арменией, а с Азербайджаном. Я вновь хочу отметить, что у армян, как и у других национальностей, проживающих компактно вне своей республики, нет никаких оснований требовать у другой республики пересмотра границ. Такие требования должны отклоняться, так как и другие национальные меньшинства начнут выдвигать подобные требования. (Вспомним, что в том же 1989 году, в сентябре, отчитываясь на пленуме ЦК, М. С. Горбачев, видимо, по совету специалистов типа Г. Старовойтовой, столь очевидную истину "требования должны отклоняться" обошел в присущей ему словоблудной манере: "состоялись неоднократные встречи... было принято масштабное постановление... создан Комитет особого управления... туда направлялись комиссии" - Ю. П.). Существует опасность, что в случае, если армянам удастся добиться своего в карабахском вопросе, то русские начнут предъявлять свои претензии на территории других республик. По-моему, советское руководство понимает это. ("Процесс пошел" - эти два слова и застряли у нас в памяти от затяжного Арменией идейного национализма, поощряемого властями России на беду ее многих народов - Ю. П.).

Вопрос: Зачем же, как Вы думаете, весь этот сырбор?

Свентоховской: - Трудно ответить на этот вопрос. На протяжении многих лет азербайджанцы жили с армянами в добрососедстве. По мнению некоторых армянских лидеров, надо воспользоваться удобным случаем, так как судьба перестройки неопределенна и неизвестно, сколько еще она протянет. Именно поэтому они хотят воспользоваться удобным моментом для перекройки границ. (Идеология карабахского конфликта, тогда еще никому не известная Галина Старовойтова, синхронно с конференцией в Колумбийском университете, в том же феврале 1989 года заявила со страниц журнала "Родина": "право нации на самоопределение - выше ценностей государственности". Правда, еще со знаком вопроса: "не следует ли признать?" - Ю. П.). Отмечу, что деятельность армян в этом направлении хорошо организована и продумана. Они продемонстрировали прочное единство. Для оценки действий их руководства нет слов. По-моему, их деятельность, их единство и солидарность должны стать примером для азербайджанцев. Хотя это и не имеет никакого отношения к их незаконным требованиям.

Вопрос: - Азербайджанцы, компактно проживающие в Армении, никогда не выдвигали подобных требований. 'Ведь они могли бы сделать то же самое?'

Свентоховской: - Да, конечно, любая нация может претендовать на ту или иную территорию. Но это должны быть справедливые притязания...

Заметным событием того же, 1989 года, стало письмо ленинградского рабочего НПО "Электронмаш" Игоря Пояркова, адресованное председателю Комитета Конституционного надзора СССР Сергею Алексееву. Взгляд Пояркова на конфликт в Карабахе состоял в том, что "тупиковая ситуация в этом регионе создана не столько обезумевшими от национализма людьми, сколько беспринципностью органов власти СССР, в том числе и возглавляемым вами комитетом".

"Если им (армянам - Ю. П.) - продолжал Игорь Поярков, - в какой-то момент больше всех других прав на свете стало необходимым *право на самоопределение нации* (подчеркнуто автором письма - Ю. П.), они свободно и в полной мере могут им воспользоваться, уезжая из НКАО в Армению! Почему же они этого не делают?

Они желают уехать в Армению вместе с *территорией, на которой проживают*. А без территории? Без территории они не хотят!

Весьма сожалею, но совершенно очевидно, что этим людям все-таки важнее *территория*, на которой они проживают, чем *самоопределение нации*. Самоопределение армян уже есть. Сколько же раз одна нация пожелает самоопределяться?"

Анализируя 70-ю и 78-ю статьи Конституции СССР. Игорь Поярков, как и люди, принимающие в конфликте вольное или невольное участие, оглядывался на государство, ждал, что медлительный и неповоротливый Центр *открыто назовет виновников конфликта*: "кто они - национальные герои, освободители? Или заурядное хулиганье и бандиты?"

Отсутствие позиции государства в течение двух лет вызывало, по мнению Пояркова, в обеих республиках "рост числа экстремистов и их желания оказать на государство возможно более сильное давление. Попутно лилась кровь, подхлестывая события".

"Что же вы медлите с объяснениями? - вопрошал рабочий юристов Комитета Конституционного надзора, - если я разобрался в вопросе, увидел причины и следствия за пять минут (два дня у меня ушло на то, чтобы добыть экземпляр "Конституции СССР"?).

Укор его "медлить два долгих года, медлить, когда рухнет экономика целых регионов, сотни тысяч людей изгоняются из своих домов, а число погибших исчисляется сотнями, нельзя", - остался безответным.

Письмо Пояркова было обнародовано лишь газетой "Бакинский рабочий", и то с серьезными цензурными купюрами. Назову основные из них, проливающие свет прежде всего на азербайджанских идеологов, на их полную зависимость и покорность перед Москвой.

Купюра первая: "На какой авторитет и уважение этот Союз ССР может рассчитывать, если позволяет полоскать статьи собственной Конституции в помойном ведре ереванских митингов?"

Купюра вторая. В медлительности Поярков обгонял не только Комиссию С. С. Алексеева, но и "Правительство тов. Рыжкова, и Президиум Верховного Совета СССР, возглавляемый двумя юристами и лично Генеральным секретарем тов. Горбачевым".

Редактор "Бакинского рабочего" убрал из текста Пояркова упоминание о том, что "и не велась бы сегодня война Армении против Азербайджана с применением вертолетов, бронетранспортеров и артиллерии".

И что самое главное, решительную концовку: "Националистическая пена в Армении не спадает и сама по себе не спадет. Никто из людей, схватившихся там за оружие, не читал Конституции СССР и не разбирался в ней. Они глотали то, что им в обработанном для употребления воде выдавалось там на митингах идеологами конфликта. Кто эти идеологи? Для меня бесспорно: человек, нарушающий Закон и подстрекающий множество людей на нарушение Закона, есть преступник, попросту не успевший сесть на скамью подсудимых Нюрнбергского процесса".

Так вот рассуждал ленинградский рабочий Игорь Поярков, веривший, как многие шукшинские "чудики", в государство и его законы, обязательные для всех.

Напомню, для сравнения, позицию М. С. Горбачева по этому поводу: "Советские законы предусматривают наказание за разжигание национальной розни, и правоохранные органы должны обеспечивать безусловное их соблюдение".

А главные персонажи для "наказания за разжигание национальной розни" находились в самом близком окружении Генсека и Президента, манипулируя им, подобно кукловодам.

Профессор же Свентоховский свой доклад в Колумбийском университете в феврале 1989 года закончил следующим пожеланием:

"Сейчас следует думать о восстановлении добрых отношений между армянами и азербайджанцами. Дружба между этими двумя народами должна быть возрождена. Ведь и близкие соседи

иногда спорят. Конфликт этот следует устранить. Нельзя допускать кровавых столкновений, так как после них трудно восстанавливать дружбу..."

Его выступление не понравилось армянским участникам конференции. Профессор с болью вспоминал, как к нему подошел один из них, посмотрел в глаза и плюнул Свентоховскому под ноги со словами:

"Что вы за ученый? Как вы можете утверждать, что вы являетесь американским ученым? - и добавил по-армянски: - Пусть твое лицо будет грязнее моей подошвы!"

Сумгаит: « Мы заставим нас стрелять»

В сентябре 1988 года в статье "Арцах: раны и надежды" Зорий Балаян вспомнил о первой встрече с М.С.Горбачевым:

"Уже в 1988 году сразу же после начала Карабахского движения Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев спросил Сильву Капутикян и меня: "А вы подумали о судьбе двухсот семи тысяч бакинских армян?" Я ответил вопросом на вопрос: "А почему, собственно, возникает необходимость думать о судьбе двухсот семи тысяч армян в Баку, мы же государство..."

Этот диалог интересен с нескольких сторон. Прежде всего поразительно спокойствие армянских ходоков, хотя о "запланированной крови" (это выражение позже пустит в оборот Андрей Нуйкин) своих соплеменников широко оповестил один из лидеров "Крунка" А. Манучаров: "Мы заставим в нас стрелять!" Деланная (как показали будущие события) обеспокоенность Горбачева явилась ни чем иным, как прощупыванием позиции идеологов национализма, поведут ли они цивилизованных и богоизбранных армян в кровавый омут вражды с "варварами турками и татарами буферной республики, искусственно созданной Сталиным". Выяснилось: поведут, не остановятся ни перед чем, потому что только кровь возбуждает массовую злобу и месть, а виноватым при любом варианте, останется Азербайджан, и можно будет потребовать ликвидации этого "административного деления", не обеспечившего безопасности своих граждан, независимо от их национальной принадлежности.

Удивительно живуча типология разжигания межнациональной розни! Просто диву даешься, когда читаешь:

"Злосчастный вопрос в жизни народов Закавказья - вопрос о возможности установления прочных постоянных основ мирного сожительства тюркского (азербайджанского - Ю. П.) народа с армянским все больше и больше заходит в тупик... Мы продолжаем думать, что интересы армян и тюрков так сильно переплетены, что изолировать их друг от друга невозможно, и всякая попытка к полной изоляции чревата тяжелыми жертвами для обеих сторон, и потому все наши усилия направлялись к установлению основ мира и совместной трудовой деятельности..."

Не то мы видим, к сожалению, со стороны политических руководителей армянского народа. Наоборот, мы наблюдаем в последнее время усиление по всем фронтам агрессивной работы армянских деятелей против законных прав азербайджанских тюрков. Все их дипломатические способности в Европе направлены к тому, чтобы представить в глазах европейского общества азербайджанских тюрков главными виновниками трагедии армянского народа. Пресса обрабатывает общественное мнение в этом же направлении... Получается такое впечатление, что несчастные армяне стали жертвой азербайджанских тюрков, которые пребывают благополучно на победных лаврах. Вся эта организованная работа армянских руководителей поддерживает кровавые события последних лет. В этих организованных рамках ведется в настоящее время, в частности, работа вокруг карабахского вопроса".

Тактика идейного национализма весьма стойкая вещь, потому что я процитировал взгляд более чем семидесятилетней давности: так писала газета Азербайджанской Демократической республики "Азербайджан" 6 июля 1919 года.

Не вдаваясь в историю "армянского вопроса" (отсылаю внимательного читателя к одноименной статье В. Гурко-Кряжина из Большой Советской Энциклопедии 1926 года издания), замечу, что к началу первой мировой войны армяне, по выражению П. Н. Милокова, "засевшие на перепутье между Россией и Турцией", приобрели крупное политическое значение из-за стремления великих держав - России и Англии - к захвату Босфора и Дарданелл. Потеряв государственность в 387 году нашей эры, спустя почти полтора тысячелетия, после русско-турецкой войны 1877 года, турецкие и российские армяне попытались с помощью упомянутого мной графа Лорис-Меликова и кавказского наместника великого князя Михаила Николаевича создать национально-армянское государство. Эти петиции и официальные обращения имели последствием лишь полную изоляцию армян - не только от Турции, но и от Англии, сменившей свою ориентацию. От России армяне отказались сами после отставки графа Лорис-Меликова с поста министра внутренних дел империи в 1881 году, последовавшей вслед за убийством Александра II.

О последовавших затем трагических событиях в судьбе армянского народа, втянутого своей буржуазией и патриархом Нерсесом в сложную игру великих держав, повествует в своей статье В. Гурко-Кряжин:

"Сорвав ставку царской России на турецких армян, Англия отступилась от них, оставив их на произвол турецкого правительства. Простейший и вернейший способ устранить эту опасность был сформулирован султаном Абдул-Гамидом в краткой формуле: "покончить с армянским вопросом, покончив с армянами". Для Турецкой Армении наступает период постепенного, дабы не вызвать внешнеполитических осложнений, но неуклонного истребления армянского населения курдами, принявшего особо широкие размеры в 1890 гг., когда создана была иррегулярная курдская конница - гамидиз, формально предназначенная для защиты границ от России, но фактически, главным образом, для армянских погромов.

Армянская буржуазия, отчаявшись в помощи великих держав и оказавшись перед фактом физического истребления тех крестьянских масс, которые должны были стать базисом "Великой Армении" о которой она мечтала, перешли к вооруженной борьбе против правительственного террора. Создаются националистические партии - Гнчак и Дашнакцутюн: обосновавшись в русском Закавказье, они высылают в Турцию пропагандистов и агитаторов, организуют повстанческие отряды, выступления которых имеют целью не столько реальные боевые успехи, сколько привлечение внимания великих держав к этим событиям".

Вскоре Гнчак сходит со сцены и единственной руководящей политической организацией армян на мировой арене остается (и по сей день) партия Дашнакцутюн, первоначальной программной целью которой являлась автономия Западной Армении в составе Турции.

Повстанческое движение дашнаков еще более развязало руки турецкому правительству. По сведениям Большой Советской Энциклопедии, в 1894 году в Сасуне было уничтожено 24 армянских деревни; в 1896 году резня шла уже на всей территории Азиатской Турции: разрушено было до 8000 деревень, вырезано около 50 тысяч человек, до 100 тысяч человек получили тяжкие увечья, до 300 тысяч человек остались без крова, многие армяне эмигрировали - в Россию. Как отнеслись к этим событиям великие державы? По мнению В. Гурко-Кряжина, "совершенно равнодушно. "Минутная" заинтересованность Англии в армянах уже миновала... Что касается России, то она проводила в эту эпоху русификаторскую политику в Закавказье и открыто протестовала против идеи "образования в Азии территории, где армяне пользовались бы исключительными преимуществами". Германия же, занятая приобретениями концессий на Багдадскую дорогу, не только не протестовала против избиений, но в лице императора Вильгельма даже открыто одобрила политику Абдул-Гамида по отношению к "крамольным подданным"..."

Участие дашнаков в общетурецком революционном движении и в государственном перевороте младо-турков в 1908 году перемен не принесло. Но в 1913 году, накануне мировой войны, русские дипломаты меняют ориентацию и открыто выступают "в защиту угнетенных армян", требуя, по соглашению с Дашнакцутюн, проведения реформ в восточных вилайетах Турции, по которым армяне должны были получить довольно широкую автономию.

Вмешательство России и создание дашнаками добровольческих отрядов зинворов из турецких дезертиров-армян свелось к организованной и необычайной по жестокости бойне 1915 года, о чем я уже говорил.

"В результате, - по свидетельству В. Гурко-Кряжина, - было умерщвлено около 300 тысяч человек, такое же количество умерло по дороге в Месопотамию, 200 тысяч человек бежало в Россию, наконец, около 400 тысяч человек спаслось путем принятия ислама. После этой грандиозной расправы Турецкая Армения фактически осталась без армян".

В 1918 году после образования трех республик Закавказья - Грузинской, Азербайджанской и Армянской - территория последней по Константинопольскому договору включала два уезда, Эриванский и Эчмиадзинский, с 400 тысячами жителей в них.

Государства Антанты, воевавшие теперь не только против Турции, но и против Советской России, укрепляя для себя "армянскую базу" в Закавказье, довели территорию этой республики, возглавляемой дашнакским правительством, до 17500 английских кв. миль с населением в 1,5 миллиона человек, из коих 795000 - армяне, 575000 - мусульмане и 140000 - люди прочих национальностей.

"Не довольствуясь этим, - пишет В. Гурко-Кряжин, - дашнаки заявили претензии на территории Ахалкалак и Ворчалю, вошедшие в состав Грузии, и на Карабах, Нахичеванский край и южную часть большой Елизаветпольской губернии, входивших в состав Азербайджана. Попытки силою присоединить эти территории (в период английской оккупации Закавказья) привели к войне с Грузией (декабрь 1918) и долгой и кровопролитной борьбе с Азербайджаном, в результате которой

население спорных районов сократилось на 10-30%, и ряд поселений был в буквальном смысле слова стерт с лица земли".

Господи, как это похоже на сегодняшний кровавый омут в Карабахе, в прилегающих к нему районах! Особенно - склонность сеятелей великоармянских национальных идей к террору и обману мировой общественности.

Английский журналист Лиддел, посетивший этот район в 1919 году, заметил по поводу партии Дашнакцутюн: "Это террористическая организация, которая в течение многих лет преднамеренно побуждала армян к нападениям на мусульман. Понеся заслуженное возмездие от последних, они разглашали об этом, чтобы возбудить мировые симпатии к "бедным армянам"..."

Не по такому же ли сценарию спустя 69 лет разыгралась сумгаитская трагедия?

"Для дашнака, - писал английский журналист, - убитый армянин является ценным. Если как следует использовать такой случай, то он может принести много выгод делу пропаганды".

Митинговые страсти в Сумгаите в последние дни февраля 1988 года были вызваны прежде всего поджогами домов и нападениями на азербайджанцев в Степанакерте, выживанием многих из них из Нагорного Карабаха. Накануне трагедии были убиты двое азербайджанских юношей в Аскеране. И все-таки там, на дороге между Агдамом и Аскераном, накаленные националистические страсти удалось остановить.

Почему для трагедии был избран Сумгаит? Академик Зия Буниятов (о нем речь впереди) называл это место "экологическим адом", перенаселенным лимитчиками; число уголовников (бывших) к моменту трагедии в этом городе достигло более 20 тысяч человек. По мнению писателя Максуда Ибрагимбекова, посетившего этот город в ночь после кровавых событий и разговаривавшего с местными жителями разных национальностей, а также со следователями и заместителем Генерального прокурора СССР, "события в Сумгаите - это умело запланированная акция". В течение недели перед погромами кривковцы собирали деньги с армянского населения Сумгаита, советовали этим жителям снять свои вклады в сберкассах, а богатым цеховикам порекомендовали вообще покинуть город.

Как вели себя городские власти? По свидетельству Жоры Тамразяна, члена горкома, первый секретарь Муслимзаде сказал: "Я не понимал, что я делаю, куда аду, но я взял флаг в руки и пошел, а бандиты за мной. Только тогда, когда я увидел, как сжигают машину, я понял, что поступаю неправильно, иду не по линии партии. До того не понимал, что делаю".

Как вели себя рядовые армяне и азербайджанцы, жители Сумгаита?

Свидетельствует Армен Григорян: "В ночь с 26 на 27 февраля, когда начались погромы азербайджанцев Карабаха на армян, живущих в Сумгаите, я находился на заводе на дежурстве. Об этом несчастье мне сообщил мой сосед по дому - азербайджанец Закир, который приехал ко мне на работу..."

Жора Тамразян: "27 февраля - день рождения двоюродного брата моей жены. Наши пошли его поздравить, я не пошел. Потом вижу - на улице толпа 500-600 человек с криками. Вышел на балкон. Наверху один азербайджанец живет, он говорит: "Жора, иди к нам. Вдруг и тебя придут убивать". Говорю: "Нет", быстро выбежал, сел в такси, поехал к семье. Что еще сказать? До резни у нас с азербайджанцами были очень хорошие отношения. Я никак не мог предвидеть, что такое может случиться. Я даже породнился с ними: "кирвой" у них был, кумом то есть, это когда по мусульманскому обычаю маленького мальчика обрезают... Жили дружно, как одна семья. Мы сами не понимаем, как все это могло произойти. Многие азербайджанцы сами говорят: ненавидим этих убийц, лучше б они не жили в этом мире".

Итак, место выбрано: в городе с трущобными "нахал - строениями" и двадцатью тысячами бывших уголовников бездействовала не только милиция, со времен министра Щелокова лишенная и оружия, и дубинок, но и партийные власти. Сменивший Муслимзаде на посту первого секретаря горкома З. Гаджиев в те дни рассуждал:

"Кто должен был в первую очередь защитить своих граждан? Город! Его власти! Его партийное ядро! Но для этого нужно было принять мужественное решение. В первую очередь обратиться к рабочим. В общежития, на предприятия. Но в том-то и дело, что руководство просто утратило родство с самим городом. Именно поэтому даже нормальной оперативной информации в штабе партийной организации не было, и он оказался неподготовленным и беспомощным. А ведь в городе только депутатов Советов три сотни, членов горкома и ревизионной комиссии - более ста. А сколько еще мощных парткомов? Членов горкома комсомола? Оторваны они были от народа, забыли про его силу, силу рабочего класса..."

Итак, план сумгаитских погромов, включая суточное опоздание внутренних войск, изготовление и развозку по городу железных прутьев, был осуществлен с ювелирной точностью. В Сте-

панакерте уже на следующий день устанавливается отлитый заранее памятник "жертвам" сумгаитского геноцида".

Стихов, правда, ни Сильва Капутикян, ни другие поэты сочинить не успели, поэтому проармянская печать публиковала в те дни оправданно гневные и сочувственные строки В.Немировича-Данченко из 1915 года:

Да, правда, мало нас! И меньше с каждым гомдом
Становится армян... Осмеивайте их!
Но вы ведь тешитесь над жертвенным народом,
Распятым, как Христос, на рубежах своих...
Надгробный слышен плач над братской и великой
Могилою армян, и погребальный звон...
Стыдитесь! Жалок смех вражды и злобы дикой
В благословенный час народных похорон.

3 марта 1988 года на сумгаитском кладбище хоронили погибших: 26 армян и 6 азербайджанцев. На зачинщиков погромов было заведено 19 уголовных дел, арестовано было почти сто человек. Обвинения в убийствах официально предъявлены уголовникам - не только азербайджанцам, но и лезгинам, русскому, армянам, один из которых - Григорян орудовал в тот страшный день под кличкой Паша.

Через год, к концу февраля 1989 года, по сведениям коменданта Особого района Еревана генерал-лейтенанта Ю.Кузнецова, число жертв столкновений "на национальной основе" составит 83 человека, среди них - 48 азербайджанцев, 32 армянина и 3 представителя других национальностей.

Но в то несчастное утро 27 февраля 1988 года, "жители городов и сел Азербайджана, - по признанию писателя Максуда Ибрагимбекова, - узнали о себе, что они кровожадные убийцы и насильники".

Действительно, все радиостанции мира заговорили о том, как "обезумевшие от запаха крови орды азербайджанцев убивают армян". Наиболее употребительными словами стали геноцид и резня.

Грянувшие, казалось, как гром среди ясного неба сумгаитские погромы, естественно, неожиданными были не для всех. Запланированную кровь запечатлели кино и видеокамеры людей, прибывших в Сумгаит за день до начала событий. Фильм был показан во всех странах Европы и Америки, где имеются армянские колонии, во всех, кроме Советского Союза. Почему?

Максуд Ибрагимбеков, увидевший фильм в Швеции, рассказывает:

"Умопомрачительный изобразительный ряд дополняется звуковым, ужасающим воображение не менее сильно. Так один из героев фильма описал с экрана обалдевшим шведам сцену убийства своего друга Миши и его жены, очевидцем которой он, разумеется, был. После того, как Мише с женой отрубили головы, тридцать азербайджанцев набросились на их юную дочь. Поочередно изнасиловав ее, они разрубили ее на мелкие куски, раздели в мангале огонь, приготовили и с аппетитом съели шашлык из человечины. Вы не представляете, что нам приходится терпеть от этих зверей! - сказал в заключение очевидец Габриелян".

Этот фильм, надо полагать, стал оправдательным документом националистического мятежа, развязанного в Карабахе. Продолжением агрессивного национализма балаяновского "Очага": азербайджанцы - не только кочевники-мусульмане, турки, но и людоеды, а потому справедливо их убивать, изгоняя из Нагорного Карабаха и вообще из Закавказья.

Один из лидеров осенних митингов 1989 года в Баку токарь Неймат Панахов, отвечая на вопрос корреспондентов "Известий" по поводу сумгаитской трагедии, эти акценты расставил верно:

"Про Сумгаит скажу так: это позор и боль азербайджанского народа. Но нельзя молчать и о другом - сумгаитская трагедия стала почвой и для разжигания антиазербайджанских страстей. Нас пытаются выставить продолжателями геноцида 1915 года. Реанимировать страх и ненависть. Зачем? Чтобы взрастить на них новые поколения?"

О том, что это предположение правомерно, свидетельствует турецкий телеобозреватель Мехмет Али Биранд, побывавший в Ереване „в январе 1991 года:

"Для армян в Армении нет никакой разницы между турками и азерами. Их ставят в один ряд. Как считают армяне, в 1915 году их истребляли турки, а теперь - азербайджанцы. Каждый человек, принадлежащий к тюркским народам, будет вызывать у них сомнение, ненависть, ярость",

Такая национальная психология - прежде всего, результат созданной еще в начале века и особенно в годы гражданской войны картины армяно-мусульманских столкновений в европейской и мировой прессе. Газета "Азербайджан" в номере от 8 декабря 1918 года отмечала:

"В то время, как азербайджанские тюрки, да и все кавказские мусульмане пострадали в десятки и даже сотни раз больше, чем другие народы, живущие на Кавказе в период безвластия и анархии, до сих пор еще большинство кавказской прессы продолжает травлю против тех; травлю, принявшую планомерный систематический характер; травлю, в создании коей удивительное и трогательное единодушие высказывают все элементы: от кадетов до большевиков и от дашнаков до социалистов включительно. У последних классовые вопросы даже отойдены на задний план, и сейчас борьба идет уже с азербайджанскими тюрками, а не с отдельными классами, и не на социальной, а на национальной, Даже религиозной почве".

Замечался ли этот перекося и шумиха на всю Европу против "реакционных" мусульман и в пользу их недоброжелателей, обивавших пороги великих мира сего?

Вот любопытный пример из истории.

Осень 1919 года. В старинный Изборск отступила северо-западная армия Юденича, вместе с ней - десять тысяч беженцев из Петроградской губернии. Анонимный автор "Секретного доклада" с горечью подводит итоги неудачного похода, закончившегося массовой гибелью людей:

"Кто был крепок - выдержал, остальные померли... *Картина бедствия такова, что если бы это случилось с армянами, а не с русскими, то вся Европа содрогнулась бы от ужаса*". (Курсив мой - Ю. П.).

Так что приемы тогдашней прессы, занимавшей проармянскую позицию, были заметны многим, даже не искушенным в политике людям. Сегодняшняя же ситуация автору известна не понаслышке, и об этом речь впереди.

Вернемся еще раз в весну 1919 года, когда вновь образованная Араратская республика особо ожесточенную борьбу вела не только в Карабахе, где прочно обосновались дашнакские четники, но и в Эриванской губернии, где преобладало азербайджанское население. "Уже с 13 апреля сего года, - значит в донесении Измаила Салтанова, уполномоченного Нагорной полосы 5-го участка, на имя Гянджинского уездного начальника от 21.04.1919 года, - началось нашествие войск Араратской республики на мирные мусульманские селения Гокчинского района Новобаязетского уезда с целью очистить территорию от мусульман, населяющих восточную и северную окраину озера Гокча (тогдашнее название Севана). По настоящее время (то есть за неделю - Ю. П.) разгромлено, сожжено и очищено 22 селения с 60000 населением. Несчастные мусульманские жители беспощадно гибнут под орудийными и оружейными выстрелами армянских войск, имеющими целью истребить гокчинских мусульман, каковую они приводят в исполнение. Ужас охватывает человека при виде таких нечеловеческих отношений армян и армянского правительства к своим бывшим соседям, никакие просьбы, мольбы и вопли мусульманского населения не принимаются во внимание. Попавших в руки армянских войск мусульман ни за какие блага не оставляют в живых, а, наоборот, истязают неслыханными мучениями, убивают жен, детей, стариков и молодых мужчин, за исключением немногих молодых женщин и подростков - девиц. Все состояние населения забирается войсками голодной Армении и делится пропорционально. Оставшиеся в живых беженцы преследуются войсками, часть коих, в малом количестве, хлынула в пределы пятого участка Гянджинского уезда, жители 17-ти селений бегут по направлению в нагорную полосу Джеванширского уезда, остальные же, то есть жители 7-8 селений, ютятся в ущельях и снежных вершинах снеговых гор, пограничных с пятым участком Гянджинского уезда, преследуемые армянскими войсками, увязая в снегах и погибая массами. Задача Араратской республики уже решена: более мусульман в Гокчинском районе не существует".

Подобные факты подтверждаются и армянскими историками. А. Лалаян в журнале "Революционный Восток" (1936, 2-3, С.92-93) приводит описание "подвигов", оставленное одним из дашнакских героев:

"Я уничтожил турецкое (имеется в виду азербайджанское - Ю. П. население на Басар-Гечаре (район на севере Севана - Ю. П.) не разбираясь ни в чем. Но иногда жалеешь пули. Самое верное средство против этих собак - это то, чтобы после боя собрать всех уцелевших, переполнить колодцы ими и сверху добить тяжелыми камнями... Я так и поступил: собрал всех мужчин, женщин и детей и покончил с ними, заполнив камнями колодцы, куда они до этого были мною брошены".

Английский наблюдатель армянской экспансии в Азербайджан отмечал в те годы: "Если тюркская национальная стихия проявляет себя в более элементарных, непосредственных, грубых формах, то армянская агрессия отличается большей преднамеренностью, упорством, систематичностью".

Любопытно, что к одним и тем же выводам осенью 1919 года о причинах межнациональной борьбы в Закавказье пришли как английские наблюдатели, так и грузинские социалисты. Вот мнение последних:

"До появления армянских революционных деятелей, главным образом партии Дашнакцутюн, Закавказье жило в мире и спокойствии. Здесь никто не помнит и тени ужасов, которые мы видели в виде часто и повсеместно повторяемой армяно-мусульманской резни. Момент перенесения арены борьбы в Закавказье армянскими революционерами надо считать самым несчастным моментом в истории нашего края, население которого - армяне, турки, грузины - жило вместе веками в мире и согласии. Пришли дашнаки - принесли национальную ненависть: а на такой почве, конечно, ничего, кроме армяно-мусульманской резни или войны между Арменией и Грузией, не могло вырасти".

Английский наблюдатель, побывавший в Карабахе, отметил, что дашнаки - лучшие пропагандисты в мире:

"Оба народа готовы были мирно продолжать свой жизненный путь и так бы и поступили, если бы не вмешались в дело агитаторы. Я уверен, что эти последние одни ответственны за армяно-татарскую резню... Их пропаганда за границей такова, что Европа и весь мир на их стороне. Конечно, им пришлось много выстрадать, но тысячи мусульман - мужчин, женщин и детей - выстрадали тоже от них. Жестокости, несомненно, были совершены относительно армян, но сами они тоже совершали их в мусульманских деревнях, и даже такие, которым не подвергали их турки".

Член палаты депутатов Соединенных Штатов Вальтер М. Чандлер, наблюдая пропагандистскую работу американских армян и узнавая о их чувствах к Азербайджану, сообщал в Париж:

"Эти чувства решительно враждебны, и американские армяне далеко не благоприятно относятся к идее независимости Азербайджана... будто на азербайджанцев не надо обращать много внимания, так как они турки, татары и мусульмане... Литература, которую распространяют в Америке, полна обвинениями и нападками на все, что есть тюркского и татарского, и большая часть этих нападков приходится на долю Азербайджана".

Более резко высказывались по этому же поводу грузинские социалисты, авторы изданной в 1920 году в Тифлисе "Красной книги", изданной, надо заметить, в ответ на одноименный труд, подписанный Гр. Чалхушианом, неизвестный на Кавказе, но широко представленный в Европе.

Обвиняя авторе армянского сборника в клевете и доносах на грузинский народ, грузинок" публицисты назвали партию Дашнакцутюн "ужасным злом армянского народа", "бичом всех народов Малой Азии и в особенности Закавказья". Вступление к книге заканчивалось таким пассажем:

"Они здесь будут распинаться о братстве, о солидарности всех народов, населяющих наш несчастный край. А там, в Европе будет свободно гулять армянская Книга доносов и лжи, будут думать о грузинском народе как о варварах, преследующих единственную культурную нацию в Малой Азии и в Закавказье - армянский народ".

Как тут не вспомнить приведенную мной полемику между Максудом Ибрагимбековым и Андреем Сахаровым о числе жертв в Кировабаде в декабре 1988 года: приемы пропаганды изменились лишь технически, в связи с появлением электронных средств связи.

Замечу, что летом 1919 года противостояние сторон в Карабахском генерал-губернаторстве удалось ликвидировать в то памятное утро 5 июня, когда представитель английского командования в сопровождении азербайджанского чиновника вывез из Шуши "агрессивных членов" армянского национального Совета. Только-то и всего...

В тот же день генерал-губернатор Карабаха доктор Х. Б. Султанов издал приказ по подведомственной ему, области, в котором заявлялось, что всякие преступления против личности и имущества и насилия над армянами будут караться по всей строгости законов военного положения. Вечером 5-го же июня доктора Салтанова посетил епископ Р. Н. Мелик-Шахназаров, в полнейшем контакте и единении с которым принимались все дальнейшие меры для прекращения печальных эксцессов.

Мир в Карабахе, как вводим, устраивался без вмешательства правозащитников типа отечественных, родимых: "КриК" унов или английской баронессы Кокс, способных лишь подбивать и подушать, распалять страсти. Известно ведь: не поджигай, так и не загорится, без поджога и дрова не горят.

На встрече с армянским населением Карабаха 6 июня 1919 года доктор Х. Б. Султанов указал, что "на государственность может претендовать только та власть, для которой не существует национальных различий, что Азербайджанское правительство, став на путь разрешения серьезных государственных задач, в основу своей работы положило равенство всех перед законом и полную свободу политической жизни, не ведущей к активному насильственному нарушению проведения в жизнь идей общегосударственных, и что никаким антигосударственным элементам не удастся разорвать органически-экономической связи между мусульманским и армянским населением Карабаха, ибо разрыв этой связи знаменует смерть обеих наций".

Современники отметили, в свою очередь, весьма благотворную, в смысле успокоения взволнованных национальных страстей, деятельность армянского епископа Р. Н. Мелик-Шахназарова, "проявившего политическую сознательность и неподатливость провокационным науськиваниям злонамеренных лиц". Епископ Шахназаров однозначно заявил:

"Эти господа раз навсегда должны понять, что как бы они ни старались и сколько бы ни мудрствовали, все-таки, в конце концов в Карабахе будут жить армяне и мусульмане". Сегодня Медик-Шахназаров наверняка был бы зачислен в коллаборационисты, и ему всерьез пришлось бы опасаться за свою жизнь. Но в 1919 году его миротворчество и мудрость помогли избавить христианскую паству Карабаха от ненависти к соседям азербайджанцам. Многие беженцы, находившиеся в округе, бежали из Турецкой Армении, сильно пострадали от рук турок, и стоило только ему произнести, что азербайджанцы - это те же турки, - взаимное уничтожение мирных крестьян, живущих чересполосицей, разгорелось бы с новым ожесточением, и меч не был бы вложен в ножны.

К чести бакинских армян, о судьбе которых спрашивал Михаил Горбачев в феврале 1988 года Балаяна и Капутикян, следует заметить, что среди двухсот семи тысяч нашелся семидесятилетний житель Баку Гаврил Иванович Петоян, который 30 августа 1989 года, через полтора года после начала межнациональной распри, стесняясь (!) своей национальности, выбросился с балкона восьмого этажа на горячий асфальт. В кармане потерпевшего (так его нарекли следователи) оказалась предсмертная записка, обжигающая совесть, подобно крутому кипятку:

"В своей смерти я обвиняю армян-экстремистов Нагорного Карабаха и Армении. Читаю в газетах, а также в передачах на телевидении и радио, сколько бед и несчастия они принесли азербайджанскому народу. Меня мучают бессонные ночи. Я все время думаю об этом и не могу перенести такого позора. В знак протеста приношу себя в жертву. Петоян Г. И."

Следователям, знающим приемы националистической пропаганды, пришлось запастись справками о том, что покойный Петоян не страдал нервным расстройством и в соответствующий диспансер не обращался, и что "потерпевший перед смертью спиртного не принимал". Зато его друг и бывший сослуживец Мамедали Алиев нашел человеческие слова:

"Покойный был человеком большой души, он излучал добро легко и свободно, так же, как дышал. И еще - он был необычайно привязан к жизни. Мы дружили с ним 30 лет, и когда я узнал о его гибели, у меня поднялось давление, до сих пор никак не могу прийти в себя... На моих глазах выросла его дочь Тереза, я хорошо знал его супругу Галину Савельевну Котелевскую. Самые близкие друзья этой семьи были азербайджанцы, мы вместе делили радости и горести, не думая о национальности друг друга. Я знаю, он сильно переживал с самого начала событий в НКАО. хотя внешне сохранял спокойствие и веселость. Конечно, решиться на такой шаг могут только сильные личности. Такие, каким был Гаврил Иванович".

В Баку Г. И. Петоян попал в 1943 году после тяжелого ранения под Ленинградом, но чувствовал себя в этом городе так, словно здесь и родился. На азербайджанской земле он оставил дочь Терезу и одиннадцатилетнюю внучку.

"Знаете, - свидетельствует Тереза, - отец всю жизнь испытывал большие трудности и всегда терпеливо их сносил. Но вот вынести такого предательства и подлости со стороны своих соплеменников в НКАО так и не смог... В Нагорном Карабахе наступит день затишья, однако я никогда не забуду и не прощу протест моего отца".

К чести самого Михаила Горбачева отношу его признание, последовавшее примерно через год после гибели неизвестного ему бакинца Г. И. Петояна: "Я решительно против дробления государства, против перекройки территорий, разрушения вековых связей народов. Теперь, я думаю, мне легче говорить: на собственном опыте, уже омытом кровью наших людей, мы видим, что разделиться не сможем".

Впрочем, это признание экс-президента СССР можно отнести и на счет присущего ему политического лицемерия: ведь перекройка территорий началась с событий в Нагорном Карабахе, и после встречи с инициаторами разрушения "вековых связей народов" в феврале 1988 года столь резких слов протеста М. С. Горбачев не произнес, ограничившись тогда спокойной констатацией факта:

"Поднят вопрос о переходе автономной области из Азербайджанской ССР в состав Армянской ССР. Этому придана острота и драматичность, которые привели к напряженности и даже к действиям, выходящим за рамки закона".

Это его обращение к народам Азербайджана и Армении прозвучало 26 февраля 1988 года, в день сумгаитской провокации. Процесс, как говорится, пошел, подобно не загашенному вовремя пожару на высушенном историей торфянике.

В феврале 1992 года Г. Старовойтова, выступавшая по поводу Карабаха во всех средствах массовой информации мира, появилась, наконец, на экране Азербайджанского телевидения. В двухчасовом интервью она смутилась всего один раз, когда корреспондент задал ей такой вопрос: "Сколько вам платят армяне в долларах ежемесячно?" Полагая не без оснований, что ее расписки сохраняются в пухлом досье, когда-то скромная женщина отпарировала: "На нахальные запросы не отвечаю", не сославшись даже на весьма распространенный в таких случаях аргумент о коммерческой тайне.

Месяц спустя, отвечая корреспонденту "Комсомольской правды" о характере написанной ею книги об этнических группах (татарской, армянской и эстонской) в современном городе, Г. Старовойтова откровенно призналась, что темой ее исследования накануне карабахского конфликта "явилось отнюдь не огромное значение крепкой дружбы народов СССР".

Эти два красноречивых признания "нашей Тэтчер" (определение "Комсомолки") вызывают необходимость проследить эволюцию ее взглядов, высказанных, как правило, безапелляционно, в последние четыре года и принесших никому дотоле неизвестному "московскому этнопсихологу широкую популярность среди армян" (определение ереванской газеты "Комсомолец"). Более того: эти взгляды и скрытые от широкой публики политические акции вознесли Г. Старовойтову на пост главного советника Б. Ельцина по межнациональным проблемам. А после деморализации Особого полка России, открыто симпатизировавшего армянской стороне и оставившего сотни трупов стариков, женщин и детей на заснеженных склонах Ходжалы, в Москве всерьез забродили слухи о назначении этой "вполне дисциплинированной женщины, всегда выполняющей приказы Президента", на пост министра обороны России. Сама Г. Старовойтова поддерживала эти слухи во многих интервью (ведь в Финляндии, к примеру, военными командует очаровательная женщина - и ничего), признаваясь, что многие большие военные чины советуются с ней по вопросам стратегии. И не без кокетства резюмировала, что "такую ношу не возложат на женские плечи, так как наше общественное сознание не доросло до того, чтобы во главе военного ведомства поставили человека в юбке".

Все впереди как говаривал писатель Василий Белов, и не исключено, что "наше общественное сознание", окончательно одурманенное Галиной Васильевной, дорастет еще не до таких высот... Ведь получил же портфель зам министра обороны России А. Кокошин, правая рука академика Георгия Арбатова, члена редколлегии и автора (вкуче со своим сыном - Алексеем и, конечно, Г. Старовойтовой) русскоязычного шовинистического журнала "Pro Armenia". Вот из какой компании А. Кокошин, оказавшийся во главе военного ведомства, хоть и не в юбке! Уверен, что на рабочем столе зам. министра обороны России лежит очередной номер "Pro Armenia" с таким призывом на мелованной обложке:

"Ни блокада, ни жесточайший экономический кризис, ни военная агрессия не сломили карабахца. Он стоит на своей земле крепко и гордо, как горы Армении. Он уверен в собственной правоте и будет до конца сражаться за свою Родину!"

Эта "уверенность в собственной правоте" подкреплена ни чем иным, между прочим, как Договором о дружбе и взаимной обороне России и Армении. Обращения Азербайджана о заключении подобного договора с ним до сего дня остались без внимания. Чем не результат растущего "общественного сознания" если не всей России, то хотя бы ее Верховной власти, уже достигнутого советником Г. Старовойтовой, как и снесенный с лица земли неплохо вооруженными формированиями азербайджанский город Ходжалы?! При гробовом молчании российских средств массовой информации Михаила Полторанина и Олега Попцова...

Но - Бог им судья.

Чем еще гордится наша Тэтчер, так это Ереваном, вошедшим в Книгу рекордов Гиннеса по такому показателю, как "доля постоянного населения, одновременно участвовавшего в демонстрациях", и Нагорно-Карабахской автономной областью, поставившей аналогичный "рекорд по длительности забастовок".

Без особого желания возвращаюсь я к многочисленным свидетельствам советника по межнациональным отношениям, разбросанным в нашей и зарубежной прессе, потому что в каждом из них - агрессивное, разрушительное, античеловеческое начало.

Но - по порядку. Любовь к Армении, по словам Старовойтовой, началась с чтения стихов Нарекали и "Уроков Армении" Андрея Битова. Напомню диалог последнего с его другом-армянином, диалог как разе любви:

"-О,- сказал друг, - если ты раз проявил любовь, тебе придется отвечать за это!"

- Как это?

- Тебе придется ее проявить еще раз.

- А если я разлюбил?

-То ты предал.

- Почему же?

- А зачем же ты любил до этого?" И еще один любопытный диалог автора, теперь уже с братом его друга, узнавшим, что Битов намерен "про нас писать":

"После этого он стал разговаривать со мной так: уводят - арбузы везут..."

- Это армянский арбуза, - говорит. Уводит ослика...

- Это армянский ишак, - говорит.

- Это армянский очень толстый женщина. А это армянский пиво. Пиво хочешь? Это обыкновенный армянский такси. Поедем, хочешь?

Я сначала улыбался, потом надумал обидеться. Но сдержался. Потом мне было уже проще: я знал, что это будет армянский забор, а это армянский столб, а это обыкновенный армянский милиционер. Как ему не надоело?"

Талантливо, иронично передал русский писатель национальную психологию своих друзей. Другое дело, когда эта психология безо всякой иронии становится государственной стратегией.

Один лишь пример 16 февраля 1991 года к Борису Ельцину со страниц "Голоса Армении" обратился "не всуе" Зорий Балаян, давний приятель героини этой главы. Для чего? Для того, чтобы этот "фатальный консерватор до боли осознал", что судьбу Карабаха еще его уральские переделки связали с Российским государством, и почему Президент не возмущается "опусканием (цитирую З. Балаяна - Ю. П.) факта, что Карабах и Восточная Армения сегодня почему-то (?! - знак З. Балаяна - Ю. П.) не только оказались за пределами России, но даже не имеют с ней общей границы". Автор обращения к Президенту Ельцину, ссылаясь на "обоюдовыгодный политический союз между армянским и русским народами", напоминает ему, подобно спутнику Андрея Битова, что "Каре - это древняя армянская крепость, укрепленная русской стратегической мыслью", что "с одной стороны армянской реки Араке - армянская область Каре, с другой стороны - Армянская автономная республика Нахичеван", что "армянский город Эрзрум - на армянской территории" и на ней же - "армянский железнодорожный узел Каре".

Что же из этого перечисления следует? Необходимо, советует то ли Балаян, то ли народный депутат Армении Г. Старовойтова Б. Н. Ельцину, "вернуть" Нахичеван армянам, дабы "реализовать традиционную стратегию, без которой нет ни России, ни Армении".

Отдадим справедливость Г. Старовойтовой: именно она, а не Зорий Балаян, впервые публично поставила проблему Нахичевани - в журнале "Родина" в феврале 1989 года, в разгар своей предвыборной кампании за мандат союзного парламентария. Ссылаясь на последствия практики сталинизма в национальной политике, старший научный сотрудник Центра по изучению межнациональных отношений при Президиуме АН СССР походя обронила фразу: "Нахичеванская АССР, расположенная в сердце Армении, подчинена Азербайджану, с которым не имеет общей границы". И все, "Берлога запущен", как говаривал Остап Бендер. "Необходимо, - повторяет через дав года З. Балаян в письме Ельцину, - ликвидировать Нахичеванскую АССР и передать ее армянам".

Началом перестройки в сфере национальных отношений назвала Г. Старовойтова "карабахскую проблему" на упомянутой мною страничке журнала "Родина". Балаян же поучает Ельцина, что Арцах и Геташенский подрайон - "это зеркало, в котором отражается драма всей нашей страны, и прежде всего России". Дальше - больше: "Арцах - это элемент армянской государственности", что и Россия, и народы Средней Азии хорошо знают, что "именно армянская государственность, то есть именно Армянская республика и Карабах закрывают дорогу зловещему туркоазерскому пантюркизму".

Про пантюркизм и фундаментализм ("зловещий") мы еще поговорим, а сейчас последуем за логикой сюжета, предложенного Балаяном (и не сомневаюсь, Старовойтовой) Ельцину год с небольшим тому назад. Полагая, что обороноспособность "армянского Карабаха" (это посерьезнее, чем отмеченные иронией Битова "армянский арбуза" или "армянский очень толстый женщина") должна находиться непосредственно под эгидой Генштаба вооруженных сил страны, Балаян потребовал от Ельцина "немедленно вывести НКАО, Шаумяновский район и Геташенский подрайон из политического, административного, экономического подчинения Азербайджанской Республики, придав армянской автономии Арцах статус союзной территории".

В начале апреля 1992 года я уже без удивления прочитал заявление Г. Старовойтовой от имени карабахцев о том, что они "выступают за свою независимость, допуская протекторат России, а не вовсе за "передачу" Карабаха Армении".

Советница, как видим, более складно излагает политическую стратегию для карабахцев, чем ее друг Зорий Балаян, хотя именно последний состоит в союзе армянских писателей. И с 1984 года, с момента выхода своего "Очага" и знакомства с Г. Старовойтовой, тогда же побывавшей

впервые в Нагорном Карабахе в составе советско-американской экспедиции по изучению феномена долгожительства на Кавказе, не скрывающий узкорационалистические, сепаратистские устремления, даже не пряча их под звонкой фразой.

Что касается Старовойтовой, то какой "карабахский феномен" она вынесла из экспедиции 1984 года, представить несложно, ибо через четыре года, оказавшись движущей идеологической пружиной конфликта, она ни единого раза не прибегла к аргументам азербайджанской стороны. Разве можно после этого говорить об особом такте, полной объективности или глубоком знании существа и предмета спора?!

Кстати, взгляды азербайджанской интеллигенции никогда, а на первом этапе агрессии - особенно, не замешивались на национализме. Поведу прежде всего высказывание московского поэта Илхама Бадалбейли, относящееся к апрелю 1989 года, когда уже все до единого азербайджанцы были изгнаны, из Армении, сотни людей рассказывали, как на них нападали, насильничали, убивали, грабили, поджигали, в лучшем случае под оружием вынуждали покидать свои дома, и в этих акциях непременно участвовали должностные лица армянского руководства. Убийства и выселения совершались не в результате стихийно возникавших беспорядков, - каждая акция тщательно готовилась и исполнялась вооруженными группами боевиков. Сегодняшние дашнаки собирались 10 декабря 1988 года объявить Армении "республикой без турок". Итак, слово Илхаму Бадалбейли: "Для азербайджанцев, для их национального самосознания Карабах (а не только его малая часть НКАО), Шуша - это прежде всего их история, это национальные святыни Джыдыр-дюзю, Иса-булаг, Топхана, исполненные того же смысла, что и поле Куликово для русского народа, это Ватиф и Натаван, великий Узеир и Бюль-Бюль. Вряд ли в свете сказанного плодотворны попытки сведения этой сложнейшей проблемы к упрощенной, мол, моя земля, не отдам!"

Уважаемый Илхам-муаллим! В ответ на Ваши недоуменные сентенции Игорь Мурадян в это же время в республиканской газете "Хорурдайн Айастан" изложил свою концепцию "моей земли":

"Нагорный Карабах может обеспечить примерно 25-30 процентов потребностей республики (конечно, Армении - Ю. П.) в высококачественных плодах и ягодах, 25 процентов производства в республике молока и мяса, треть производства зерна, значительную часть производства картофеля. Есть возможность превратить Арцах в табакководческую; винодельческую и шелководческую базу республики. Если же брать в целом... без сельскохозяйственных ресурсов Арцаха самостоятельность Армении невозможна... Арцах следует считать незаменимой сырьевой базой для строительной индустрии республики. Ресурсы области могут избавить республику от завоза сырья для производства керамики, стекла, и самое главное - гипса для цементной промышленности". А любимая Илхамом Бадалбейли Топхана, "поле Куликово", исподтишка застраивалась корпусами алюминиевого завода под руководством кремлевского наместника Аркадия Вольского.

В том же 1989 году газета "Советский Карабах" поместила снимок медали, изготовленной в Венеции при активном участии самого Комитаса Мамукяна. На лицевой стороне медали изображена карта Армении вместе с НКАО и Нахичеванской автономной республикой (последняя - слегка затушевана - то ли по политическим соображениям, то ли из-за качества венецианской позолоты) и надписи на армянском языке: "Карабах наш" и "Карабах - это наш Арцах". На обратной стороне проштамповано: "О, народ армянский, твое спасение в твоём единстве", "Нас мало, но мы армяне". "Мы были, есть и должно нас быть больше". Медаль, по сообщению газеты, предназначена для награждения представителей культуры, искусства, литературы, а также государственных и военных деятелей в прошлом, настоящем и будущем, проявивших себя в деле воссоздания "Великой Армении", а также воссоединения с "неотделимой" ее частью - Карабахом, Нахичеваном и другими землями Азербайджанской Республики.

Престижная награда, что и говорить, продуманная безо всякой иронии, на трезвую голову. Тем горше от этой затеи - поощрения "представителей" за откровенную агрессию и пропаганду националистических идей.

В традиционно интернациональном Баку на ноябрьских митингах 1988 года ораторов от интеллигенции растерянно спрашивали:

- Почему же наша нация должна быть в каком-то оскорбительном для себя положении в отношении армянского народа? Разве мы посягнули на территорию Армении? Нет, добрососедство должно быть взаимным...

Специалиста по Кавказской Албании Фариду Мамедову покорили некоторые аргументы организаторов митинга: "Да, такой-то хороший ученый, но у него же мать русская. И такой-то - ничего человек, но у него мать немка или даже бабушка..." Взглянув на испуганные лица собеседников с красными повязками на головах, доктор исторических наук ответила однозначно, как думала:

"Слава той русской женщине и той немке, и вообще женщине любой другой национальности, которые родили нашему народу достойных сыновей! И горе тем азербайджанкам, чьи дети пятнают себя".

И выразила в заключение точку зрения азербайджанской интеллигенции на психологию своего народа:

"Когда идут разговоры о национальной чистоте, и с этой целью "просвечивается" вся родословная человека чуть не до седьмого колена - ничего, кроме брезгливости и сожаления, это у нормального человека вызвать не может. Нашему народу, насколько я знаю, никогда не были свойственны потуги на национальную исключительность и неповторимость и связанные с ними амбиции".

Г. Старовойтова, знакомая с Арменией по стихам Нарекаци и повести Андрея Битова, сразу поддержала карабахские потуги своих ереванских друзей. Шел февраль 1988 года, Раиса Максимовна три месяца назад с благодарной улыбкой уже приняла подношения "от армянского народа советскому народу" в Вашингтонском посольстве, а Г. Старовойтова, по ее признанию, лежала в Москве со сломанными рукой и ногой. "Не имея возможности вылететь в Ереван, я написала письмо сочувствия, адресованное С. Капутикян и З. Балаяну, - рассказывала вскоре, не скрывая восторга, кандидат в народные депутаты от Армении. - Было очевидно, что мы находимся перед лицом исторического события, не просто случайного народного выступления, а выстраданного всем ходом истории народного движения".

Стоп: прозвучала самая первая идеологема о "выстраданном ходом истории народном движении", хотя в ту начальную пору всем наблюдателям (без исключения) было ясно стремление Армении подчинить себе часть территории соседней республики. Через неделю во имя желанного "народного движения" был запущен "сумгаитский процесс" (выражение самой Г. Старовойтовой).

Впрочем, и в те дни, и впоследствии "наша Тэтчер" явилась рупором пристрастных в отношении Карабаха взглядов академика Андрея Сахарова, признанного борцом за права человека в самом непорочном значении этих слов. Академик же бездоказательно утверждал, что "исторически вся область—Нагорный Карабах (Арцах)— являлась частью Восточной Армении", объявляя при этом, что движение в Армении носит "законный и мирный характер", Азербайджан же не вызывает в его памяти ничего, кроме "страшных картин геноцида 1915 года".

Через год в феврале 1989 года, можно было подвести некоторые практические результаты запущенной в общественное сознание идеологемы. Принятые решения по Нагорному Карабаху кремлевской бюрократией показали: "чувствительный он, оказывается, государственный организм". Это заключение Г. Старовойтова сопровождала постановкой вопроса о том "стоит ли объявлять охранной зону вокруг этой эклектической постройки" (то есть СССР Ю. П.) не брезгуя даже ссылкой на убеждение В. И. Ленина: государство сильно сознательностью масс и призывая ошарашенных демократией сограждан: "Давно нам нужен Пленум ЦК КПСС по этим вопросам". Политическую конъюнктуру теперешняя госпожа блюла всегда неукоснительно, будучи уверенной, что на предстоящем Пленуме ЦК по совершенствованию межнациональных отношений, благодаря помощнику Генсека, академику Г. Шахназарову, не прозвучат "однозначно негативные тенденции о сепаратистских тенденциях". Сама Старовойтова в ту предвыборную пору предпочитала говорить о них нейтрально: право на самоопределение - конституционное право наций. Это была вторая по счету идеологема, которая наиболее полно оценена в рассмотренном нами письме ленинградского рабочего Игоря Пояркова.

Как бы ни относились сегодня к распаду СССР различные политические партии и отдельные люди, роль авторов и исполнителей карабахского сюжета в этом процессе все же явно недооценена. 14 апреля 1992 года газета "Комсомольская правда" опубликовала интервью с писателем Львом Копелевым, живущим в Германии. Писателю, по его словам, "больно" от того, что происходит в бывшем Советском Союзе, и он признает, что "советская империя была исторически обречена, должна была распасться". И приводит поразительный факт: "еще в 1970 году мы говорили об этом с Андреем Дмитриевичем Сахаровым". И хотя Копелев жалеет, что "распад этот произошел так быстро и так страшно", само признание о замысле академика Сахарова многого стоит.

Призвав к разрушению "охранной зоны вокруг эклектической постройки", то есть границ СССР, старший научный сотрудник при Президиуме Академии наук вступила в борьбу, с Хельсинкским соглашением 1975 года о неприкосновенности современных границ, подписанным 33-я ведущими державами Европы и Америки. Это положение распространялось и на внутренние границы СССР, поскольку под соглашением стояла подпись Л. И. Брежнева.

Борцы за права человека начали попирать эти права у себя на родине, безнаказанно и непогрешимо, при полном молчании прессы и власть имущих.

Впрочем, я ошибаюсь. Израильский публицист Роберт Давид назвал поддержку сепаратистов Нагорного Карабаха "кровавой ошибкой А. Д. Сахарова", возложив основную вину на Елену Боннэр. "Ее притязания на авторские права Сахарова уже после его смерти, - объясняет Р. Давид, - основаны на ее полном господстве над Сахаровым при жизни". "Настоящим анекдотом" счел израильский публицист попытку Е. Боннэр отказаться от Нобелевской премии мира от имени покойного мужа. Сам Сахаров не безвиновен, - настаивает Р. Давид, - ибо ни один муж не дает жене править собой, если его это не устраивает".

В одном отношении, мне показалось, ошибается израильский публицист: "Сахаровым сегодня" он назвал российского депутата Анатолия Шабада, собственноручно, дескать, помазанного Еленой Боннэр. Р. Давид умаляет таким образом роль Г. Старовойтовой, которая и при жизни академика диктовала ему армянскую редакцию "проблемы НКАО", вследствие чего и возникла вопиющая необъективность Андрея Дмитриевича к азербайджанскому народу. Полным молчанием, граничащим с сочувствием, встретил А. Д. Сахаров слова Рафаэля Казаряна, члена-корреспондента АН Армении, кого именовали цветом армянской интеллигенции, на многотысячном митинге на Театральной площади Еревана осенью 1988 года, высказавшего без обиняков:

"Впервые за десятилетия нам предоставлена уникальная возможность очистить Армению!"

Беззащитных и безоружных азербайджанцев, часто без одежды и скарба, выгоняли из домов: "Вон из Армении, проклятые турки!"

В это же время в Баку посланцы Генсека во главе с Сахаровым в беседах с азербайджанской общественностью предлагали от имени М. С. Горбачева совершить "выгодный обмен", "выгодную сделку". По мнению одной из участниц совещания Фариды Мамедовой, "практически на деле нам предлагали обменять одну часть своей бывшей азербайджанской территории, которую уступили армянам, на другие наши земли".

На встрече в Академии наук Азербайджана Фарида Мамедова постаралась тогда предельно кратко просветить Андрея Дмитриевича, что представляли собой Азербайджан и Армения до образования СССР. Азербайджан являл собой независимые ханства, что же касается Армении, то ее просто не было, то есть не существовало политического образования армян. "Армянский народ очень рано лишился своей государственности, - рассказывала московским гостям Ф. Мамедова, - в пятом веке нашей эры, которая была не на Кавказе, а в Месопотамии. Спустя четыре столетия было создано Армянское государство на северо-востоке Месопотамии, в IX-X веках. А в XIУ-XУ веках совершенно на новой территории, на северо-восточном берегу Средиземного моря было создано армянское Киликийское царство, после падения которого до XX века армянский народ не имел государственности, разделяя судьбу тех народов, в государственные образования которых он входил. В начале XX века армянские лидеры пытались воссоздать армянское государство за счет чужих земель на территории Турции или Грузии, но потерпели полное фиаско. Армянская республика образовалась благодаря Октябрьской революции и воле азербайджанского народа. Она была создана из бывшего азербайджанского Иреванского ханства, в котором армянское население составляло около 30 процентов, а также из азербайджанских зангезурских земель".

Такова историческая объективность, изложенная Фаридой Мамедовой. Она же подчеркнула и своеобразный характер НКАО, образованной не по этническому, а по географическому признаку. Ведь каждый народ самоопределяется один раз, армяне же готовы для себя на исключение. Образовав в декабре 1991 года никем не признанную НКР, ее непримиримые лидеры на деле осуществили последнюю идею Г. Старовойтовой - идею национальной освободительной войны.

Пройдет время, и этот кровавый бред будет оценен по достоинству. Сейчас же хочу отметить такую деталь: значимость национальной общности (в противовес отвергнутому имперскому интернационализму) привела Г. Старовойтову в самом начале ее политической депутатской карьеры к выводу о перезаключении Договора об образовании СССР. Эта идея пала на взбодренную почву: народы республик действительно страдали от тотального диктата Кремля, но весной 1989 года вряд ли кто-то всерьез помышлял о развале СССР. Кроме авторов карабахского сюжета, которые, по мнению того же израильского публициста Р. Давида, "без науськивания извне не стали бы рубить сук, на котором сидели. Их руководителям в Америке был нужен конфликт, было нужно заварить кашу национальной розни в Советском Союзе, и эта цель была достигнута - за счет крови тех же армян".

Посетив Ереван и Баку в мае 1991 года. Р. Давид, не спеша с выводами, высказал все-таки любопытное впечатление: "Видимо, не случайно именно армяне, один из двух народов СССР с огромной сестринской общиной в Соединенных Штатах, с самого начала перестройки сыграли и роль троянского коня в советском стане. Нагорный Карабах стал первой язвой националистической чумы, а от него зараза переметнулась и пошла гулять по южным и западным окраинам Союза".

В этой второй статье Р. Давид наконец осознает лидирующую роль Г. Старовойтовой, открывая ее фамилией лагерь проамериканских сил в демократической России, старающихся теперь вбить клин между Россией и мусульманским Югом. Для этого и разжигается каждодневно виток за витком война Армении и ее радетелей против Азербайджана.

Ныне никого не оскорбишь упреком в принадлежности к проамериканским силам, но я все-таки считаю необходимым привести веское доказательство, на которое не сослался израильский публицист.

19 июля 1989 года Сенат конгресса США единодушно одобрил резолюцию, выражающую "поддержку США чаяний народа Советской Армении о мирном и честном урегулировании спора вокруг Нагорного Карабаха". Этот документ, подобно многочисленным выступлениям Г. Старовойтовой, изобилует беспардонными выпадами по адресу Азербайджана и лакейскими поклонами в сторону армянской общины в США. Сенат, между прочим, постановил не только "продолжать поддерживать и поощрять усилия по восстановлению Армении" или "поощрять президента Горбачева продолжать диалог с армянскими представителями на Съезде народных депутатов", но и включил принятую резолюцию в виде поправки в законопроект об ассигнованиях на 1990 финансовый год.

А что же делать Вашингтону, если Москва тогда еще не решилась на вооружение армянских фидаинов?

20 марта 1992 года газета "Азербайджан" поместила открытое письмо русских учителей города Баку, обращенное к Старовойтовой. Прочитую его:

"Война идет на азербайджанской земле, пятый год льется кровь представителей всех народов. Развязана она мононациональной республикой, из которой постепенно были вытеснены все национальные меньшинства. А сейчас идет прямое уничтожение народов Азербайджана с подачи таких "ученых-политиков", как вы... Вы плачете о геноциде армянского народа. Кто же кого уничтожает? Только за последний месяц уничтожено более 30 азербайджанских сел (подчеркиваем - на азербайджанской территории).

Трагедия Ходжалы останется в истории именно как геноцид азербайджанского народа армянскими бандами и их правозащитниками: Боннэр, Балаяном, Нуйкиным и вами, госпожой Старовойтовой. Приезжайте и посмотрите своими глазами, кого вы оправдываете. Если конечно, в вас осталась еще капля русской крови".

Поздно стало краснеть за Старовойтову полумиллионная русская община в Азербайджане, пораньше надо было бы высказать возмущение в адрес темпераментной мадам. Тут русские, как и азербайджанцы, сильны задним умом.

Но - честь не уронена, судьбу Азербайджана еще можно удержать заботливыми руками всех его жителей. Да и мировое общественное мнение должно резко измениться. На это настраивает недавняя резолюция СБСЕ, в которой признана принадлежность Верхнего Карабаха Азербайджану и нерушимость внутренних и внешних границ этого суверенного государства.

Не могу не согласиться с мнением Искендера Ахундова, автора газеты "Азербайджан", высказанным в том же номере от 20 марта 1992 года, что на переговорах Армения должна признать свою вину в развязывании войны, отменить все противозаконные государственные акты, покушающиеся на суверенитет Азербайджана, и провести капитуляцию всех воинских формирований, находящихся на азербайджанской территории.

Когда примерно год назад я говорил об этом с одним из генералов советской армии, находившихся в Гяндже, он согласился с подобным подходом. "Так что же мешает?" - спросил я. "Нужна команда. Москва молчит", - ответил генерал. "Так, может быть, войной руководят из другого центра?" - осведомился. Генерал согласно кивнул головой, не решившись назвать точный адрес командного пункта этой необъявленной войны.

Думаю, Г. Старовойтовой этот центр безусловно известен.

Другое дело, понимает ли советник по межнациональным отношениям, что и азербайджанский народ имеет право на самоопределение и сохранение территориальной целостности, что земля, наконец, это народное достояние, отобрать ее нельзя? И если понимает и одновременно пропагандирует в мировой и российской прессе идею национально-освободительной войны и деколонизации Арцаха, то сегодня Г. Старовойтова заслуживает серьезного обвинения в поддержке геноцида, творящегося на земле Азербайджана, ибо геноцид, согласно Декларации ООН, - это не только физическое уничтожение народа или его части, но и создание тех невыносимых условий, при которых местные жители вынуждены оставлять свои родные места. Ведь земля, политая потом, хранящая прах твоих предков, защищается только кровью. В результате национально-освободительной войны, развязанной националистами дашнакского толка, вызван геноцид и азербайджанцев, и армян, и русских, вынужденных оставлять свои родные места не только в НКАО,

но и в пограничных районах, куда достают ракеты типа "Алазань" или снаряды "Града". Будь проклята любая политическая карьера, замешанная на людской крови! У людей, одинаково искренних, могут быть различные точки зрения, и они всегда договорятся, если меж ними не окажется специалист по лжи и краснобайству.

Правление Аркадия Вольского в Карабахе оказалось, конечно, бесславным, но оно стало первой победой националистических сил в необъявленной войне. Согласие Абдурахмана Везирова, нового лидера Азербайджана, встреченного с верой в его возможности и способности после бессловесного Кямрана Багирова, на создание незаконного Комитета особого управления НКАО, стало прямым предательством, приведшим фактически к отторжению Нагорной части Карабаха от Азербайджана. Везилов скорее всего выполнял обещания, данные Горбачевым армянской стороне.

Нейтраллизм Вольского, резидента Центра и слуги всех господ, от Авдропова до Горбачева, был показным. Не разделяя правых и виноватых, он так оценивал ситуацию противоборства:

"Армения ныне превращается по существу в моноэтническую республику, что может быть чревато понятными последствиями. С другой стороны, не менее опасны тенденции Азербайджана утверждать свои принципы силой".

В отношении безропотного Азербайджана, власти которого выполняли любые указания Москвы, многие из которых диктовались из Еревана, сказанное Вольским являлось ложью.

Основным аргументом в антиазербайджанской пропаганде были февральские события в Сумгаите, определившие разжигание конфликта в течение всего 1988 года, и страсти "геноцида" не остановила даже стихия - землетрясение 7 декабря. Подогретые чувства мести могли утишить лишь люди, их здравомыслие и забота друг о друге.

В этом отношении сумгаитская трагедия по своим последствиям сравнима с землетрясением. Но трезвый анализ этой патологии не был произведен, несмотря на все старания лидеров Народного фронта Азербайджана. Этим обстоятельством, кстати говоря, и определился тяжкий крест демократических сил республики.

Убитый в апреле 1992 года лидер марионеточной НКР Артур Мкртчян незадолго до смерти признал: "У нас - не война. То, что у нас происходит, я бы назвал коротко: издевательство над человеком. Разве можно было подозревать о том безудержном инстинкте уничтожения, пронзившем сегодня каждого карабахца. Имею в виду и нас, и других. (Под другими Мкртчян, член партии Дашнакцутюн, при жизни скрывавший свою партийную принадлежность, надо полагать, имел в виду азербайджанцев - Ю. П.). Но ведь это есть, проявилось сейчас, значит, было затаено".

Террористические акты в Степанакерте настигают, как правило, тех армянских деятелей, кого беспокоит "безудержный инстинкт уничтожения", кто хотя бы слабо пытается признать права "других", то есть азербайджанской общины Карабаха. В 1991 году погибли начальник аэропорта А. Ишханян (взорвана в собственном доме) и один из руководителей Нагорного Карабаха, участник мирных переговоров В. Григорян (застрелен на улице). А. Мкртчян расстрелян из автомата неизвестными у себя дома, в охраняемой квартире, на глазах жены и детей.

Осознание убитым лидером "затаенного инстинкта уничтожения", да еще "безудержного" от разжигаемого национализма, заставляет меня еще раз заглянуть в начало конфликта. Интервью Гейдара Алиева, помещенное в "Комсомольской правде" 17 апреля 1992 года, предоставляет такую возможность. Бывший член Политбюро ЦК КПСС заявляет, что виновником декабрьских волнений в Алма-Ате 1986 года является Михаил Горбачев, именно он и сформулировал тогда вопрос о казахском национализме. А за две недели до поездки Абега Аганбегяна в Париж, в конце октября 1987 года, Гейдару Алиеву было предложено написать заявление об уходе в отставку, что он и сделал. Академик Аганбегян, заявивший о необходимости присоединения Нагорного Карабаха к Армении, сказал дашнакской элите Парижа, что с Горбачевым этот вопрос согласован. "После этого началось интенсивное развитие событий, и они привели к той трагедии, свидетелями которой мы являемся", - резюмирует сегодня Гейдар Алиев. Поражаешься выдержке и политическому цинизму человека, на чьих глазах запускается в действие зловещий карабахский сценарий, приведший и к развалу Союза, и к невыносимому тупику, в который загнан его родной народ!.. Для меня это непостижимо.

Вольными или невольными пособниками агитаторов, разжигавших националистический "инстинкт уничтожения", оказались демократические движения в различных республиках и прежде всего - "ДемРоссия", сразу признавших сторону Армении как форпоста демократии в Закавказье. Многие политики новой волны и карьеру-то свою сколотили на этих симпатиях, продолжая до сей поры безумные речи об антимусульманских, антитюркских чувствах: мы все - христиане, мы поможем друг другу. Это сухие поленья в костер, зажженный Зорием Балаяном. "Знают ли в Советском Союзе о том, - вещал публицист со страниц своей книги "Дорога", выпущенной в Москве в 1988 году, - что исламский фундаментализм, который нашел пристанище в Анкаре, предполагает

в будущем уничтожить Россию не с помощью меча, а с помощью Корана? Публикуются ли в советской печати данные о том, сколько было мусульман в стране до революции, сколько сейчас, сколько будет в двухтысячном и сколько в две тысячи тридцатом году?".

Вопросы-то риторические, потому что в советской печати никто не найдет данных не только о мусульманах, но также о христианах или иудеях, объявивших сейчас, с легкой руки Балаяна и баронессы Кокс, антимусульманский союз.

Опасные игры, господа! Об идее создания исламского государства в Азербайджане объявит в январе 1990 года Михаил Горбачев, после устроенного им кровопролития в Баку. Самое поразительное состоит в том, что по опросу общественного мнения, проведенного в те горестные январские дни в столице Азербайджана, лишь 3,6 процента согласились создать в республике исламское государство. Раздувание исламской угрозы всегда было составной частью армянской геополитики.

Прав политолог Эльдар Намазов, заметивший, что обвинения в исламском фундаментализме азербайджанцев со стороны М. С. Горбачева предварили ввод войск в Баку и фактически помогли организатору убийств получить молчаливую поддержку кровавой акции в общественном мнении страны. Резких осуждений не последовало даже со стороны демократов Прибалтики, а ведь их честная позиция в январе 1990 года по отношению к азербайджанцам помогла бы избежать через год подобных расправ в Вильнюсе и Риге.

Но мусульманофобия Балаяна одержала и одерживает, к сожалению, верх.

Один из лидеров Народного фронта Азербайджана, историк Иса Гамбаров попытался убедить московских демократов: давайте рассмотрим предпосылки и причины сумгаитской трагедии, вызвавшей осуждение и возмущение всей азербайджанской интеллигенции, всех честных людей независимо от их национальной принадлежности. Казалось, Иса Гамбаров опирался в своем анализе на обстоятельства тогда (да и сейчас) малоизвестные. Привожу их дословно, потому что верный диагноз данной патологии света так и не увидел.

Общий фон. Сумгаит - один из самых неблагополучных городов нашей страны, - объяснял И. Гамбаров. - Тяжелейшая экологическая ситуация и высокий процент заболеваемости. Жилищная проблема, тысячи семей, живущих в натуральных трущобах. Население этих трущоб составляли, в основном, мигранты из сельских районов, а также переселенцы из Армении - азербайджанцы, покинувшие свой родные места "добровольно вынужденно". В Сумгаит направлялись многие заключенные, отбывшие срок наказания. Важный элемент общего фона составляет и то, что Сумгаит, в отличие от большинства городов Азербайджана, не имеет национальных корней и традиций.

Ближний фон. Тревожные вести из НКАО. Забастовки, волнения, решение Областного совета депутатов. Притеснение азербайджанцев в Степанакерте. Убийство двух молодых азербайджанцев, 16-ти и 23-х лет в Аскеране. Мощная волна демонстраций в Ереване. Слухию том, что Москва намерена выполнить требование армянских демонстрантов. Сведения об усилении в Армении психологического и физического террора против азербайджанцев. Сведения небеспочвенны. Рассказ агронома колхоза "Гэлэбэ" Арагатского района Ислама Велиева: " 17 февраля моя жена родила сына. Роды были трудные, осложненные. Ни ей, ни ребенку не была оказана помощь. Врачи и акушерки усмехались, скрестив на груди руки: "двумя турками меньше станет". Ребенок подхватил пневмонию. Жена не оправилась и по сей день. Им оказали медицинскую помощь тогда, когда я сумел их перевезти в Азербайджан". В азербайджанских селах армянские экстремисты поджигали дома, вырубали сады, громили парники. Осуществлялись массовые увольнения азербайджанцев.

Непосредственный толчок. Не случайно, 25-26 февраля, когда демонстрации в Ереване достигли апогея и вся Армения была во власти карабахского движения, тысячи азербайджанцев, гонимые насилием и страхом, устремились в Азербайджан. Многие из них 26-27 февраля прибыли в Сумгаит и близлежащие села Сарай и Фатмай, где жили их земляки - переселенцы разных лет из Армении. Именно в эти дни было официально объявлено об убийстве в НКАО двух азербайджанцев. Круг замкнулся.

Проблема Нагорного Карабаха, - доказывал Иса Гамбаров московским демократам, - является серьезнейшей угрозой перестройке и демократизации нашего общества. И это понятно: тогда все верили в гласность и перестройку, молились на Горбачева. Демократически же настроенным историкам и писателям Азербайджана на всех подобных встречах сурово попрекали Сумгаитом и требовали: покайтесь перед всем миром? Домогались того, чего не требовал Нюрнбергский трибунал от нацистских преступников.

Так было, и я, ленинградский писатель, тому свидетель. Демократы Азербайджана сразу оказались изгоями в среде единомышленников по перестройке: ведь все народные фронты в респуб-

ликах, все неформалы выступали тогда под лозунгами горбачевской перестройки, впитав от армянского комитета "Карабах" затаенный инстинкт национализма. Тут все сходилось.

Молодая демократическая пресса Прибалтики печатала весной 1988 года слова писателя Серо Ханзадяна о том, что в Сумгаите убито около 450 армян, трупы которых с номерными бирками на руках он, якобы, видел в морге своими глазами. "Фашистские изверги (читай: азербайджанцы • Ю. П.) ворвались в городскую больницу и родильный дом, по прикрепленным биркам определяли новорожденных детей армян и выбрасывали их из окон, а ожидавшим родов армянкам вспарывали животы", - вот что распространяли газеты от имени Ханзадяна, Сумгаит, кстати, не посещавшего. А вот официальное опровержение этих публикаций капитаном милиции Ч. М. Мамедовым дала лишь бакинская газета "Элм", а потому я приведу его полностью:

"Я свидетельствую лживость этих высказываний, так как все погибшие в ходе межнациональных столкновений в Сумгаите были доставлены в морг НИИ экспериментальной хирургии в гор. Баку, где несли охрану милиционеры вверенного мне подразделения. Всего было 26 армян и 6 азербайджанцев. Никаких бирок на трупы не вешали, ни одного трупа ребенка или беременной женщины не было (об этом имеется, кстати, официальное сообщение Прокуратуры СССР). Кому же и зачем нужна эта гнусная ложь?"

Капитану милиции Мамедову, надо полагать, был неведом принцип геббельсовской пропаганды: чем кощунственнее ложь, тем быстрее в нее верят. Иначе он не ставил бы столь откровенных вопросов...

Но фарисейство демократической прессы, сразу поддержавшей комитет "Карабах" во главе с будущим президентом Армении Леоном Тер-Петросяном, лишь прокладывало свой путь. Тем поучительнее первые шаги, верно?

"Московские новости" 22 мая 1988 года поместили репортаж В. Лошака "Сумгаит. Эпилог трагедии". В нем утверждалось не только об "испуге и скованности" армянской церкви в Баку, но и о попытках поджога - со слов настоятеля церкви Григория-просветителя Давида [92-93] Диланяна. Сам Д. Диланян решительно опроверг факт попытки поджечь церковь:

"Примерно 15 мая, - разъяснял читателям настоятель, - в армянскую церковь пришел человек, который представился корреспондентом газеты "Московские новости". Он интересовался количеством прихожан, их настроениями, спрашивал, приходили ли в церковь беженцы из Сумгаита... О якобы имевшем место поджоге церкви я не заявлял. Действия корреспондента "Московских новостей" меня возмутили. Я требую официального опровержения приведенных в статье фактов".

Думаете, опровержение последовало? Конечно, нет. Заявление Д. Диланяна за пределы Баку не вышло, а В. Лошак вместе с тогдашним главным редактором "эрзац-газеты" Егором Яковлевым продолжали подливать масла в огонь межнациональной розни, обрекая тысячи бакинских армян на распыл в раздуваемой конфронтации двух народов.

Да что там Лошак с его лжецкими ухватками! В нечистую игру включились профессора, доктора, лауреаты Государственных премий России. Стоило академику Зие Буниятову выступить с аналитической статьей "Почему Сумгаит?" (вот перепечатать бы ее в центральных газетах), как на почтенного академика, Героя Советского Союза полились ушаты грязи и злобы, с каждой порцией все более бестактно и изощренно.

Разоблачая сценарий карабахского омота, Зия Буниятов, отважный фронтовик, предупредил читателей о грозных последствиях затеянной распри для всей страны и сослался на лично пережитый им опыт Великой Отечественной:

"Особенно ярко дружба между народами СССР проявила себя в годы войны. Гитлеровской пропаганде так и не удалось разобщить единство наших народов. Я с тревогой задаю себе вопрос - а что, если бы армяне затеяли эту свою возню в годы войны? Несомненно, фронт развалился бы в течение нескольких дней".

Все, казалось бы, ясно, особенно теперь, спустя четыре года после публикации статьи З. Буниятова: речь шла о территориальных притязаниях внутри СССР, о перекройке карты страны. И только об этом. Если подобные требования, страшно подумать, были бы выдвинуты в те грозные дни, то фашистская Германия добилась бы раскола между братскими народами (а это было воистину так), что и привело бы СССР к поражению.

Но не тут-то было! Со страниц многих газет раздался вопль профессора В. Петровского: "Не смеет оскорблять честь и достоинство армянского народа, армяне не разваливали фронт!". Но Зия Буниятов их в этом и не обвиняет, он просто попытался сравнить возможную когда-то трагедию с уже наступившей по вине "героев нации".

Я уж не говорю о многочисленных "письмах дядюшке Зие" в армянской прессе, где его называли недоучкой, клоуном в науке, имамом бывших кочевников, но и угрожали, подобно некоему Аркадию Гукасяну: мы вас заставим умолкнуть!

Впрочем, направленность этих публикаций, вбивавших каждый раз клинья между двумя народами, да и содержание их похоже, как сиамские близнецы, словно до сих пор пишутся одной и той же провокационной рукой.

Поэтому ограничусь последним примером фарисейства из того, далекого теперь 1988 года. Во всех телевизионных программах было объявлено, что 29 декабря будет показан фильм о народном поэте Азербайджана Бахтияре Вагабзаде. Фильм без всяких объяснений был из программы изъят. Не считать же причиной тот факт, что в националистической прессе Армении Б. Вагабзаде был объявлен "врагом армянского народа". Но самое поразительное в этой истории другое: через несколько дней Центральное телевидение организовало специальную передачу о Сильве Капутикян, чьи воинствующие взгляды я уже приводил. Подобное же действие ЦТ наносило очередное оскорбление азербайджанскому народу, и ничего более.

Верхом фальсификаторства стали тогда же согласованные выступления двух "низамиведов" - доктора философских наук М. Капустина в "Советской культуре" и Грачика Симоняна на страницах газеты "Гракан терт", решившихся сокрушить "мифы" о Низами. Ограничусь лишь заголовками исследования Г. Симоняна: "Действительно ли Низами Гянджеви представляет азербайджанскую культуру?", "Мировое низамиведение о принадлежности творчества поэта", "Родители и национальность Низами". Далее утверждалось, что Низами не был и не мог быть представителем азербайджанской культуры потому, что он родился в иранском городе Куме, жил в армянском городе Гянджа, содержание его поэм не связано с азербайджанской действительностью, воспевал он Армению и армян; азербайджанцем Низами сделали Сталин и М. Дж. Багиров в связи с тем, что в период репрессий надо же было как-то поднять моральный дух народа перед войной. И в заключение - призыв: не отмечать юбилей Низами, не издавать его произведений как азербайджанского поэта.

Какая обывательская чушь, - скажете вы, вспомнив, что 800-летний юбилей Низами отмечался в блокадном Ленинграде в ноябре 1941 года по инициативе тогдашнего директора Эрмитажа Иосифа Абгаровича Орбели, через год ставшего первым президентом Академии наук Армении. Академик-востоковед не зря порицал творцов "армянских националистических наукообразных домислов", но в 1988 году не нашлось ни одного русского или армянского академика, который бы разоблачил провокаторский раж, невежество и поджигательский угар Грачика Симоняна.

И лишь Ариф Гаджиев, директор Музея азербайджанской литературы имени Низами Гянджеви, спокойно ответил фальсификаторам: "Низами был великим патриотом. Но он был гением, а гении принадлежат всему человечеству. И мы, азербайджанцы, гордимся этим. Гордимся поэтом, девизом которого было: мы все - дети земли".

Недавно, в ноябре 1991 года, творческая интеллигенция города на Неве отметила в Эрмитажном театре 850-летие азербайджанского поэта Низами Гянджеви. Какие-либо афиши и объявления об этом вечере в городе отсутствовали, и людей собралось, наверное, не больше, чем в блокаду, полвека назад. Чествование прошло достойно, с великолепным концертом деятелей культуры Азербайджана, но книжный том Низами, подготовленный в "Большой библиотеке поэта", света не увидел, к чему и призывал Грачик Симонян и его покровители из "Советской культуры".

Казалось, что ужас землетрясения 7 декабря 1988 года, поддержка и сострадание всей планеты просветлит разум армянских националистов, что волна стихии погасит волну агрессии и экстремизма. Но уже на следующий день, 8 декабря, комитет "Карабах" обратился к соотечественникам: "Мы призываем Центральное правительство не использовать трагедию армянского народа для объявления всесоюзной стройкой - не пытаться изменить этнический состав Армении".

На очередной утренней планерке председатель комиссии Политбюро ЦК КПСС Николай Рыжков озадаченно сообщил: "Вчера в Ленинанкане появились люди, которые не только уговаривают жителей не давать увозить детей с места катастрофы за пределы Армении, но и советуют взрослым не уезжать из уничтоженного стихией города в другие республики, где им предоставляется жилье в здравницах, гостиницах, общежитиях. Мол, обратно в Армению никого не пустят".

Множились слухи один хлестче другого: о вулкане, о ядерной бомбе, якобы взорванной под Ленинанканом, чтобы отвлечь армянский народ от проблемы Нагорного Карабаха. Не пожалели бы, мол, и Ереван, да побоялись соседства атомной электростанции. Сей политический бандитизм, не пресеченный в зародыше, помогал лидерам комитета "Карабах" заработать на народной беде репутацию бескомпромиссных национальных героев.

Выпуская информационные бюллетени, обращения, петиции в ООН, Левой Тер-Петросян и его сподвижники разработали уже в первые дни после землетрясения программу АОД - армянского общенационального движения, направленную прежде всего на завоевание власти в республике. В программе наличествовали слова и о дружбе народов: "наш принцип - жить в мире и согласии со

всеми соседями". В то же самое время активисты "Карабаха" в селе Амасия организовали демонстрацию [96-97] школьников, которые требовали увольнения с работы азербайджанцев.

Народный депутат СССР Мурадян, хозяин Спитакского района, потребовал выгнать ночью азербайджанцев из села Гурсалы, пострадавшего от землетрясения. После десятидневного голодания и мучений эти последние семьи азербайджанцев были переправлены с территории Армении на вертолете в соседний Казах. Операцией руководил первый заместитель председателя Совета министров Азербайджанской ССР.

В гарнизонный госпиталь Еревана была подброшена листовка: угрозы в адрес врачей и медперсонала за то, что наряду с армянскими больными на излечении в госпитале находятся азербайджанцы. Имелся в виду рядовой запаса Ф. Бадаев, автослесарь из Баку, единственный оставшийся в живых после катастрофы под Звартноцем ИЛ-76, в которой погибло 77 добровольцев из Азербайджана.

"Знаете, что открыло бы всем глаза на то, что происходит? - спрашивал один из ереванцев спецкорра "Красной звезды" А. Орлова. - Широкая информация, чем и как Азербайджан помогает Армении. Помогает он чем-нибудь или не помогает?"

Корреспондент сообщал, что в первые же дни соседняя республика направила в район бедствия более ста автокранов, бульдозеров, экскаваторов. Азербайджан отгрузил около 70 тысяч тонн автобензина, авиакеросина и дизельного топлива. Пострадавшим за две недели передано 1200 тонн жидкого битума, 90 тысяч тонн мазута, 2800 тонн масел и других горюче-смазочных материалов. В районе Ленинакана, Спитака, Кировакана появилось два десятка передвижных заправочных станций и бензовозов. Сюда же направлено большое количество водопроводных труб, кабельного имущества. Первую помощь пострадавшим оказывали десять медицинских комплексных бригад с санитарными машинами из Баку. К середине декабря 1988 года на знаменитый счет 700412 Азербайджан перевел 5 миллионов рублей собранных пожертвований.

Людам, уставшим от трескотни националистических лозунгов, было ясно: Азербайджан в беде соседа не оставил. Колокол сострадания звучал в сердцах миллионов.

Первая механизированная колонна из 28 мощных автокранов грузоподъемностью от 10 до 50 тонн, с машинами и автобусами выехала из Баку уже 8 декабря. Ехали 80 профессионалов - азербайджанцы, русские, евреи, армяне - во главе с заместителем министра монтажных и специальных работ Шамилем Мусаевым.

"Мы практически потеряли почти сутки из-за того, что на Иджеванском посту нам чинили препятствия с той стороны, - рассказывал через месяц руководитель колонны. - Люди, отрекомендовавшиеся как представители власти, потребовали список национального состава нашей колонны. По их предложению мы три раза переставляли машины и краны в колонне якобы для нашей же "безопасности". И тем не менее наша колонна первой доставила сюда краны, подъемные механизмы, без которых ни спасти живых, ни достать мертвых".

Посланцы Азербайджана работали в кромешной тьме и под слабые отблески костров, не позволяя послаблений, расчищали завалы от рухнувших, подобно карточным домикам, девятиэтажек. Только за первые дни работы сумели спасти 63 человека и извлечь 320 трупов. На седьмой день стали работать в респираторах, противогазах и резиновых перчатках.

"На третьи сутки, - вспоминал Шамиль Мусаев, - у нас заработала собственная кухня, которая кормила горячей пищей всех, кто обращался. В эти минуты, согреваясь теплом одного костра, рассказывая о потерянных близких, люди плакали, благодарили за сочувствие и помощь, говорили о том, как мелки, надуманы все эти проблемы, возникшие между нашими двумя народами. И еще: тот, кто испытал такое горе, какое испытали жители Ленинакана, не станет заниматься спекуляциями на национальную тему. А их высказывания по адресу тех, кто задержал нас на границе, лучше не приводить. Подумать только, ведь сколько можно было бы спасти еще, если бы не эти сутки простоя".

Иная судьба постигла механизированную колонну "Азнефта", выехавшую из Баку 9 декабря 1988 года. Вскоре водители вернулись, не проработав в Армении ни единого часа. Почему?

"От границы нас сопровождали - спереди БТР, по бокам - милиция и сзади ГАИ, - рассказывал корреспонденту "Социалистической индустрии" один из "возвращенцев" Михаил Арешев, бакинский армянин. - Для чего такой конвой, вскоре стало ясно. С обгонявших нас легковых автомашин неслись неприкрытые угрозы, брань, нам показывали кулаки. Между Спитаком и Ленинаканом на наши машины набросились молодчики с черенками от лопат: убирайтесь обратно в Азербайджан, нам ваша помощь не нужна... Утром колонна подъехала к Ленинакану. Краны тут же забрали, нам сказали: ждите. Новые молодчики накинудились на Рафика Кузахмедова. Говорят: ты смуглый. Он отвечает, что татарин, А они прут на него. Все равно, говорят, мусульманин, мы тебя уьем. Решили поговорить с ними по душам. Говорим: дорогие, милые люди, да мы к вам с

чистыми намерениями, в кузове - баллоны, в кабине сварщики. Мы вон как нужны, горе кругом какое. Ничего не хотят слушать, затмение какое-то в головах. Схватились за палки, камни. Подошли военные из комендатуры: ребята, вы тут создаете напряженность, лучше уезжайте... Вот мы и вернулись".

"Мы далеки от мысли, что делается это от имени армянского народа, - дополнил рассказ Арешева Рафик Кузахмедов. - Нет, народ занят своим горем. Но удивляет то, что этому не дают отпора. Ума не приложу, как сейчас, в эту минуту можно спекулировать, да еще такой бедой. Неужели не понимают, что вся их беспричинная злость и ненависть не стоят и дыхания спасенного хотя бы еще одного армянского ребенка?"

Можно, оказалось, не только спекулировать, но и мародерствовать. Кражи, угон личных машин, хищение медикаментов, прибывавших со всего мира в аэропорт "Звартноц", разграбление магазинов в поверженных землетрясением городах, снятие с трупов и присвоение часов, золотых сережек, кулонов, денег, - тяжело и ненужно об этом вспоминать.

Главное: национальную идею-фикс трагедия землетрясения не сбила, белый флаг ожидаемого перемирия выброшен не был. "Зачем вы присылаете нам свою кровь? - возмутились сторонники комитета "Карабах". - Армяне сдали достаточно крови для раненых, чужой нам не нужно. Следует прекратить дешевую и бессмысленную пропаганду интернационализма".

Зарубежную помощь комитет "Карабах" решил взять в свои руки. Апют Манучарян обратился к Шарлю Азнавuru в Париже и губернатору Калифорнии Джорджу Токмаджяну с просьбой взять на себя организацию соответственно европейского и американского центров сбора и отправки средств. Пожертвования пошли по этому каналу. В Армении этот канал взял под контроль один из лидеров комитета "Карабах" Хачик Стамбулцян. На личный счет Стамбулцяна поступали крупные валютные переводы, также лично в его адрес прибывали самолеты с грузами из Франции и США. Конечно, это были щедрые субсидии, которые нужно было обрабатывать.

10 декабря 1988 года, когда еще не успели остыть тела погибших, в госпиталях и клиниках врачи спасали раненых, многие завалы с живыми людьми еще не были разобраны, лидеры "Карабаха" организовали неразрешенный митинг около дома писателей в Ереване, призвав на нем к гражданскому неповиновению, к продолжению забастовок. Судьбу вождей комитета решил прибывший в Армению из Вашингтона Михаил Горбачев, назвав этих людей бесчестными наглецами: восклицают о правах человека, а сами попирают их, объявляя врагами всех, кто не разделяет их взглядов. Пять лидеров АОД (А. Акопян, К. Вартанян, С. Геворкян, В. Манукян и Л. Тер-Петросян) получили меру пресечения - 30 суток административного задержания. Задержанных переправили в Бутылки. Арест был произведен под непосредственным руководством военного коменданта Еревана генерал-полковника Альберта Макашова.

Авторитет арестованных вырос невероятно; если ты не с комитетом "Карабах" - значит, не патриот. А непатриотом прослыть мало кому хотелось. Заявление республиканской газеты "Коммунист" о политических авантюристах, опьяненных националистической фразой, которые оголтело рвутся к власти, подталкивая народ к национальной трагедии, - уже никого не убеждало, даже первого секретаря ЦК Компартии Армении Арутюняна. Именно ему был адресован ультиматум об освобождении единственных радетелей нации:

"Требуем немедленно освободить лидеров комитета "Карабах" и всех политзаключенных, арестованных в эти дни. Даем на размышление 24 часа. В противном случае переходим к массовому террору. Время и место действия не указываем. У нас на вооружении имеются "стингеры", доставленные нашими друзьями. Террористический отряд "Андраник". В подробном комментарии к "ультиматуму" напечатан снимок примерно полусотни смертоносных снарядов, доставленных, надо полагать, по каналам, организованным Хачиком Стамбулцян. Это было первое упоминание о "стингерах".

Позднее одна из парижских газет сообщала в материале своего собкора Клод-Мари Вардо:

" В Ереван за последние недели из Ливана продолжали прибывать самолеты с тяжелым оружием, минометами и автоматами. Выгрузка производилась ночью под охраной армянских таможенников. Вот уже несколько дней, как на таможне аэропорта не служит ни один русский. В момент, когда в Нагорном Карабахе разгорается гражданская война, в Ереване и деревнях, на территории между столицей и границей с Азербайджаном, встречается все больше вооруженных людей. Во главе этих банд все чаще можно видеть армян, прибывших из Бейрута и Дамаска... Комитет "Карабах" держит в своих руках организацию вылазок против Азербайджана. Только он может предоставить вам вертолет для быстрой поездки на восток страны".

Некоторый, весьма слабый отголосок эти события находили и в советской прессе. "Комсомольская правда" в марте 1989 года опубликовала заявление первого заместителя начальника Главного следственного управления Прокуратуры СССР В. И. Илюхина: "На дорогах Армении до

сих пор встречаются вооруженные группы. Их надо разоружать. И если говорить об оружии, то его нелегально хранится там большое количество".

Только в июле 1990 года Михаил Горбачев сподобился на подписание Указа о расформировании и разоружении незаконных военных формирований, но тут же по просьбе нового Президента Армении Левона Тер-Петросяна этот Указ в отношении армянских бандформирований был фактически отменен тогдашним министром внутренних дел СССР Вадимом Бакатиным. Азербайджанцы же безропотно сдавали последние охотничьи ружья, - по команде своих же властей.

Накануне землетрясения сотрудники Центрального телевидения начали готовить телемост Баку-Ереван. Катастрофа эту попытку остановила. "Известия" 20 декабря 1988 года опубликовали беседу журналистов, вернувшихся из Армении и Азербайджана и решившихся обменяться впечатлениями и оценками увиденного. Напомню, что в первые дни декабря 1988 года столицы обеих республик сотрясали многотысячные митинги. В Баку в ночь на 5 декабря спецназовцы очистили площадь имени Ленина за полчаса; это было репетицией Тбилиси, за пять месяцев до 9 апреля 1989 года. Итак, слово журналистам "Известий"...

Р. Лынев: Накануне у нас было впечатление, что митинг "выдыхается" сам по себе. Митингующих оставалось не более полутора тысяч, военные рассеяли их за полчаса.

А. Степовой: Но тут началось самое главное. Кто-то пустил слух, будто на площадь пущены танки, пролилась кровь. И сразу же толпы с траурными флагами заполнили улицы, окружили здание ЦК партии, МВД, врывались на предприятия, пытались остановить работу. На улицах сожжено несколько машин, были жертвы... Словом, обстановка в Баку на какое-то время вышла из-под контроля. И столь же неожиданно вошла в колею на следующий день.

А. Проценко: В Ереване прекращение бакинского митинга добавило спокойствия. К тому времени там уже работали многие предприятия и даже начались занятия в вузах.

А. Степовой: Почему "даже"?

А. Проценко: Потому что студенты были самыми упорными забастовщиками.

А. Степовой: Понятно. В Баку тоже молодежь, студенты составляли наиболее активную часть движения.

М. Крушинский: И все же, я думаю, несправедливо вот так противопоставлять друг другу Баку и Ереван. Ибо в районах Армении обстановка тоже временами выходила из-под контроля. Формировались вооруженные банды, звучали выстрелы. Росло число жертв среди тех, кто решил выехать из Армении. (Подозреваю здесь цензурную правку; журналист говорил о жертвах среди азербайджанцев, депортируемых в конце ноября из Армении - Ю. П.).

Р. Лынев: Как же объясняли это ваши собеседники в Армении? Ведь после Сумгаита большинство армян считает себя стороной пострадавшей и утверждает, что насилие, тем более жестокость, для них неприемлемы.

М. Крушинский: Объясняли, что это "расплата" за Сумгаит. Стрельбу в людей, конечно, не одобряли - во всяком случае интеллигентные люди. Но говорили так: что нам остается, если центральная власть бессильна нас защитить?

(Теперь известно, сколь кровавым было изгнание азербайджанцев из Армении: всего убито 216 человек, в том числе 57 женщин, 5 младенцев и 18 детей различного возраста: добычей националистов стало 172 азербайджанских села с полутысячелетней историей, 8 тысяч квадратных километров земли - территория, в два раза превышающая площадь НКАО - Ю. П.).

Р. Лынев: Очень схожая ситуация - азербайджанцев беспокоило то же самое. В том-то и трагедия! Каждая из сторон ищет, кто первым начал. А сегодня надо искать, кто первым закончит.

А. Проценко: При этом обвиняли гонителей "на той стороне", а стреляли у себя дома - в гонимых.

Р. Лынев: Кто начал, кто кончит?.. Не случайно мы заговорили об интеллигенции. Именно за нею, в первую очередь за учеными - историками, писателями, - "теоретическое обеспечение" конфликта. В чем оно? В попытках обосновать исключительное историческое право на Нагорный Карабах. Но спор этот бесперспективен. Оба народа живут на этой земле издревле, бок о бок. Дружили, ссорились, многое заимствовали в культуре и опыте друг друга...

А. Проценко: А ведь был момент, когда казалось, что проблема армяно-азербайджанских отношений осталась в прошлом. Не знаю, как "у вас", а "у нас" о ней даже не упоминалось на протяжении по крайней мере двух с лишним суток после землетрясения.

Р. Лынев: Нам тоже так казалось. Многие в Баку испытали искреннее потрясение, откликнулись на беду. Хотя были, увы, и злорадствующие...

М. Крушинский: К сожалению, на третьи сутки положение изменилось. В Ереване все чаще зазвучало: не примем помощь азербайджанцев. Были даже митинги с этим лозунгом. Разного рода

политиканы, явно опасаясь потери влияния в массах, развернули обструкционистскую кампанию, откровенно спекулируя на драматических событиях недавнего прошлого.

А. Проценко: Понятно, что помощь из Азербайджана была искренней. К сожалению, пропагандистский пережим в сообщениях об этой помощи привел к обратному результату. Многие в Армении увидели в этом бестактность.

А. Стеновой: О какой бестактности речь? Ведь на границе между республиками задерживались не слова, не лозунги, а конкретная помощь - медикаменты, техника...

М. Крушинский: К сожалению, да. На руках тех, кто организовал и митинги, и кордоны - кровь спасенных в Ленинакане, Спитаке, Кировакане...

Это была последняя публикация в се, стремившаяся к объективности и шейся разобщенности двух народов. Позже газеты запестрели разного рода статьями и обращениями неосведомленных деятелей науки и культуры, весьма далеких от понимания сути навязанного спора. Авторы, в основном, стремились к увещанию азербайджанского народа, который-де традиционно очень славный, великодушный, щедрый и т.п., однако теперь, такой-эдакий, почему-то заупрямился и не желает уступать своим обездоленным судьбою соседям какой-то там клочок своей земли. Ведь все так просто: уступи и - конец конфликту, мир и благополучие в СССР!

Эту позицию народный поэт Азербайджана Бахтияр Вагабзаде охарактеризовал не без грусти: "Отдай мы землю в 41-м, и не было бы ужасов Великой Отечественной, и мы уберегли почти 30 миллионов жизней! Нелепая, странная логика!"

Соблюдавшийся в прессе стереотип "баланса вины сторон" (в ЦК КПСС редакторов газет наставляли: ни одно ваше выступление о событиях в НКАО не должно вызывать отрицательных чувств - а) у жителей НКАО, б) у азербайджанского населения, в) у населения Армении, г) у армян, проживающих в Азербайджане) день ото дня под влиянием националистов заменялся виной Азербайджана, противопоставлением "несговорчивых" азербайджанцев "древнему и многострадальному" народу Армении. О том, что подобная пропаганда подогревает затаенный "инстинкт уничтожения", придавая ему безудержную массу издевательства над человеком, авторы не задумывались. В этом отношении признание Артура Мкртчяна незадолго до смерти вполне искренне. Другого результата замалчивание национализма, фарисейство и фальсификация ни отдельным людям, ни народу в целом никогда не приносили. Доктрина: там, где Живут армяне, там Армения, - обоюдоострая...

"В сегодняшней Армении национализм и капитализм победили окончательно, - свидетельствует израильский публицист Роберт Давид, посетивший республику в мае 1991 года. - Это единственная республика, превращенная целиком в гигантский Рижский рынок, в большую барахолку... Создается впечатление, что вся энергия населения ушла в торговлю и в национализм, на производство уже сил не осталось... Сейчас, глядя назад, можно ясно сказать, что армянские националисты, выполняя чью-то волю и разжигая огонь вражды в Карабахе, сами и пострадали".

Впрочем, еще один результат (надеюсь, промежуточный и поправимый) достигнут отмеченной пропагандой: в Азербайджане исчезает то замечательное бакинское братство, которое помнится с докарабахских времен. Но, может быть, это разноплеменное братство вернется, как и древний союз славян и тюркской степи, основанный на взаимном уважении, а не на ассимиляции к поглощению. Несмотря на двуличное поведение российских властей, этот союз еще можно сохранить, хотя именно против этого союза начат новый виток карабахской войны сегодня, в конце апреля 1992 года.

*Абдурахман Везиров и Георгий Рожнов -
год 1989-й*

В книге "Древняя Русь и Великая Степь" Лев Николаевич Гумилев, создатель весьма оригинальной концепции об этносах и этнических стереотипах поведения, убедительно доказывает, что конфликты между древними русичами и кочевниками кипчаками были случайными; намного значительнее были конфликты, например, между Черниговом и Киевом, то есть ученый рассматривает Древнюю Русь и Великую Степь в качестве одной системы - славяно-тюркской.

В одном из пожеланий молодым ученым Азербайджана Лев Николаевич Гумилев высказался так: не пытайтесь возвеличивать свой народ, он велик и без того: то, что прекрасно, не нуждается в похвалах.

И рассказал эпизод из своего обильного гулаговского прошлого, которое он использовал и для изучения стереотипов поведения. Вот эта история:

"Был такой случай с одним азербайджанцем у нас в лагере, Рза Кули, сейчас живет в Баку. Химик, тихий, скромный человек. Он резал для себя сало, чтобы поесть, а кто-то стоял над ним, кричал и сыпал грязь ему на достархан. Рза Кули сказал: "Отойди". Тот хотел ударить его по лицу всей ладонью, а Рза Кули мне рассказывал. "Если бы он меня ударил, я должен был или его ударить или погибнуть". Поэтому он порезал ему ладонь тот побежал сразу куда-то. Рза Кули говорит: "Сижу и думаю; умру я или нет". Тот возвращается, рука перевязана, подает руку и говорит: "Ты молодец"... Что отличает азербайджанца от поляка, немца, западного славянина? Они ведь не рискнули бы жизнью ради сохранения достоинства. А этот даже не задумался, у него другой стереотип поведения. И тут я начал изучать стереотипы".

Прав в своем наблюдении русский ученый. Другое дело, что азербайджанский народ, как и все мы, советские люди, без исключения, был превращен в абстракцию и остается ею. Нами управляли и управляют, по выражению Петра Яковлевича Чаадаева, умы столь лживые, что даже истина, высказанная ими, становится ложью.

Народный писатель Азербайджана Байрам Байрамов рассказывал с горечью о том, как встречал его один чиновник. В ответ на его просьбу о рассмотрении жилищного вопроса для писателей чиновник равнодушно заметил: "У нас для рабочих тоже нет квартир". Точно теми же словами отделался на встрече с ленинградскими писателями в 1978 году первый секретарь обкома Григорий Романов, и тогда мои товарищи промолчали. Но Байрам-муаллим в подобной ситуации проявил иной стереотип поведения. Поднявшись, резко сказал: "У рабочих нет квартир, потому, что ими управляют такие, как проходимцы. Не надо нас противопоставлять друг другу."

Многие на подобное не решались. Незадолго до приезда Леонида Брежнева в Баку нескольких азербайджанских поэтов пригласили в ЦК партии и поручили написать стихи-оды, стихи-восхваления и благодарности за "отеческую заботу" о республике. Многие из неприглашенных поэтов не брезговали ничем, чтобы попасть в списки, сулящие, как им казалось, почет, звания, материальные блага. Веками складывавшийся в народе престиж литературы, разъедаемой метастазами бюрократизма, упал до нуля. Тем же уровнем оценивалась народом и "отеческая забота" о нем: в соседнем Иране на девятом году войны по талонам давали полтора килограмма мяса и масла на человека, а в Баку - только килограмм. Сегодня, правда, и по этой норме вздыхают.

Представляется что инициаторы армянского националистического движения у нас и на Западе были убеждены, что присоединение Нагорного Карабаха к Армении не встретит особых затруднений. Все было просчитано, кроме одного фактора, - воли азербайджанского народа. Она оказалась не до конца парализованной ни "алиевщиной", ни предыдущими, ни последующими партийными "ширваншахами".

Именно "карабахский вопрос" неожиданно высветил сложившуюся в республике неприглядную ситуацию. Наступало прозрение прежде всего интеллигенции, в среде которой долгое время старательно уничтожали наиболее одаренных и талантливых, им не давали продвигаться в науке, где господствовали семейственность и местничество, им не позволяли появляться в литературе, где лживые классики издавались чаще Низами, Насими и Самеда Вургуну. Руководящие посты в республиканских ведомствах культуры отдавались на откуп родственным кланам, покупающим и продающим всех и вся. За портреты Брежнева, выгодно сбываемые в районах Азербайджана, получил звание народного художника Гусейн Алиев, брат легендарного Гейдара. Брат другого секретаря ЦК. Ф. Багирзаде, неожиданно сделался драматургом. Хотя все, в том числе и работники телевидения, посмеивались над автором. Посмеивались и ставили.

Почти все члены правительства и ответственные работники ЦК республики к началу карабахского конфликта были родственниками друг друга. Гейдар Алиев на страницах "Литературной газеты" утверждал, что насилие родственников или земляков в высшей школе или в министерствах - нормальное явление, подобное модным тогда рабочим династиям. Сквозь такую круговую поруку пробиться было нелегко, - свидетельствовал в наступивший час откровения секретарь Союза писателей Азербайджана Чингиз Абдуллаев. - В лучшем случае это удавалось сделать за счет удачной женитьбы. Страшное в условиях Азербайджана, когда-то разделенного на ханства. выражение "харалысан" - откуда ты родом? - разобщило нацию, деля людей на бакинцев и нахичеванцев, карабахцев и ленкоранцев.

"Липко-грязное слово" взятка", - писал Чингиз Абдуллаев, - мы заменили на "хормет" - "уважение" и начали уважать друг друга, не понимая, что образуем замкнутый круг, из которого нам не вырваться".

"Уважение" начиналось с работников яслей и детских садов и достигало астрономических сумм в общении с милицией, судьями, прокуратурой, партийными властями. Деньги решали все. "Не будем скрывать наши пороки", - призывал в начале 1989 года писатель Чингиз Абдуллаев, приводя великолепные слова из Корана:

"И послал Аллах ворона. И сказал ворон: горе мне, я не в состоянии скрыть скверну брата своего".

Зато "скверну брата своего" всюду распалили средства массовой информации в Москве, пытаясь посеять в Азербайджане жестокое рентгеновское излучение межнациональной ненависти. Вернусь к дню землетрясения в Армении, весть о котором заставила отступить задний план всему мелкому и злобному, уже накопившемуся между двумя народами. Когда в Баку стояли в очередь к донорским пунктам добровольцы, обозреватель программы "Время" заявил, что в столице Азербайджана в ознаменование армянского землетрясения произведен фейерверк и идет народное гуляние. И это в городе, погруженном по вечерам в мрак введенного Москвой военного положения и комендантского часа, где через каждый квартал стояли танки и бронетранспортеры, а человека, случайно оказавшегося на улице без пропуска, задерживали до утра в милиции.

Можно представить, какие последствия имела в Армении и Азербайджане эта провокационная выходка в начале декабря 1988 года! А цель преследовалась и преследуется одна: отвергать любое предложение уладить разногласия законным путем, нагнетать и без того накаленную обстановку. Несчастье, просто несчастье!

"Недавно решили поменять азербайджанское название Нагорный Карабах - Арцахская автономная область, - писал в одной из статей уроженец Карабаха, писатель Максуд Ибрагимбеков. - Мол, азербайджанское название оскорбляет эстетические чувства армянского народа. Причем здесь народ? Добрая половина армян носит азербайджанские или тюркские фамилии: Аллахвердян, Агасян, Аганбегян, Агабабян, Бабаян, Балаян, Вердиян, Капутикян, Демирчян, Ханзадян, Алиханян и десятки других. И ничего, народ вроде не возмущается, никто не меняет ни фамилий, ни имен. Обращаясь к любимому человеку, многие добавляют азербайджанское слово джан. Пока не отменили. Великий певец Кавказа армянин Саят-Нова, творивший на азербайджанском, армянском, грузинском языках, из 105 своих бессмертных газелей 75 создал на азербайджанском. Тоже не отменили. Поют. Так зачем же понадобилось менять название Нагорного Карабаха? Чтобы вызвать возмущение, усилить эскалацию ненависти, чтобы не прекращали убивать, насиловать, поджигать дома. Надо постоянно подогревать, провоцировать, а то могут прекратиться забастовки, вдруг, чем черт не шутит, здороваться начнут".

Подобные настроения подогревались и на открывшемся в Москве первом съезде народных депутатов СССР весной 1989 года. Арена Карабаха как бы была перенесена в московский Кремль. Народные депутаты от Армении во главе с Г. Старовойтовой сплоченно отвоевывали НКАО для Армении на виду у всей страны и всего мира, охаивали, не стесняясь в выражениях, весь азербайджанский народ при попустительстве Горбачева и Лукьянова.

Депутатский корпус от Азербайджана поражал своей серостью. Прочитав по этому поводу письмо азербайджанки, живущей в Ленинграде, тем более что оно не проникло даже в азербайджанскую Прессу.

"Как случилось, что на Съезд народных депутатов СССР попал такой депутатский корпус от Азербайджана? - автор адресовала свой вопрос Аязу Муталибову, назначение которого после событий "черного января" воспринималось хоть и скептически, но с надеждой, что новый лидер вынужден будет прислушаться к голосу народа и защитит коренные интересы республики. - Неужели было непонятно, что в стране происходят решительные перемены, что при выборах депутатов следует соблюдать не процентную норму тех или иных социальных слоев, отбирать не просто послушных, голосующих и поднимающих руку по велению Первого секретаря, а людей грамотных,

самостоятельно думающих, компетентных в разных областях, болеющих душой за республику, достойно представляющих свой народ и по-настоящему отстаивающих интересы республики?! А ведь такие люди есть во всех слоях населения Азербайджана.

Так почему окружные комиссии "просеяли" именно тех, кто мог самостоятельно проявить себя на Съезде в разных областях?

Стыдно было смотреть на нашу делегацию, на дежурные выступления, на единогласно поднятые руки вслед за Везировым... Иногда казалось, что азербайджанских депутатов вообще нет на съезде.

И, конечно, этим пользовались те, кто распространял слухи об ограниченности азербайджанцев, их тупости и т.п. Мне звонили и говорили: "А ты еще утверждаешь, что у вас есть способные и мужественные люди. Где же они? Вся ваша делегация входит в законопослушное большинство и голосует так, как велит председатель". Было обидно и больно слушать такое, когда я знала, что на самом деле в республике есть достойные люди, толковые специалисты. Везиров и его аппарат вновь больше думали о своей власти, о том, как они будут выглядеть в глазах Генсека".

Что ж, вывод ленинградки, четверть века тому назад покинувшей Баку, оказался верен: неуважение к самим себе приводит к наплевательскому отношению других.

"К счастью, бациллы национализма не проникли в национальную среду республики, - заявила в опубликованном выступлении на первом Съезде народный депутат Л. Барушева, швея Бакинской фабрики имени Володарского (места на трибуне она не получила). - Есть что-то антигуманное в идее, что армяне могут жить только в Армении, азербайджанцы - только в Азербайджане, русские - только в России и т.д. и т.п. Эти идеи не имеют ничего общего с подлинными интересами наших народов... Я всю жизнь прожила в Баку, нигде не чувствовала себя чужой: ни в коллективе, в котором тружусь, ни в доме, в котором живу. За меня голосовали избиратели десятков национальностей, проживающих в Баку".

Выступление Л. Барушевой было озаглавлено: "Сообща строить общий дом" и выражало традиции интернационализма пролетарского Баку. Подобного содержания статьями были заполнены в 1989 году все республиканские газеты Азербайджана. Вот лишь некоторые типичные заголовки: "Проблемы решаются сообща", "Нам жить вместе", "Путь один - национальное согласие", "Во имя межнационального мира". С невероятным трудом сквозь идеологическую цензуру везировского аппарата пробивались выступления авторов под заглавиями: "Правовое государство начинается с уважения к закону", "Следовать истине, а не амбициям" и уж совсем реалистическое: "Воруют скот".

1989 год начался с Обращения властей Азербайджана и Армении "К гражданам, покинувшим постоянные места проживания":

"Все мы должны прислушиваться к призыву М. С. Горбачева: сделать все, чтобы тот, кто вынужденно покинул места постоянного проживания, быстрее вернулся к своему родному очагу".

Ко времени этого лицемерного призыва ("Вы истосковались по труду на своей земле, ваши глаза соскучились по родным горам и долинам, сады ждут тепла ваших рук") Армения изгнала практически все двухсоттысячное население азербайджанской национальности. Беженцы роились в Баку, выходили на площадь перед зданием ЦК, их с плачущими детьми уговаривал сам Везиров, сажали в быстро пригнанные автобусы и отправляли туда, откуда их выгнали. А там, как показал ход событий, антиазербайджанская истерия ни на день не прекращалась. И можно понять, почему на площади появился плакат: "Терпению - предел!".

Власти Азербайджана отказывали беженцам в просьбах расселить их в географической среде, близкой по климатическим условиям покинутой родине, то есть Ленинакану, Кировакану, Спитаку, Гурсалы, Сары-алы. Аргумент один: мы - горные люди и просим поселить нас не в Лос-Анджелесе и даже не в Дилижане или Москве, а на суверенной территории Азербайджанской ССР - в Нагорном Карабахе. В это же время из Апшерона в Карабах организованно переехало 20 тысяч армян "для адаптации в условиях горного климата".

Одна из беженек, активистка женского движения Санубар Абдуллаева задавалась вопросом: почему мы вместо надежды испытываем разочарование? И обвиняла в преступной самоуспокоенности бакинские власти, не взявшие на себя ответственности за судьбы беженцев. Она пыталась объяснить изгнанным, что "фактическая власть на нашей земле принадлежит Москве, в лице близкого человека, цинично заявляющего моим соотечественникам, что войска в Карабахе находятся для защиты армянского населения, а также предлагающего моим азербайджанцам так называемое временное переселение из своих деревень, дабы не нагнетать напряженность и раздражение у армян".

Эти слова Санубар Абдуллаевой точно отражали позицию тогдашнего лидера Азербайджана Абдурахмана Везирова. Обращение к двум народам вернуться "к своим очагам с миром и чистым,

открытым сердцем" было продиктовано Москвой, чтобы создать идеальные условия для бакинских армян. Некоторые из них продавали свои дома и квартиры за высокую цену и, получив пособие, выясняли максимально благополучные условия в лучших городах России. По сведениям коменданта Особого района города Баку генерал-лейтенанта М. Колесникова, к концу марта 1989 года из 190 тысяч лиц армянской национальности выехало 23 тысячи человек. Из них - семь тысяч в Армению, остальные в РСФСР. Данными о переезде армян в Лос-Анджелес генерал-лейтенант не располагал.

Беспомощность Везирова и других руководителей республики, их наплевательское отношение к собственному народу уже в самом начале 1989 года вели к социально-политическому взрыву. Это прогнозировалось любым непредвзятым наблюдателем. Занимаясь трюкачеством и шутовством вроде компьютеризации и строительства бань в селах, посадки ореховых рощ и бурной деятельностью по возвращению варварски изгнанных азербайджанцев, Абдурахман Везилов не мог ответить на три самых животрепещущих вопроса, во многом определивших ход последующих событий.

Как случилось, что депортация нескольких тысяч азербайджанцев из Армении еще до сумгаитских событий замолчалась и не была предана широкой огласке в стране?

Как случилось, что руководство республики не настояло на открытом судебном процессе над всеми участниками сумгаитских событий, чтобы стало видно, кто есть кто?

Ответ республиканских, уже перестроечных властей только на эти два вопроса помешал бы политическому акробатизму народного депутата Армении Игитяна, который потряс страну и мир, утверждая на Съезде, что тихие, мирные армяне, спеша в числе первых вкусить плоды перестройки, вышли с лозунгами "Ленин, партия, Горбачев", а тут подоспел Сумгаит. Мы не чувствовали, - нажимал Игитян, - что прогрессивная часть Азербайджана, ее интеллигенция осудила этот акт насилия. "Если бы это совершили армяне, я бы встал и попросил извинения перед всем советским народом и перед всем миром".

Ответы на два приведенных вопроса, конечно, с риском для будущей политической карьеры (ЦК КПСС и помощники Генсека из армян были в силе и разуме), но зато ради сохранения достоинства народа, заставили бы депутата Игитяна встать и извиниться хотя бы перед азербайджанским и армянским народами. Везилов и его сподвижники на Съезде в Кремле, выслушивая частые обвинения в геноциде, даже не воспользовались ответом М. С. Горбачева на этот вопрос, прозвучавшим в июле 1988 года: "Геноцид - это определенная политика, расовая, организованная, а не стихийная... Геноцид - это политика уничтожения, сознательно проводимая по отношению к какому-то народу или к меньшинству. Почему же выходку бандитов вы хотите приписать всему Азербайджану? О каком геноциде можно говорить?".

Тем паче, что и Горбачев запомнил эти справедливые слова, а искаженное представление о "карабахской проблеме" продолжало торжествовать в общественном сознании. В него вдалбливался новый стереотип азербайджанца - фашиста, душмана, панисламиста и национал-карьериста, а главное - противника демократических перемен.

И тут самое время поставить перед Везиловым третий вопрос.

Как случилось, что ночное избиение дубинками, изгнание безоружных людей с площади имени Ленина в Баку 5 декабря 1988 года, было замолчано и замято, хотя в больницах оказалось немало раненых?

Более того, Везилов применил тогда репрессивные меры против своего народа, изгоняя людей с работы, раздавая выговора и прочие административные порицания огромному числу неугодных руководителей и служащих. Республиканские средства массовой информации сообщали, что власти преследовали наркоманов, хулиганов, женщин легкого поведения и экстремистов, заполонивших площадь.

И не стыдно было власть имущим такой ложью унижать свой народ? И эта ложь распространялась на всю страну под видом угодной тогда борьбы с неформалами, будто многотысячные массы людей, ежедневно заполняющие площадь и набережную и требовавшие от властей решения карабахской проблемы и прекращения оскорблений в свой адрес, состояли сплошь из экстремистов, мафиози и хулиганов.

Нет, это было гражданское пробуждение народа, который десятилетиями растлевался и смирялся со злом, творившимся вокруг во времена Алиева. И как еще могли обратить на себя внимание люди, терпению которых наступал предел, когда им со всех концов света кричали о Сумгаите, о жертвах-армянах и убийцах-азербайджанцах?! Это была защитная реакция Рза Кули, знакомого Гумилева, рискнувшего жизнью ради сохранения человеческого достоинства.

Первый бюллетень Народного фронта Азербайджана появился лишь в мае 1989 года. В обращении к народу инициаторы НФА весьма сдержанно (в отличие от подобных движений в При-

балтике и той же Армении) нападали на "систему административно-командного социализма" в республике, как бы выделяя ее из системы "революционных идей перестройки", "от принятых радикальных программ, планов и законов". И хотя в обращении раза три употреблялось слово "суверенитет", прозорливому человеку становилось ясно, что примиренчество и половинчатость интеллигенции не сулят монолитного существования новому движению, не помышляющему пока о национальной независимости.

"События в Нагорном Карабахе, - справедливо указывалось в бюллетене НФА, - открыто продемонстрировали неспособность и бессилие бюрократии защитить национальные интересы. 200 тысяч азербайджанцев изгнаны от своих родных очагов, а Нагорный Карабах фактически выведен из республиканского подчинения. На очереди - новые азербайджанские земли. Чтобы продлить свою власть, бюрократия всячески скрывает от народа истинные причины и размеры конфликта, не решается выразить официальный протест против агрессии правительства Армянской ССР". В этом же документе НФА впервые объявлялось, что проблема НКАО - внутреннее дело Азербайджана. "Попытки армянских националистов решить вопрос Нагорного Карабаха в свою пользу с помощью центральной власти безрезультатны и вызывают у азербайджанского народа чувство протеста. Наш народ в борьбе за свои земли рассчитывает только на свои силы и у него их достаточно, чтобы защитить свою Родину". Попытки властей Азербайджана прибегнуть к благосклонности Кремля лидеры НФА как бы не замечали.

На сессию Верховного Совета республики лидеры Народного фронта были допущены лишь в середине сентября 1989 года. О поддержке НФА заявил депутат Байрам Байрамов, писатель, председатель правления комитета "Карабах". Выступивший в конце прений председатель правления НФА Абульфаз Алиев (Эльчибей) философски заметил:

"Конечно, мы не тот народ, который кричит на весь мир о своей боли. Может, это правильно, может, нет, но когда наш голос не слышен, о нас в мире могут подумать, что мы виновны. С другой стороны, крикливыми призывами не много заработаешь уважения".

Для Абульфаза Эльчибея главное - дальнейшее развитие демократии, без нее мы не сможем ничего добиться. Он привел слова Мирзы Алекпера Сабира: там, где есть свобода, есть человечность. И добавил от себя: там, где есть демократия и свобода, есть человечность...

В это же самое время в американском сенате по инициативе сенатора Роберта Доула не раз возникали обсуждения по "армянскому вопросу". Сенату было предложено объявить 1990 год "годом армянского геноцида". Возмутившиеся в очередной раз самой постановкой вопроса еврейские общины США объяснили причину еврейско-армянского противостояния нежеланием портить традиционные дружеские связи с Турцией, которая является "единственным устойчивым" мостом между Израилем и мусульманскими государствами Востока". Ответные действия проармянских сенаторов не заставили себя долго ждать. Сенатор Р. Доул призвал Джорджа Буша не отступать ни на шаг. Четверо армянских террористов захватили советское посольство в Буэнос-Айресе и держали его под контролем несколько дней, стремясь, как они выразились, "привлечь внимание СССР к решению армянского вопроса". В Лос-Анджелесе группа армянских юношей, желая показать свою решимость в борьбе за патриотические идеалы, осквернила еврейское кладбище и обливала стены близлежащих домов желтой краской, перемежая красной.

Газета "Нью-Йорк Таймс" не без помощи еврейской общины США поместила письмо азербайджанских журналистов, в котором оценивались действия армянской Диаспоры и партии Дашнакцутюн по разжиганию межнациональной розни и раздуванию надуманного ими же вопроса вокруг НКАО Азербайджанской ССР с конечной целью - насильственного присоединения области к Армении. Этот примечательный факт позволил газете "Азербайджан" отметить странный парадокс: центральные советские газеты находят место для больших статей по проблеме НКАО людей несведущих, вводящих в заблуждение общественность страны; статьи же азербайджанских специалистов блокируются не только в центральной прессе, но, к сожалению, часто и в республиканской. Разгадка парадокса проста: с самого начала конфликта азербайджанской стороне навязали идиотскую идею о том, что правдивые статьи могут разжечь межнациональную рознь, хотя она полыхала в соседней республике, и правда могла ее тогда еще притушить. Один из авторов газеты Райис Гасанлы ставил риторический вопрос: "Почему газета "Нью-Йорк Таймс" может поместить статью азербайджанских журналистов, которая помогает американской общественности избавиться от однобокого представления, навязываемого армянской диаспорой по "проблеме" Нагорного Карабаха, а в союзной центральной печати в период гласности практически невозможно это сделать?"

С жесткой информационной блокадой столкнулся осенью 1989 года обозреватель самого перестроечного журнала "Огонек" Георгий Рожнов. Продолав путь по железной дороге от Баку до Норашена через Мегри, Джульфу и Нахичевань, журналист "Огонька" почувствовал откровенное

недоверие собеседников: "Что толку от ваших поездок, если практически все центральные газеты и журналы, радио и телевидение или замалчивают волнующие нас проблемы, или беззастенчиво лгут?". Не прошло и дня, - свидетельствует Георгий Рожнов, - как я убедился: люди правы. Что бы ни происходило в затянувшемся межнациональном конфликте, читателю или слушателю преподносилась одна и та же версия драматических событий: Азербайджан едва ли не кровожадный агрессор, а его соседи - без вины виноватые жертвы.

Летом и осенью 1989 года лексика сообщений из Закавказья стала привычной: обстрелян автобус, захвачены заложники, изъято оружие, погибли люди. Все это было началом крупномасштабного террора, практикуемого партией Дашнакцутюн уже много десятилетий подряд. Но в конце сентября 1989 года прозвучало новое, со времен войны забытое слово: блокада. Впервые сказанное на пресс-конференции в постпредстве Армении в Москве, оно замелькало на страницах газет, зазвучало в эфире. Главный научный сотрудник Института космических исследований АН СССР К. Грингауз обратился к своему коллеге из Баку, народному депутату СССР и директору Института космических исследований природных ресурсов АН Азербайджана Т. Исмаилову с открытым письмом:

"Как могло случиться, что на восьмом десятке лет существования Советского Союза одна из советских социалистических республик устанавливает блокаду и приводит на грань голода население области, расположенной внутри этой республики, устанавливает блокаду соседней советской республики, которая только что перенесла тяжелейшую катастрофу".

К забастовке железнодорожников, как известно, призвал Народный фронт. Поэтому Георгий Рожнов, прилетевший в Баку, прежде всего выслушал члена правления НФА Хикмета Гаджи-заде.

"Прекращение движения на Азербайджанской железной дороге, - объяснил тот, - следствие всеобщей забастовки, которая длилась в республике с 4 по 17 сентября. Сама же забастовка - результат очередного витка эскалации противоправных действий армянских экстремистов против нашего народа. Считайте: 13 июня "мчалась полная блокада азербайджанских сел в НКАО, полная блокада Нахичеванской АССР, произошли десятки нападений на наши приграничные селения, на наши поезда - как грузовые, так и пассажирские. Что нам оставалось делать, если ни союзные, ни республиканские власти не могли или не хотели защитить суверенитет республики, оградить его от посягательств?".

Замечу, что везировский клан вынужден был в те дни пойти на диалог с Народным фронтом Азербайджана, владевшим ситуацией на железной дороге. 5 октября 1989 года Верховный Совет Азербайджана принял конституционный закон о суверенитете республики, а Совет Министров в тот же день официально зарегистрировал Народный фронт. Его красно-сине-зеленый флаг с полумесяцем вошел в государственную атрибутику Азербайджана и гордо реял в аэропорту, на площадях и улицах Баку.

Все эти факты общественной жизни были вполне оценены и соседями.

Слушая или читая возмущенные заметки о блокаде бедствовавшей Армении, многие люди вряд ли догадывались, что поезда, идущие по Азербайджанской железной дороге, небольшой участок всего в 46 километров проходят по территории Армянской ССР. Именно здесь, на перегонах от станции Миндживан до станции Мегри происходили и происходят вылазки террористов. О них Георгию Рожнову поведал старший советник юстиции, транспортный прокурор Ахмед Алекперов:

"Первые провокации начались еще в ноябре 1988 года. Здесь было все: и взрывы на путях, и засыпка их щебнем, и массовые хулиганские выходы против машинистов и пассажиров. Их забрасывают градом камней, стреляют из боевого оружия. По каждому такому эпизоду нами были возбуждены уголовные дела, но ни одно из них не нашло разрешения: правоохранные органы Мегринского района Армении препятствуют нам в проведении следственных действий. Да и на какую помощь с их стороны можно надеяться, если ряд сотрудников прокуратуры и милиции района сами являются активными соучастниками преступных действий?".

К приезду Рожнова в Баку движение по дороге было возобновлено, и стало ясно, с каким ожесточением встретили прекращение блокады засевшие в горах террористы. Журналист привел в очерке сводку происшествий на Мегринском участке только за один вечер 7 октября 1989 года:

"В 22.50 на 347-м километре при подъезде к станции Карчеван поезд №2731 был обстрелян. Машиниста локомотива Ибрагимова сопровождали на этот раз военнослужащие внутренних войск Бугаев и Гигаури. В 23.30 стрельба раздалась по поезду № 2703 - его вел машинист Мамедов. В 00.55 град камней обрушился на поезд № 2704 (машинист Исмаилов), в 1.45 камни застучали по тепловозу, который вел машинист Байрамов - поезд № 2766, в 1.50 - по тепловозу машиниста Исмаилова - поезд № 2767. И, наконец, 8 октября в полдень при обходе путей на станции Карчеван полковник внутренних войск Угольков обнаружил и обезвредил мощное взрывное устройство".

А если бы не обнаружил? Спустя месяц на этом же участке при закладке мины под полотно железной дороги подорвался террорист Артуш Парсагян, хотя дорога уже охранялась войсками МВД СССР.

Поэтому очеркист привел памятный ему диалог с врачом больницы Ленинакана Альвиной Маркосян.

А. Маркосян: Как можно так ненавидеть народ соседней республики, чтобы без какого-то повода с нашей стороны прибегнуть к экономическому террору? Мне было бы интересно посмотреть в глаза азербайджанских железнодорожников - что бы я увидела в них?

Г. Рожнов: Страх и гнев... Страх - из-за почти ежедневных обстрелов, из-за камней, летящих в поезда, которые они ведут к вам. Гнев - в адрес тех молодчиков, которых они, поверьте, никак не связывают с народом Армении.

Набившиеся в кабинет врачи и медсестры, по свидетельству Г. Рожнова, и слыхом не слышали о том, что уже давно, около года, творится на проходящих по территории их республики километрах железной дороги.

Так может быть о нападениях на машинистов и пассажиров (Рожнов и его товарищ— фоторепортер чудом убереглись от увесистого булыжника через полчаса после станции Норашен в скором Баку-Ереван) не ведали в Прокуратуре СССР? Прокурор Ахмед Алекперов сообщил: "Еще 26 ноября 1988 года я направил на имя начальника управления по соблюдению законов на транспорте Прокуратуры СССР старшему советнику юстиции А. Шкробцу обстоятельное сообщение "Происшествиях на станциях Азербайджанской железной дороги, расположенных на территории Армянской ССР Подобная информация регулярно поступала в Москву в 1989 году".

И Георгий Рожнов, автор очерка "Дорога без конца", делает свой вывод:

"Не нужно быть ясновидцем, чтобы понять: если бы с помощью центра сразу же, без проволок было до конца доведено следствие хотя бы по одному из первых преступлений на дороге, были бы найдены и наказаны виновные, приняты действенные меры по обеспечению безопасности движения - не было бы у азербайджанских железнодорожников того гневного возмущения, которое сначала толкнуло их на единичные отказы водить поезда по окаянному сорока шести километрам, а потом и на полное прекращение движения. Нам важно это понять сразу, - обращался автор к читателям "Огонька", - чтобы ведя разговор о тяжелых последствиях разгоревшегося на дороге конфликта, не забыть о его причинах".

В своих обещаниях собеседникам в Баку и Ереване журналист не лукавил: вернусь в Москву и обязательно расскажу правду. И что же?

"Прошло более двух месяцев, а я до сих пор не напечатал о поезде в Азербайджан и Армению ни строчки, - обращался он в республиканскую газету "Вышка". - Ни одна московская газета, ни один журнал не собирались предоставить мне свои страницы. Почему? Объяснение простое: рассказанная мною правда была слишком непохожей на ту, что из месяца в месяц вдалбливалась в головы читателей и слушателей.

Все эти месяцы, недели, дни меня не покидает мучительное чувство вины перед десятками людей, доверивших мне боль своих сердец. А недавно стало еще горше: сообщение ТАСС уверяло, что сотни экстремистов, "подогретых спиртным и наркотиками", организовали провокации на советско-иранской границе. Как похожа была эта очередная клевета на утверждение министра путей сообщения СССР Н. Конарева о том, что те же экстремисты усаживают на железнодорожное полотно женщин с детьми и таким образом препятствуют прохождению поездов в Армению. Те, кто плел подобные небылицы, не знали или не хотели знать, что их выдумки вообще противоречат характеру, традициям и обычаям великого народа и потому еще более оскорбительны. И еще я понял, что мое молчание после октябрьской поездки в Закавказье более недопустимо, что уход от правды непременно приводит к еще одной лжи. По этой же причине я посылаю мой очерк, не увидевший света в Москве, в Азербайджан, в республиканскую газету "Вышка". Это единственная возможность оправдаться перед теми, кто в Баку, Джульфе, Нахичеване, Ильичевске, Норашене помогал мне в поездке, верил мне, надеялся на мою правдивость и честность".

Как видим, сохранение достоинства с риском для собственной жизни свойственно не только азербайджанцу Рза Кули, но и русскому журналисту Рожнову. Свойственно армянину Гавриле Петояну и не свойственно азербайджанцу Абдурахману Везирову, подготовившему своим предательским руководством кровавый январь 1990 года и заявившему впоследствии, что он перенес амнезию и ничего не помнит.

Впрочем, время все расставит по местам, а меру наказания определит степень вины.

5 октября 1989 года, в день приезда Георгия Рожнова в Баку, утром в 10.55 в Агдамскую районную больницу были доставлены жители поселка Киркиджан г. Степанакерта Ибрагимов Надир, 11 лет, и его брат Ниджат, 9 лет, с огнестрельными дробовыми ранениями в области головы.

Со слов отца, ранения получены в 8 часов утра во дворе дома. Хирурги Степанакерта отказались оперировать раненых детей, и потерпевших отправили в Баку... Обычная сводка тех дней из азербайджанских сел Карабаха.

Черный январь: Гасан Гасанов, Салатын Аскерова и Аяз Муталибов

Для осознания сегодняшней ситуации в Нагорном Карабахе в который раз приходится возвращаться вспять. Когда по решению Съезда народных депутатов СССР в июле 1989 года была образована комиссия по проблемам НКАО, известие об этом, как и следовало ожидать, вызвало новую эскалацию напряженности в регионе. Степанакертские армяне напали на пригородное азербайджанское селение Кяркиджахан (через два года в этом селе от руки армянского снайпера погибнет радиожурналист "Маяка" Леонид Лазаревич), с помощью сигнальных ракет поджигали дома. К утру атака прекратилась. Но обстановка все более ухудшалась и привела к "каменной" войне на дорогах. ТАСС в то время сообщал с вынужденной объективностью (народные депутаты собирались выезжать на места боевых действий), что транспортное движение по дорогам области оказалось блокированным, а в солдат, вышедших на расчистку дорог в районе Степанакерта, армяне бросали камни и самодельные взрывные устройства, обстреливали их из охотничьих ружей. В результате 19 военнослужащих были ранены. ТАСС указывало, что из засады совершено нападение на трех азербайджанцев, в результате которого двое убиты, а третий тяжело ранен. На это, по существу первое, объективное сообщение, последовала резкая реакция армян: забастовали печатники Степанакерта и перестала выходить областная газета "Советский Карабах". Выходящая на русском языке газета "Коммунист" прямо заявила, что это "крайне неосторожное сообщение ТАСС" об убийстве двух азербайджанцев еще более обострило ситуацию, "хотя кто и при каких обстоятельствах их убил, еще не выяснено" Депутаты из Москвы могли все обстоятельно выяснить у Намика Салахова, чудом спасшегося от смерти, очевидца преступления. Шестерых убийц, напавших на них и убивших двух его товарищей, Сафарова и Набиева, у родника, в тутовом саду, он знал в лицо, а с одним даже учился в школе. Так что следствие при желании не затянулось бы. Под угрозой оружия убийцы заставили догола раздеться свои жертвы, связали руки за спиной и стали истязать. О рану Сафарова была погашена сигарета, а спины убитых исполосовали штыками.

У депутатов, добравшихся до Агдама на легковых "Волгах", ничто не вызывало тревогу. Люди окрест выглядели спокойными и веселыми, торговали, работали на полях, сидели в чайханах. После Агдама обстановка резко менялась. Пассажиры автобусов и личных машин тревожно смотрели по сторонам. От Агдама до Шуши -37 километров, на этом горном серпантине 8 контрольно-пропускных пунктов, возле каждого - бронетранспортёры и подразделения солдат, дорога в шахматном порядке специально перегорожена бетонными блоками. Много пережившие и многое не понимавшие шушинцы задавали приезжим один и тот же вопрос: почему азербайджанское руководство покинуло местных азербайджанцев; неужели мы живем не в Азербайджане, а в Армении, куда въезд посторонним воспрещен? Почему "ас не оберегают от нападений вооруженных банд? Почему в Степанакерте службу охраны и порядка несут не только войска МВД СССР и армия, но и специально доставленные из Еревана милицейские подразделения? Если дело обстоит так, почему в Шушу не прислать милицию из Баку или Агдама?

Ощущая на себе, что МВД и армия, подчиненные резиденту Москвы Аркадию Вольскому, их не охраняют, азербайджанцы из многих селений ИКАО перевезли своих детей в древнюю крепость Шушу, где все-таки надежнее. В азербайджанских селах надо быть круглосуточно начеку, вооруженные армяне-"бородачи" совершают нападения обычно ночью, либо же палят из ружей, чтобы держать людей в страхе, да и над Шушой периодически барражируют военные вертолеты. Цель этих акций одна: устроить безоружных азербайджанцев и принудить их к выезду со своих земель. Вот изгнали же наших из Армении, теперь принялись за азербайджанцев НКАО, - к такому заключению склонялись шушинцы, исходя из реалий, видя, что военные присланы в область только для охраны армянского населения. Не снабжая азербайджанские селения ни продовольствием, ни горючим, ни электроэнергией, ни связью, активно способствовал выживанию азербайджанцев из НКАО и комитет Вольского. Складывалось впечатление, что и власти Баку заинтересованы в том, чтобы их соплеменники покидали Нагорный Карабах, на что рассчитывает армянское руководство и те, кто стоит за их спиной. Область при такой подлой политике может стать еще одним моноэтническим в СССР армянским регионом.

Первый секретарь Шушинского райкома, народный депутат СССР В. Джафаров предлагал Везирову: давайте размещать в НКАО беженцев из Армении и турок-месхетинцев: места достаточно, переселенцы будут и работой обеспечены. Да и кто в силах запретить такой шаг, за чем же

дело стало: земля - наша, власть - наша, значит, и распоряжения должны быть наши. Абдурахман Везиров не только не отважился принять это решение, он не осмелился даже навестить Карабах, откуда был и сам родом. Тем более, что он единожды уже предал свой народ, предоставив его в ночь на 5 декабря 1988 года войскам, вершившим кровавый суд в Венгрии, Чехословакии, Афганистане.

Это был пролог национальной трагедии, и я вынужден вернуться к нему, используя свидетельство очевидца, кандидата филологических наук Ровшана Мустафы.

...В те декабрьские дни 1988 года по городу упорно ходили слухи о предстоящем разгоне демонстрантов. В это мало кто верил: людей же волновали вопросы собственной истории, языка, культурного наследия. К тому же справедливость выдвинутых народом требований была подтверждена официально в выступлении Председателя Президиума Верховного Совета республики. А потому каждый продолжал верить в здравый смысл, люди приходили на Площадь, ставшую своего рода отдушиной.

В ночь на 5 декабря солдат было не больше обычного. Они, как и прежде, окружали со всех сторон площадь строгой цепью. В двух-трех шагах от них выстраивалась другая цепь - из тех, кто оставался здесь на ночь. Декабрьские ночи были холодными. Провизию и дрова сюда уже не пропускали: умные головы из ЦК решили взять смутьянов на измор. Может, поэтому людей в ту ночь осталась немного - тысяча - полторы, если не меньше. Единственный куцый костер собрал вокруг себя женщин, стариков и детей. Последние, - вспоминает Ровшан Мустафа, - как ни в чем не бывало, пели у костра, смеялись. И глядя на них, хотелось забыть о комендантском часе, не слышать заработавших моторов военной техники, не верить в то, что в Баку могут произойти трагические события, которые спустя несколько месяцев, достигнут своего апогея уже на другой площади - в Тбилиси, а затем, погодками, опять в Баку и в Вильнюсе. Правда, - признается Ровшан Мустафа, - какое-то внутреннее беспокойство заставляло волноваться за детей и злиться на их родителей.

Порой солдаты начинали маневрировать. Впрочем, за последние ночи к этим их "шалостям" здесь уже привыкли как и к тому, что, стоя друг против друга, можно закуривать из одной пачки, пока не появлялся очередной военный чин и не изрекал сурово: "Разговорчики!", - и все снова, как по команде, становились врагами.

К стоявшим в оцеплении демонстрантам подбегали девушки с горячим чаем в термосах... Как усердствовали в те дни партократические газеты: по ночам, мол, на Площади такое творится, хотя многие бакинцы убеждены в обратном: слухи распускаются теми, кто во что бы то ни стало хочет опозлить благородные порывы людей, истоптать самое святое, что еще оставалось у оскорбленного народа - Честь.

Слово - Ровшану Мустафе:

"Около полуночи на Площадь попытался пробраться генерал в сопровождении двух вооруженных "адъютантов". Не знаю цели их появления, но, насколько помню, они очень скоро вынуждены были вернуться обратно. Запомнился взгляд генерала: он смотрел на нас так, словно старался запомнить каждого в глаза.

Минут через сорок к нам подошли группы людей, в основном одетые в штатское и лишь некоторые в форме внутренних войск, и повели непринужденные беседы о самом разном: о Балаяне, продовольственных налогах, о коммунизме. Ребята сразу же столпились вокруг них, пошли горячие споры, обсуждения. Цепочка разорвалась... Порой мне кажется, что и на это также делался расчет: на искренность, доверчивость и наивность простых людей.

А потом вокруг погас свет. Кажется, он не горел даже в близлежащих домах. К моему удивлению, этому никто не придавал особого внимания: все были увлечены разговором и, казалось, ничего не замечали. Догорала последняя головешка.

Вспыхнувший часа через два яркий свет на миг ослепил всех. Потом, уже, оглянувшись, я увидел скопление солдат. Повсюду - от гостиницы "Азербайджан" до "Апшерона" - играли на касках блики света. Солдатам удалось обойти нас и со стороны трибуны. Кстати, на нее уже поднялись военные чины.

Мы собрались в тесный круг, сели. Посередине - дети и женщины, по краям - молодые ребята, нас было немного, человек восемьсот.

Отыскался и громкоговоритель. Пожилая женщина обратилась к солдатам. Она говорила о том, что наболело: о родной земле, которую хотят аннексировать, о чести и достоинстве человека, отстаивающего ее. Потом к солдатам обратились ветераны Великой Отечественной и афганской войн. Мне кажется, на солдат произвела большое впечатление та искренность, с которой говорили эти люди. Наиболее восприимчивых к чужой боли офицеры выводили из строя.

Часто спрашивали: предлагалось ли нам мирно разойтись? Были предложения такого рода: дескать, правительство проявляет заботу о гигиене демонстрантов или того хлеще - как бы народ

не простудился. Вспомнили и о необходимости проведения залога между народом и руководством республики. И это в окружении вооруженных до зубов солдат! Затем выскочил некто, представившийся режиссером. Смысл его предложения заключался в следующем: он снимет на пленку храбрых демонстрантов, не побоявшихся армии, но с условием, что после съемок они разойдутся по домам.

Время неумолимо приближало комендантский час к концу, генералы поглядывали на часы: светало.

Неожиданно стоящие перед нами солдаты отошли. Их место заняли сразу другие - рослые, с высокими щитами и белыми дубинками. Начищенные сапоги: эти готовились, как на парад. Сбоку подъехала затейливая военная машина, и нам в глаза ударил хлесткий луч прожектора, одновременно с этим стало трудно дышать, в пучках света было видно, как пошел дым. Помню крик мужчины, поднявшего над головой ребенка.

Генералы дали команду: началось.

О сопротивлении не могло быть и речи. Единственно, что удавалось, так это, прикрываясь от ударов сапогов, дубинок и прикладов, кричать: "Азербайджан!", "Азербайджан!".

Были ли в ту ночь жертвы? По официальным данным яковых не было. Что касается меня, - продолжает Ровшан Мустафа, - то я видел окровавленных людей, потерявших сознание женщину и двух стариков; Нам удалось доехать и унести их с собой. Спецвойска, заставляя людей бежать по живому коридору в сторону морвокзала, наносили удары и умудрялись при этом еще и шутить между собой. Впереди дорогу преграждали боевые машины, на которых стояли солдаты с направленными на нас автоматами. Мы остановились, окруженные со всех сторон. Плакали дети, искали друг друга, выкрикивая имена друзей, женщины перевязывали пострадавших... Уверен, что можно было избежать трагедии, но демократия у нас была гостьей. Хозяином дома - дубинка.

Когда гость из Запорожья, народный депутат СССР Виталий Чельшев в беседе с членом правления НФА Исой Гамбаровым заметил, что азербайджанский Народный фронт переживает свою романтическую пору (за ней - этап кризиса и практических дел), Камбаров ему ответил:

"Нет, с миром грез мы расстались 5 декабря 1988 года. Романтический этап завершился".

Через год противостояние власти и народа в Баку проявилось с еще большим ожесточением и отчаянием. Теперь на подмогу Везирову в столицу Азербайджана прибыли члены Политбюро Гиренко и Примаков, высшие чины КГБ и МВД СССР. Министр обороны Язов, лично руководивший операцией, получил за нее маршалский жезл. Очевидцы рассказывают, что 20 января 1990 года тогдашний глава МВД Вадим Бакатин собрал руководство МВД республики и, демонстрируя свой демократизм, перед началом совещания обошел строй блюстителей порядка, здороваясь с каждым за руку. Всего один полковник отказался подать руку палачу. "Вы не боитесь суда истории?" - задал он своему министру вопрос. "Мне плевать на историю, - раздраженно ответил Бакатин, - важно доложить руководству страны об исполнении приказа".

К началу январских волнений 1990 года Армения уже откровенно правила Нагорно-Карабахской автономной областью: 1 декабря 1989 года Верховный Совет Армении принял решение об одностороннем присоединении этой области, поправ права суверенного Азербайджана. За 42 дня все предприятия НКАО были включены в состав армянских министерств и ведомств, все райкомы партии уже вошли в состав Компартии Армении. Последняя же предпочла сотрудничество с Дашнакцутюн дружбе с единоуставной Компартией Азербайджана. Все азербайджанские флаги, гербы, надписи, бланки и тексты уничтожались. На территории НКАО поднят флаг и герб Армении. Появилась и еще одна медаль "Арцах", посвященная присоединению НКАО к Армении.

Все эти идеологические акции, подготовленные еще при Вольском, сопровождалась в начале января 1990 года актами военного террора. Был взорван водопровод, подающий воду в Шушу, взорван мост, ведущий в азербайджанское село Ходжалы, а 7 января взорвана железнодорожная колея там же. Пролжались опустошительные атаки на азербайджанские села уже за пределами НКАО - в Кубатлинском и Лачинском районах, нападения на автобусы с пассажирами-азербайджанцами. Из Армении в НКАО вместе со строительными грузами направлялись ракеты "земля-земля", взрывчатка и автоматы.

В Баку 8 января 1990 года заседал партийно-хозяйственный актив республики, на котором с резкой критикой центра и лично Везирова выступил секретарь ЦК КПА Гасан Гасанов. Его выступление, записанное на диктофон, появилось в газете Народного фронта "Азадлыг" ("Свобода"). Гасанов весьма откровенно перед присутствовавшим московским начальством во главе с партай-геноссе Андреем Гиренко проанализировал чувства "национального одиночества и национальной отчужденности" своего народа. Его тезисы и отмечали как раз противостояние власти и народа.

"Недоверие и к центру, и к нам со стороны народа переплелось в единое целое. В любом из нас, должностном лице, видят человека, предпочитающего угодничество перед центра" авторитету

перед народом. В нас, должностных лицах видят лиц, предпочитающих закрепление на занимаемых должностях, защите интересов народа. Нас называют, в полном смысле этого слова, манкуртами".

С болью в сердце, самокритично Гасан Гасанов назвал политику перестроечных азербайджанских властей 19 главе с Везириным "пораженческой, надуманно-миротворческой и успокоительной", политикой уступок, политикой волюнтаристических измышлений, необоснованного соглашения, филантропического, одностороннего примиренчества". К стабильности этот набор Истоков привести не мог. "Как говорят у нас в народе, - заключил Гасанов, - мы можем заткнуть рот, мы можем заткнуть уши, мы можем закрыть глаза на действительность, но в состоянии ли мы запретить народу Азербайджана мыслить и думать о неделимости своей Родины?"

Высмеивал тогдашний секретарь ЦК и введение в НКАО особой формы управления во главе с Вольским, доказывая тем самым, что республиканские власти, к коим принадлежал и сам Гасанов, Азербайджаном не управляли. Отношение к этому Совмина, возглавляемого тогда Аязом Муталибовым, оратор назвал "безучастным".

"Я до сих пор не знаю, - восклицал Гасанов, - кто все же инициатор введения в НКАО особой формы управления и создания Комитета с подчинением центру? Кто рекомендовал в состав Комитета лиц с ярко выраженной и нескрываемой позицией бороться за вывод НКАО из состава Азербайджана? Чей это вариант - вывести НКАО из Азербайджана, но в порядке компромисса передать не Армении, а центру или любой другой республике? Этот смехотворный компромисс создал у Мировой общественности мнение, якобы этот наивный азербайджанский народ, в принципе, не против уступит НКАО, но с условием: только бы не Армении, а любому другому".

Казалось, что устами секретаря ЦК Компартии Азербайджана глаголет один из лидеров НФА, предположим, кандидат исторических наук Этибар Мамедов, который два месяца назад, получив слово на сессии Верховного Совета республики, доказывал, что Комитет Аркадия Вольского довел взаимоотношения между Арменией и Азербайджаном от состояния небольшой трещины до полного разрыва; состояние некоторой ущемленности прав азербайджанцев в НКАО дошло до полной их дискриминации.

Но Этибар Мамедов обвинял в этом "комсомольца" Везирова, чью фамилию на митингах в Баку произносили уже с иным окончанием - Везириан: Гасанов же утверждал, что особая форма управления НКАО была введена "против моей воли и без обсуждения на Бюро ЦК".

Свою вину секретарь ЦК Гасан Гасанов в той знаменитой речи подчеркивал неоднократно ("как члена Бюро ЦК"), фамилию же Везирова не назвал ни разу. Оправдывал он и забастовочную волну, прокатившуюся по Азербайджану:

"Народ проводит забастовку в знак протеста против беспрецедентных территориальных притязаний Армении на нашу Родину, и вместо справедливого решения вопроса нам насильно внушают, что это экономическая блокада Армении. Спросите у наших людей - какую они цель преследуют, проводя забастовку? Посмотрите на них - кто эти люди? Это во многом люди, доходы которых на душу члена семьи ниже черты бедности. На наши призывы приступить к работе они отвечают, что предпочитают умерить голодом себя, детей, нежели потерять честь и достоинство и уступить родную землю".

Нет, не даром газета "Азадлыг" (через десять дней она будет запрещена, хотя Гасан Гасанов пересядет из кресла секретаря ЦК в кресло председателя Совета Министров республики) опубликовала это выступление, записанное на диктофон анонимным участником партхозактива.

Ключевое же слово на активе - суверенитет - произнесено не было, оно застревало в горле у руководителей. Смелости Гасанову хватило на то, чтобы Москва предоставила, наконец, республике право использовать создаваемый ее жителями национальный доход полностью, распоряжаться своими нефтью и хлопком и депортировать из НКАО незаконно проживающих там боевиков, "Сзываемых в народе "бородачами" и являющихся главными зачинщиками продолжающейся напряженности. Именно это сочетание употребил секретарь ЦК - "продолжающейся напряженности", хотя вернее и точнее было бы заменить его одним словом - "война". Трагедия боль изводит людские души: погромы, налеты, убийства, свист пуль, разрывы снарядов.

Ровно через год, день в день, 8 января 1991 года на Дороге Лачин-Шуша погибнет корреспондент газеты «Молодежь Азербайджана» Салатын Аскеров и вместе с ней трое военнослужащих: командир батальона подполковник О. Ларионов, начальник штаба военной комендатуры Лачинского района майор И. Иванов и сержант И. Гойек. Олег Ларионов, родом из Тайшета, сибиряк, командовал батальоном более пяти лет. Весной 1990 года этот батальон выдерживал атаки армянских боевиков на село Баганис Айрум в Казахском районе. За голову Ларионова была обещана награда в 10 тысяч рублей.

Выехав рано утром по делам службы из Лачина в Степанакерт и взяв в попутчики Салатын Аскерову, они попали в засаду на пятом же километре автодороги. Стреляли в них почти в упор из автоматов и снайперской винтовки с двух направлений - по ходу движения и сзади по левому борту. На машине насчитали 113 пробоин от пуль: такова была интенсивность неприятельского огня. "Трое погибли сразу - водитель И. Гойек сидевший рядом с ним майор И. Иванов, а также журналистка С. Аскерова. Раненый комбат Ларионов сумел выскочить из потерявшей управление машины и занял оборону: в двух магазинах погибшего офицера осталось лишь десять патронов.

Если Лачин останется азербайджанским райцентром, одна из улиц в нем обязательно будет носить имя Олега Михайловича Ларионова, это факт.

В одном из последних степанакертских репортажей Салатын Аскерова много строк отвела как раз людям в защитной форме, она видела: здесь буквально за каждым поворотом их подстерегает опасность.

"Трудно даются эти строки, - писала Салатын, - трудно потому, что я чувствую себя виноватой перед этими ребятами, волею судьбы брошенными на землю Карабаха. Голова каждого солдата в защитной форме оценена армянскими боевиками в три тысячи рублей, офицер стоит десять тысяч". Молодая журналистка, у которой остался сиротой шестилетний сын, более всего в жизни хотела, чтобы каждый из встреченных ею молодых ребят живым и здоровым вернулся домой, в семью, к своей девушке. Салатын повторяла, как молитву; "О, аллах, пусть все они останутся живыми! Пусть пули боевиков минуют их! Пусть матери не получают черного листка ненавистной войны!" Ненавистной и бессмысленной... Капитан-артиллерист родом из Кедабекского района, азербайджанец, в начале января 1990 года отосланный из Сальянских казарм, где служил, на курсы в Ленинград, после танковой оккупации Баку признался мне, бледный от скорби: "Лет десять я не смогу на родине появиться в военной форме". А форму свою он уважал и честью офицерскою дорожил превыше всего, считал, что это уважение и честь поруганы и перечеркнуты черным бакинским январем. А вот не прошло и года, кик молодая азербайджанка Салатын Аскерова всей душой переживала участь советских солдат, присланных в Карабах мирить два народа и защищать безоружных жителей. Не помня зла, она искала выход, понимая; пока до него далеко.

"И пока русские ребята с автоматами в руках, - писала журналистка предсмертные строки, - будут ходить по пыльным дорогам Карабаха и охранять один народ от другого, пока армяне - кумовья, родственники будут из-за угла выслеживать нас и стараться первыми нанести удар. И пока маленькая девочка, у которой мать армянка, а отец азербайджанец, будет тайком подбегать к азербайджанцу - сотруднику оргкомитета и шепотом творить: "Дядя, ты очень похож на моего отца. Я хочу устоять с тобою, как стояла со своим папой. Только не говори моей маме, что я скучаю по папе, а то она меня накажет".

И пока работник оргкомитета будет плакать над горем этой малышки и гладить ее по черным волосам, таким азербайджанским и таким армянским волосам. И пока русский парень Саша Ерунич будет сопровождать другую девочку Гюльнару, у которой мать русская - доярка, а отец азербайджанец - шофер, чтобы могла она поехать в гости к своей бабушке в Шушу. И провожая ее через Степанакерт, он услышит слова: "Я хочу, чтобы на земле не было войны. Я не понимаю, как можно на такой красивой земле воевать. Я хочу, чтобы все помирились. Ведь у меня мама с папой никогда не ссорятся".

Гюля, Мариэта, солдаты, курсанты, офицеры, ребята из оргкомитета, жители армянской деревни, пришедшие ад военным с просьбой убрать от них прибывших из Армении боевиков, - посмотрите, сколько нас, как много... Неужели мы не сможем ладить между собой? Неужели мы не сможем дать отпор бандитам?".

Салатын не уберегли, хотя и предупреждали: будьте внимательны, если начнется обстрел, ложитесь на пол машины. Убийцы не предупреждают о нападении: так было ночь с 19 на 20 января 1990 года в Баку, так случилось и год спустя, на пятом километре горной трассы Лачин-Шуша. Так произойдет и в ночь с 25 на 26 февраля 1992 года, когда армянские войска при поддержке подразделений 366-го гвардейского мотострелкового полка войск СНГ уничтожат азербайджанский город Ходжалы. Жителей города давили боевые машины пехоты и бронетранспортеры: опыт был наработан два года назад, в ночь с 19 на 20 января 1990 года.

Кровавое побоище в Ходжалы ускорило отторжение от власти президента Аяза Муталибова, пришедшего на Смену Везинову с помощью "танковой демократии" Горбачева, Язова и Бакатина. Тогда казалось, что новое руководство республики (а Гасан Гасанов занял пост председателя Совета Министров Азербайджана) отрезвит пролитая народом кровь, оно опомнится и...

Но, увы, уже 20 января 1990 года Аяз Муталибов заявил корреспонденту ТАСС по программе "Время", что среди погибших в Баку нет детей и женщин, а Сальянские казармы обстреливали боевики. "У вас был взорван телевизионный блок, - обращалась тогда к Муталибову цитированная

мной азербайджанка из Ленинграда, - а страна-то выслушала ваше лживое заявление. Если оно было инспирировано ЦТ, вы должны были призвать их к судебной ответственности. Это было необходимо, потому что азербайджанцы, да и бывшие бакинцы разных национальностей, живущие за пределами республики, уже многое знали, несмотря на информационную блокаду. Мне звонили из Баку родственники, знакомые и, рыдая, рассказывали о трагедии, подносили телефонную трубку к окну, и я слышала стрельбу оттуда. Как вы могли произнести неправду?"

Корреспондентка Аяза Муталибова, живущая за пределами республики, представляла предательское поведение Везирова и, обращаясь к новому лидеру, предупреждала в конце января 1990 года:

До тех пор, пока официальные представители и руководство республики не будут вести активную работу по отстаиванию интересов народа,

до тех пор, пока Вы не будете добиваться на самом высоком, союзном уровне уважительного отношения к себе и к народу,

до тех пор, пока Вы не добьетесь объективного освещения событий в центральных средствах массовой информации, на съездах народных депутатов СССР, на сессиях Верховного Совета, в комитетах и комиссиях, опровергая клевету и дезинформацию через суд,

до тех пор в отношении к Азербайджану ничего не изменится".

Автор письма, не увидевшего свет, предлагала и ясный, казалось бы, путь достижения этих целей:

"Это станет возможным только тогда, когда защита интересов республики и ее народа превратится в государственную политику азербайджанского правительства и ЦК, включающую в себя все здравые конструктивные предложения различных демократических общественных движений. Препятствовать демократизации народной жизни бессмысленно и опасно. Поэтому именно от Вас сейчас многое зависит, вернее, от того, чем Вы и Гасанов будете руководствоваться при управлении республикой: то ли истинными интересами Азербайджана, *то* ли тем, что повелит Москва... Только тогда и армянские "правозащитники", и Президент СССР поймут, что с республикой, ее руководством и народом (если они "даны") следует считаться. Только тогда можно отстоять наше национальное достоинство, положить конец домыслам и слухам о бескультурье, тупости, варварстве и бандитизме азербайджанцев.

Пусть пример Везирова послужит хоть каким-то предостережением. Иначе и за вами потянется шлейф недоверия и проклятий народа".

Предостережение не было воспринято и не могло быть воспринято по причине двойной или даже тройной морали, исповедуемой лидерами, пришедшими к власти номенклатурно-кремлевским путем. За два года, прошедших от прочувствованных в пользу народа излиний Гасана Гасанова накануне бакинской трагедии до ходжалинского избиения младенцев, женщин и стариков, завершилась по существу оккупация (будем надеяться, временная) большей части земель Нагорного Карабаха. Два года верховное руководство формально независимой республики делало все от него зависящее, чтобы поставить азербайджанский народ на колени и довести людей до состояния безысходности и душевной депрессии. Даже сверхнаглое уничтожение вертолета с государственными и военными деятелями Азербайджана, России и Казахстана, намеревавшимися загасить конфликт, Муталибову и Гасанову удалось предать забвению по команде Старовойтовой, Ельцина и Тер-Петросяна. На слушаниях в парламенте, по свидетельству журналиста Искендера Ахундова, Муталибов, уже президент независимой республики, демонстрируя свое ложное миролюбие, призвал парламентариев и народ не терять благоразумия и отказаться от мести, ибо это может привести к началу войны, как будто война не велась уже к этому времени три года. Желая убедить слушателей в своей искренности, президент заявил, что был бы против решительных ответных мер, даже если бы сам находился в сбитом вертолете... Запредельная по беспринципности логика, граничащая с политическим мародерством и паразитированием власти на общей народной беде.

Расим Агаев, возглавлявший пресс-службу Президента Азербайджана, уже после отставки Муталибова, признал в одном из интервью, что руководство республики все время уповало на благосклонность Центра, затем - России, других партнеров по СНГ. Создание армии только декларировалось. Побоище в Ходжалы, которое азербайджанские средства массовой информации пытались скрыть в течение нескольких дней не только от мировой общественности, но и от собственного народа, произошло под рефрен опостылевших всем причитаний экс-президента о неумении азербайджанцев воевать и постоянных его намеков на мирный выход из ситуации, ему, дескать, ведомый.

Расим Агаев, член парламента республики, лидер группы независимых депутатов, в интервью от 28 марта 1992 года ставит под сомнение легитимность отставки Муталибова, ибо она произошла "вследствие прямого давления и угроз".

И эта позиция известного в прошлом журналиста-международника меня очень беспокоит. Что же, по мнению Расима Агаева, было "нелегитимного" в отторжении Муталибова от власти?

"В первый день, когда мы шли на сессию, - рассказывал журналисту "Санкт-Петербургских ведомостей" руководитель пресс-центра, - народ стоял перед зданием парламента спокойно. А к вечеру прошла информация, что Верховный Совет осажден. Появление депутатов буквально наэлектризовывало толпу. Люди начинали стучать по стеклам, выкрикивать угрозы. Кто-то сообщил, что они вооружены. Затем возник слух, что в городе избивают русских. (Как видим, ситуация напоминала январь 1990 года, но пустить в ход танки и автоматы оказалось невозможно: стоял март 1992 года, и весь мир пристально следил за Баку - Ю. П.) Это была, разумеется, дезинформация, нагнетаемая с целью подавить волю президента. Уверен, что действиями толпы руководили. (Напомню, что в январе 1990 года в противостоянии народа и власти обвинили лидеров Народного фронта, многие из которых были арестованы, а остальные загнаны в подполье, и на них Муталибов взвалил ответственность за пролитую кровь шахидов - Ю. П.) К вечеру в здании кончились припасы съестного, но машину с продуктами к парламенту не пропустили. Точно также не прошел и реанимационный автомобиль, когда президент почувствовал себя плохо. Кое-кто из депутатов предлагал президенту прорубить коридор с помощью внутренних войск, которые находились наготове. Но Муталибов эту идею отверг категорически. Это был бы Позор. (Конечно, он вспоминал позорный побег Везирова из осажденного безоружными людьми здания ЦК подземным ходом, потому что выступить перед ними открыто ни тот, ни другой два года спустя не осмелились: сказать-то им было нечего - Ю. П.).

Возможность "грузинского варианта" развития событий муссировалась давно, и это буквально парализовало волю президента. Малейшая провокация - выстрел, удар, взрыв, и могла пролиться большая кровь. Осознание этого Давило на президента и роковым образом повлияло на окончательное решение".

Расим Агаев признает, что требования отставки Муталибова понятны (не обоснованы, а только понятны - Ю. П.): народ возмущен тем, что президент не сумел обеспечить безопасность республики. Тем не менее разговоры о государственном перевороте журналист признает небеспочвенными: отставка произошла в условиях осады парламента, бесконечных угроз и ультиматумов. Для этого следовало, мол, найти адекватные политические и правовые формы.

На обман и насилие над собой народ вправе ответить осадой парламента. Особенно в условиях необъявленной и замалчиваемой войны. Трагедия в Ходжалы всколыхнула весь мир. Бутрос Гали, Сайрус Вэнс, руководители Турции, Ирана, даже Джеймс Бейкер и Джордж Буш - кто только не проявил в те дни тревогу по поводу тысяч погибших. И только президент Российской Федерации Борис Ельцин, в фарватере политики которого действовал и Аяз Муталибов, преступно промолчал, не выразив даже элементарного сочувствия в связи с многочисленными жертвами среди мирного населения республики, числящейся, на основании подписи Муталибова, в СНГ.

Все, следящие за событиями этой грязной войны, были потрясены в очередной раз не только трагедией в Ходжалы, но и бесстыдным враньем агентства "Pro Armenia". Со ссылкой на французскую журналистку Флоренс Давид армянское агентство утверждало что бойню в Ходжалы устроили сами азербайджанцы, армянские же вооруженные формирования всего лишь окружили город с трех сторон и вежливо попросили население удалиться по заранее оставленному коридору. С приемами подобного обмана общественное мнение смирилось: только что, три месяца назад, расстрелянный вертолет МИ-8 был объявлен разбившимся то ли о дерево, то ли о гору, а "черный ящик" его, переданный властями Азербайджана в Москву, был объявлен сгоревшим. На сей раз возмущенная французская журналистка выступила с опровержением проармянской лжи.

Но вот 22 апреля 1992 года еженедельник "Мегаполис-Экспресс" опубликовал сенсационное интервью отставного президента Азербайджана Муталибова, в котором он обвинил в кровавой акции членов Агдамского Народного фронта. По этой логике выходит, что в Нагорном Карабахе, потерянном за два года правления Муталибова, воюют азербайджанцы с азербайджанцами, и армяне тут не при чем. Прав корреспондент "Комсомольской правды" А. Мурсалиев, заметивший после интервью экс-президента, что по его чудовищной версии получается: сын расстрелял мать и отца, предварительнo связав им ноги, брат - сестру, отец - малолетних детей, а затем - скальпировали трупы, дабы показать все это иностранным корреспондентам. Ведь 60 процентов населения региона - члены НФА, практически каждая ходжалинская семья имеет родственников в Агдаме. "Вот, мол, каковы азербайджанцы - дикари, да и только.

Как и в январе 1990 года, властвующий клан Азербайджана не просто предал свой народ, но еще и обвинил его в зверском самоубийстве. "Комсомольская правда" в номере от 29 апреля 1992

года напоминает, что - интервью Муталибова "Мегаполис-Экспрессу" последовало после публичных обвинений молодого пенсионера в коррупции и расхищении национального достояния, связях с мафией, наживающейся на войне и в Армении, я в Азербайджане. Расследование начал один из лидеров НФА, начальник отдела по борьбе с коррупцией МВД Азербайджана Искандер Гамидов. Вот и последовал отвратительный по цинизму контрудар Муталибова.

"Давно уже не секрет, - заключает "Комсомольская правда", - что политика - грязь. Но надругаться над еще свежими могилами не позволено никому - ни политикам, ни журналистам. Даже если это могилы "дикарей". И самая что ни на есть святая убежденность уважаемого еженедельника в том, что гибель ходжалинцев - дело рук самих азербайджанцев, не дает ему права оскорблять погибших, беря в кавычки слова "трагедия Ходжалы".

Говорят, что мертвые сраму не имут. А живые? "

В связи с этим вопросом, пригвоздившим Аяза Муталибова вторично, как и в январе 1990 года, после его интервью Центральному телевидению, к позорному столбу лжесвидетельства против собственного народа, не могу не вспомнить позицию Бориса Ельцина в те январские дни. Тогда он находился с визитом в Японии и отослал, по его словам, телеграмму протеста Горбачеву в связи с антиконституционным вводом войск в Баку. Получив же оперативно изданную в Азербайджане книгу документов "Черный январь", депутат союзного парламента и член Президиума Верховного Совета СССР Борис Ельцин сказал тогда автору этого очерка:

"На ближайшем съезде мы добьемся отставки маршала Язова и потребуем суда над ним за безвинную кровь в Баку".

Но эти слова, как и многие другие в последующем времени, оказались брошенными на ветер лидером демократических сил России, который на митингах выступал рядом с Еленой Боннэр, а через два года, опять же впопыхах, попытался даже захлопнуть перед неславянскими народами дверь в СНГ. Да и чего можно ожидать от народного, казалось бы, президента многонациональной России, в ближайших советниках у которого ревностно служит и определяет государственную политику Г. Старовойтова?!. Ведь если омут в Нагорном Карабахе породил цепь кровавых межнациональных конфликтов по всей стране, то война Армении против Азербайджана (впрочем, сегодня бессовестные назаряны из ЦТ вещают про навязанную им войну со стороны Азербайджана) неминуемо приводит на наших глазах к эскалации вооруженных столкновений в других регионах, за которой может последовать гражданская война и на территории России.

Неужели демократия и свобода требуют таких жертв?

Скорее, политический обман и поддержка бесстыдных агрессоров в Карабахе, предательство бездарных президентов направлены на установление лицемерных норм межнациональных отношений в самой России. Чтобы политика "разделяй и властвуй" по сценарию Бжезинского и Боннэр укоренилась и в умах россиян, когда волна народного недовольства вытолкнет их на улицы наших городов. Живо предупреждение русского поэта Леонида Мартынова: "По существу ли свищут пули? Конечно же, по существу. И чтобы там они ни пели, но ведь огонь-то, в самом деле, идет не по абстрактной цели, а по живому существу. Огонь идет по человеку. Все тяготы он перенес и всех владык он перерос. Вот и палят по человеку, чтоб превратить его в калеку, в обрубок, если не в навоз".

А потому, скорей всего, гибель российской Салатын, поборницы мира, в условиях политического мрака ни у кого уже не вызовет ответного протеста.

Черный январь: Этибар Мамедов и Саиа Богданов

Всякое видели на своем веку старожилы-бакинцы. Помнят они беспризорных, спавших в голые тридцатые годы под закопченными котлами, и ночные очереди в Крепости за коммерческим хлебом, и разгул репрессий, и вражеские налеты гитлеровцев. Но вот с чем встретились осенью 1988 года, когда толпы беженцев из Армении хлынули в столицу Азербайджана. Потеряв родину, дом, бросив все нажитое, эти люди сколачивали из фанеры и досок "чайные" домики на окраинах города, ютились в них семьями. Не нужные властям, наедине со своим горем, молодые люди из числа беженцев решили тратить на себя внимание довольно странным образом. Выходцы из сельских районов Армении, из патриархальных семей они взяли на нравственность бакинцев. Газеты запестрели заметками такого содержания: "Ходят этикие молодчики по улицам нашего прекрасного города и не приведи господь попасться им на глаза девушке в открытом сарафане или, того хуже, в мини-юбке. На бедняжку тут же сыпется угрозы и оскорбления. Самые рьяные же не медлят перейти к действиям: отрывают бретельки на кофточках, стирают с лица макияж. И уж совсем отрицательно на них действует бижутерия. Сережки, браслеты, кольцо в одно мгновение сдираются с ушей, рук, шей представительниц слабого пола".

Прежде чем обратиться к бакинской милиции, газетчики наставляли защитников нравственности: "Мужское ли это дело приставать на улице к незнакомой женщине, указывая, какой длины должна быть на ней юбка? Избавьте ее от своих "целомудренных" советов, уж какнибудь без них она обойдется. В былые времена за такое вмешательство, да еще публично, на глазах у честного народа можно было схлопотать, простите, по шее. И поделом. Как говорится, со своим уставом в чужой монастырь не ходи".

Такая позиция журналистов понятна: Азербайджан никогда не знал ортодоксального ислама. Здесь с незапамятных времен мирно соседствуют православная церковь, синагога, армянская церковь и мечеть. В конце восемнадцатого и в начале двадцатого веков эти земли приняла преследуемых на родине сектантов: молокан, баптистов, хлыстов, адвентистов седьмого дня. Их потомки живут и благоденствуют поныне, испытывая, народу с азербайджанцами, опасности навязанной войны. Одно неоспоримо: быть националистом или проявить религиозную нетерпимость во все времена в Баку, огромном промышленном городе, было равносильно самоубийству. Поэтому понятна уверенность писателя Максуда Ибрагимбекова, заявившего в мае 1989 года на заседании Совета по межнациональным отношениям журнала "Дружба народов": "Укомплектовать в Баку орду жаждущих крови" националистов или хотя бы роту не менее трудно, чем сколотить местную команду по хоккею на льду".

Эти слова были произнесены перед внезапным массовым наплывом беженцев в Баку, двухмиллионный город уже несколько лет живущий по талонной системе из-за нехватки продуктов питания, в космополитический город с более чем двухсоттысячной, вполне благополучной армянской общиной. Азербайджанским беженцам по прибытии в республику выдали по 50 рублей на душу и расселили по конурам "нахалстроев", где и без них была в достатке уголовная мразь.

Можно ли было вывести несчастных озлобленных людей на погромы 13 января 1990 года?

Обращусь прежде всего к свидетельству тогдашнего председателя КГБ Азербайджана Вагифа Гусейнова, клянущегося нынче в неизбывной любви к своему народу, но спокойно принявшего сразу же после избиения безоружного населения генеральский чин за предательство. На острейший вопрос: известно ли было республиканскому Комитету о готовившихся в Баку в январе массовых бесчинствах, погромах и грабежах, - Вагиф Гусейнов отвечал в августе 1990 года так:

"Да, Комитет знал об этом, своевременно и неоднократно информировал вышестоящие органы, предупреждал их. Но, чтобы предотвратить трагические события, пресечь их сразу же - требовалось политическое решение. Решение, которое принимает отнюдь не Комитет государственной безопасности. Когда гром грянул, милиция оказалась парализованной, внутренние войска, не получившие приказа, отсиживались в казарме. Своего прямого назначения они не выполнили".

Прибывший в Баку в частном порядке, чтобы, по его словам, собрать материал для расследования трагедии, народный депутат СССР, полковник Николай Петрушенко подтвердил в интервью "Бакинскому рабочему" в конце января, что "давние интернационалистские традиции бакинцев живы и здравствуют. Несмотря на то, что город, как и любой другой регион Закавказья, захлестнула волна привлеченного со стороны национализма, он остался при своих интернационалистских убеждениях".

Что насторожило полковника Петрушенко, так это абсолютное отсутствие звонков от лиц азербайджанской национальности, выдворенных из Армянской ССР, хотя в Баку их около 80 тысяч. Эту прослойку населения полковник отнес к категории отверженных, "во многом повинных в обострении межнациональных отношений в Баку", назвав эту массу обездоленных людей *критической*.

Очевидцем черного января стал и режиссер Станислав Говорухин. Узнав о погромах в Баку, он вылетел туда вместе с оператором. Вот его точка зрения:

"Для начала придется констатировать самое грустное. Войска вошли в город, когда армян в нем не осталось. Живые уехали, мертвых закопали в землю. (По свидетельству "Литературной газеты", армянские погромы, научавшиеся 13 января, оставили после себя 56 трупов, последние жертвы датируются 16 января - Ю. П.) Защищать было некого. Я говорил с военными. Один батальон специально обученных солдат усмирил бы погромщиков, навсегда отрезвил бы их. А в дни погромов в городе находилось одиннадцать с половиной тысяч внутренних войск! Утверждение генералов, что войска были блокированы в казармах, смехотворно! Когда им понадобилось выйти из казарм (в ночь на 20-е), они вышли. Причем до смешного просто: развалили танками хлипкий забор и через автомобильную стоянку - прямо по машинам - вырвались на просторы улиц".

Спровоцировать погромы в большом многонациональном городе - несложно. Особенно, когда в этом городе возникла криминогенная критическая масса обездоленных людей. Российская новейшая история знает тому немало позорных примеров. И в каждом случае, как закон организованных бесчинств, бездействует милиция (когда-то - полиция), армия сидит в казармах, вовсе не блокированных. Блокирование воинских частей и дорог в Баку, кстати, началось 16 января, после того, как был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о введении чрезвычайного положения в Нагорном Карабахе и ряде других районов Азербайджана. Людей обеспокоил седьмой пункт Указа, в котором рекомендовалось ввести чрезвычайное положение и в Баку. Для чего, если погромы завершились? 16 января были захвачены бездомными несколько опустевших армянских квартир в Баку. Заложенный год назад динамит - беженцы из Армении - рванул.

До ввода войск оставалось три дня. За это время опустели здания райкомов партии, и, наконец, 19 января было блокировано и здание ЦК. Власть распалась буквально на глазах. Огромные толпы перед зданием ЦК скандировали грозное "Истефа!" - "Отставка!".

После штурма и столкновения с милицией было захвачено здание райкома партии в Джалилабаде. Жители Ленкорани упразднили горком и заодно все госучреждения. В кольце народных фронтов явочным порядком отменялась шестая статья Конституции во многих городах и райцентрах Азербайджана, бывшие аппаратчики сидели по чайханам и ожидали, когда кто-то придет с автоматом и вернет им властные кресла, приносящие огромные доходы.

"Кто сказал, что мы собираемся отдавать власть?" - гневно вопрошал номенклатуру Абдурахман Везиров. Свой тезис: "Нагорный Карабах не позволяет нам решить социальные и экономические вопросы, с которым он выступал в Москве и Баку, Везиров перевернул на 180 градусов: "Социальные, экономические проблемы, митинги и забастовки не позволяют нам решить вопрос Нагорного Карабаха". Политический паяц на активках в ЦК усиленно муссировал тезис об "объединении с общим врагом". *Общим врагом* открыто провозглашался народ республики, поднятый на митинги Народным фронтом.

Когда утром 13 января 1990 года несчастный бакинский армянин, обороняясь в своей квартире от пришедших ее занять беженцев из Армении, зарубил одного из них топором, известие об этом достигло митинговой площади. А на ней были сотни обездоленных, хранящих в душах обиду и ненависть, клянящих аллаха и государство, скитальцев без крова и работы, идеальных исполнителей необходимых властям бесчинств. Когда Везирову доложили, что толпа погромщиков направляется к армянской церкви, он взмахнул игрушечной рукой: "Пуускай побалууются".

Позже народный депутат СССР, писатель Анар задал в Кремле вопрос Михаилу Горбачеву: "По оценкам МВД, в погромах участвовали до пяти тысяч человек. В городе было двенадцать тысяч солдат внутренних войск, по два с липшим на погромщика. Почему они не остановили погромы, не вмешались?". Президент и генсек развел руками: "Действительно, почему?".

Ответ один; надежду на криминогенную обстановку в Баку, созданную толпами неприкаянных беженцев, не только не державших никогда в своих руках Коран, но и не получивших в Армении элементарной духовной грамоты, лелеяли разнонаправленные политические силы и деятели перестройки, и не в их интересах было остановить бесчинства в самом начале. Партийные власти в районах Баку снабжали погромщиков адресами и телефонами жителей армянской национальности. В течение трех дней армян прятали их друзья, соседи-азербайджанцы и активисты Народного фронта.

Особенность Азербайджана в отличие, скажем, от республик Прибалтики, где люди объединялись на антикоммунистических убеждениях и на идее национальной независимости, состояла в том, что под болтовню о перестроечных процессах в течение двух лет шло столкновение народа на борьбу за исконно принадлежащую ему территорию. Сначала на митингах и демонстрациях, потом в ночных перестрелках вокруг азербайджанских сел Нагорного Карабаха, вовлечением в эту вооруженную борьбу мирных жителей, которые вместо огородного инвентаря вынуждены были снимать со стены охотничьи двустволки.

И вот подоспела очередь Баку.

Когда пришла армия и после чудовищного кровопролития завсегдатаи чайханы вернулись на русских штыках в свои кабинеты, власти заговорили о *попытке переворота*. Один из секретарей райкома имени 26 бакинских комиссаров В. Ломакин после пережитого шока от происшедшего в марте 1990 года удивленно рассуждал: "Если об этом (перевороте - Ю. П.) знали заранее, то что мы опять скрывали? Почему не работало телевидение, об этом во весь голос не кричали рупоры радиовещания, а город не оказался усеянным миллионами листовок, чтобы каждый мог прочитать и понять суть происходящего?.. Ведь решения, как и прежде, если судить по настроениям партийных работников самого различного ранга, принимались в здании ЦК не на основе коллегиальности, а на основе единоначалия. А то, что первый руководитель республики даже в этой критической ситуации, когда еще по крайней мере можно было избежать крови людей, не вышел к народу - лишнее тому подтверждение".

Что тут можно сказать? Парторг Ломакин не относился к ретроgrадам, он голосовал тогда, в январские дни 1990 года, за исключение Везирова из рядов КПСС, но Москва с неотменной тогда шестой статьей Конституции это решение первичной организации не утвердила.

Бакинской трагедии способствовало злополучное решение Верховного Совета Армении о включении народнохозяйственного плана НКАО в бюджет Армении. Подогрело народные страсти и принятие закона Азербайджана в выборах: Народный фронт вступил в борьбу за голоса избирателей.

Но главное - это новый виток антиазербайджанского психоза в средствах массовой информации, закрученный с первых дней нового, 1990 года. Г. Старовойтова в газете "Московские новости" от 7 января, одобряя совместное решение Верховного Совета Армении и Национального Совета НКАО (возникла в декабре, еще под эгидой Вольского, и такая моноэтническая структура) о воссоединении, заметила: "Идет реальная работа по экономической, социальной и культурной интеграции Нагорного Карабаха с Арменией".

Какое же место в рассуждениях Г. Старовойтовой, народного депутата СССР от Армении, отводилось тогда Азербайджану? А вот какое: "Азербайджан защищает суверенитет своей республики, но право нации на самоопределение, нации как основы гражданского общества, выше идеи государственного суверенитета". То есть право армян выше суверенитета Азербайджана, и катитесь вы ко всем чертям, вместе с Конституцией СССР, Конституцией Азербайджанской ССР и совместно принятыми нормами федеративного общежития. Такая решимость и призыв к вседозволенности новых демократов (а голос Г. Старовойтовой тут звучал камертоном) доказывали Кремлю: раз вы не идете на перекройку границ в НКАО и Нахичевани в пользу Армении, боясь анархии в других окраинах, при большом нашем желании это может вызвать не менее тяжкие последствия. Решайтесь

Перекройка границ в самой Армении и в Межрегиональной депутатской группе в Москве была возведена в ранг задачи национального престижа и демократического самолюбия, а дашнакствующие силы начали действовать по принципу: не хотите - будет еще хуже.

Еще в октябре 1989 года доктор экономических наук Виктор Шейнис, представлявший тогда "Московскую трибуну", на встрече с женщинами Азербайджана в Москве витийствовал: "Отдайте Карабах Армении, а то будет плохо, будет кровь, будет второй Сумгаит!"

Вот он и воспоследовал, второй Сумгаит, но уже в Баку, в черные январские дни. Кровь вновь была *запланированной*.

Приложили свою каинову печать к антиазербайджанским страстям и русские литераторы, деятели культуры. Остановлюсь лишь на двух примерах.

Альберт Лиханов, тогдашний председатель Советского детского фонда имени Ленина, в еженедельнике "Семья" обронил фразу с вопросительным знаком: "Кто виноват, что сегодня маленький азербайджанец с труднообъяснимой ненавистью смотрит на ровесника-армянина?". Где видел этого маленького азербайджанца детский писатель, если он не был в Азербайджане в эти два года? Если он не видел азербайджанских детей, изгнанных из родных мест в Армении, шедших босиком по заснеженным перевалам? Почему его тревожит лишь многострадальный армянский мальчик? А ведь мог бы написать Альберт Лиханов, будь он честным человеком, а не подпе-

валой с чужого голоса, вполне объективную фразу: "Кто виноват, что сегодня маленькие азербайджанцы и армяне с труднообъяснимой ненавистью смотрят друг на друга?". И это был вопрос, на который действительно следует искать ответ - в той же Москве, в тех кабинетах, пороги которых обивал председатель Детского фонда.

Нет, Альберт Лиханов бросил свой плевок в создание образа людоеда-азербайджанца, не только взрослого, оказывается, и мальчишки.

В бакинской кровавой каше прольется в январе к кровь невинных детей: 15 школьников ранено, трое погибнет. В чем их вина?

Всемирно известный академик, российский интеллигент с безупречной репутацией Дмитрий Сергеевич Лихачев то ли по рассеянности, то ли с услужливой подачи собкора "Литературной газеты" наносит в те дни оскорбительный удар по самолюбию и достоинству целого народа:

"Если бы азербайджанцы знали культуру армян, они не позволили бы себе разрушать древние армянские церкви".

В Баку в дни погрома пострадала одна церковь, и я называл уже имя виновного, махнувшего ручкой в ответ на полученное сообщение: "Ничего, пусть порезвятся". К азербайджанскому народу ни этот московский выдвиженец, ни толпы подогретых безнаказанностью бандитов отношения не имеют. Преступна и власть, и ее блюстители, допустившие такое.

Академику Лихачеву, соавтору Николая Самвеляна, должно было быть известным, что стало с могилой великого классика азербайджанской поэзии Ашуга Алескера в Гейче (Севане), где памятник Самеду Вургуну в Мегринском районе Армении и какова, наконец, судьба Азербайджанского драмтеатра в Ереване. Это печальное уточнение в мысль о знании культуры другого народа для любого беспристрастного исследователя. Увы, разрушители хорошо знали, на что замахиваются, знали, что эти реликвии и очаги значат для соседнего народа. Ведь и храм Христа Спасителя в Москве, взлетевший в воздух в начале тридцатых по приказу Лазаря Кагановича и Анастаса Микояна, стал жертвой геростратов, хорошо понимавших крамольную роль храма для безбожного тоталитаризма. Важно не только знание культуры, но нравственность общества и власти. "Смею вас заверить, - отвечал академику Лихачеву в открытом письме поэт Сиявуш Мамедзаде, - что наш народ (народ, а не кучка погромщиков) знает культуру соседнего народа, живя с ним бок о бок на протяжении веков... Послушайте трудовые песни землепашцев - "Оровел" и "Холавар", вслушайтесь в музыку народных танцев "Кочори" и "Яллы", в азербайджанские мотивы, преломленные в хачатуря-новском балете "Гаяне" или спендиаровской опере "Ануш", вспомните небольшую пьесу Джалила Мамед-кулизаде "Кеманча", созданную в 1918 году, когда поющие струны будят в сердцах, ослепленных враждой, добрые, лучшие чувства, и вам предстанет, странство духовной памяти, отнюдь не замкнутой в национальной клетке".

"Литературка" это ответное письмо не опубликовала, и суждение Дмитрия Сергеевича Лихачева об азербайджанском народе, по сути отождествленном с толпой разрушителей, о народе с многовековой культурой поколебало представление об академике как о совестливом подвижнике духа, которому дорога честь любого народа в многоязыкой державе.

Это представление укрепилось через два года на вечере памяти Низами Гянджеви в Эрмитажном театре, когда присутствовавший там академик Лихачев покинул зал, не сказав двух слов на торжестве.

А то, что пожар национальной розни в середине января 1990 года был занесен извне, не скрывала тогда даже газета "Правда". Ее спецкоры А. Горохов и В. Окулов писали так: "Что стоило, как камень с обрыва, столкнуть в противоправную пучину того же земледельца, бежавшего под страхом смерти из Армении в индустриальный Баку, человека, лишившегося крова и, как правило, с далекой от идеала политической закалкой, что стоило такого раскаленного от гнева человека, обиженного на судьбу, на армян, на Советскую власть в конце концов, *спровоцировать на бесчинства*. (Подчеркнуто мною - Ю. П.).

А ведь именно часть беженцев Армении и стала движущей силой погромов и грабежей, случившихся в Баку в ночь с 13 на 14 января", - заключала "Правда".

Чтобы явственнее представить настроение митинговой столицы Азербайджана в те дни, следует отметить и такой немаловажный факт. 12 января 1990 года несколько вертолетов из Армении опустились близ селения Гушчу Ханларского района. Высадившиеся из вертолетов люди, вооруженные современным оружием, стали поливать автоматным и пулеметным огнем мирных жителей. В самом начале нападения были убиты и ранены десятки людей, среди которых дети, женщины, старики. Местным жителям, вооруженным охотничьим оружием, удалось организовать оборону и дать отпор террористам.

Вышедшая на следующий день газета Народного фронта "Азадлыг" обратилась к читателям:

"Итак, налицо еще один факт, что Армения ведет против азербайджанского народа необъявленную войну. То, что ее не объявляет Армения, понятно, то, что об этом молчит Москва, нам тоже не привыкать. Но как понять то, что наше собственное руководство об этом молчит? Как понять его преступную бездеятельность в данной ситуации? Играя эмоциями собственного народа, не способствует ли оно завтрашнему кровопролитию?". Заметка заканчивалась призывом: "Все на защиту Отечества!"

Политическая тактика Народного фронта резко переменялась. Этибар Мамедов, заместитель председателя ИФА и член Комитета национальной обороны, по образованию историк, отец двоих детей, объяснял на заседании клуба "Московская трибуна" свершившиеся события накануне своего ареста в постпредстве АзССР в Москве. Правда тех дней была такова.

Акция в Баку, по словам Э. Мамедова, готовилась давно. Обстоятельства изменились, когда в НФА стали преобладать силы, добивающиеся новой программной Дели: суверенитета за рамками Союза.

Тем самым азербайджанское демократическое движение опередило своих единомышленников в Прибалтике: те пока добивались экономического суверенитета от Москвы.

Когда стало известно, что третья конференция НФА назначена на 6-7 января 1990 года, была предпринята попытка сорвать конференцию и расколоть движение. 8 января был избран меджлис Народного фронта, раскола не произошло. После этого акция по введению чрезвычайного положения в Азербайджане начала проводиться в жизнь с помощью Кремля, так как стало ясно, что НФА получит большинство на выборах. Этибар Мамедов в те дни лично предупреждал зам. министра внутренних дел республики о готовящихся армянских погромах, но никто ничего не принимал.

После высадки десанта с вертолетов близ селения Гушчу за пределами НКАО (армянских боевиков было около 500 человек) правление НФА решило организовать отряды самообороны. Во время переговоров лидеров НФА с руководством республики последние, по свидетельству Этибара Мамедова, заявили: мы готовы привлечь вашу молодежь в МВД и организовать рабочие дружины на предприятиях с целью посылки их в район боевых действий.

12 января был создан Комитет национальной обороны и 13 января объявлено об этом.

Слово - Этибару Мамедову:

"В этот же день начался митинг и одновременно погромы армянского населения. Я обратился к министру внутренних дел. А. Мамедову с требованием привлечь наши отряды к наведению порядка в Баку и задействовать тот контингент внутренних войск, который находился в Баку. Никаких действий не последовало. Ночью я сам объезжал город - ни одного солдата, ни одной патрульной машины я не видел. В районе вокзала убили двух армян, облили бензином и сожгли. Рядом находилось отделение милиции Насиминского района, где было полтысячи солдат ВВ, они ничего не сделали, проезжали мимо на машине, видели толпу. Никаких действий власти не принимали. 13-14-го погромы продолжались. 15-го наши отряды начали контролировать город. Были эпизодические погромы пустых квартир, человеческих жертв практически не было. Мы начали эвакуацию армян в безопасные места".

15 января 1990 года в Азербайджане было введено чрезвычайное положение: к этому вело, как говаривал ленинградский наместник Григорий Романов. Находившиеся в Баку члены Политбюро Е. Примаков и А. Гиренко пригласили на переговоры руководителей НФА. Примаков заявил, что "после выборов у вас один шаг до отделения. Мы не можем допустить этого и не допустим".

А что же лидеры НФА? Продолжим рассказ Этибара Мамедова:

"Мы предложили взять под контроль положение в Баку и других районах. Нам обещали, что в Баку комендантского часа не будет и войска вводиться не будут. Но 15 января вечером поступили сообщения о переброске армейских частей с тяжелым оружием и техникой по воздуху, по морю и по железной дороге. Тогда мы начали блокировать пути. С 16 на 17 января - первые попытки деблокировать город и ввести войска, демонстрации с требованием отставки правительства и руководства республики, которые устно согласились на введение войска, 17-го вечером перед зданием ЦК выступил Б. Примаков, сказал, что войска нужны для того, чтобы охранять народ. Его оживили, и он ушел".

В тот же день, вечером лидеры НФА были приглашены в здание ЦК Компартии Азербайджана. Главное требование митингующих: отставка Везирова. Секретарь ЦК КПСС А. Гиренко сказал присутствующим: "Мы рассмотрим вопрос о смене руководства. Но мы ни в коем случае не сделаем это под давлением толпы. Недопустимо, чтобы руководство Азербайджана менял не ЦК КПСС, а толпа, собравшаяся перед зданием".

Оставалось еще полтора дня. Не спадала напряженность в Нагорном Карабахе. Кроме ночных перестрелок, резко возросло число диверсий: взорван железобетонный мост на шоссе между

Агдамом и Аскераном, мощный взрыв прозвучал и на железнодорожном мосту в пяти километрах от Агдама, была обстреляна охрана железнодорожного моста близ селения Ходжалы.

15 января 1990 года по Ленинградскому телевидению в программе "Пятое колесо" выступил народный депутат СССР Анатолий Собчак с провокационным заявлением о злой судьбе, уготованной 600 тысячам русских в Азербайджане. Это заявление совпало со лживыми сообщениями об эвакуации семей военнослужащих из Баку по заранее заготовленным спискам адресов. Это был не первый прием искусственного раздувания проблемы беженцев, чтобы натравить не только Россию, но и весь мир против азербайджанцев.

18 января командующий Бакинским гарнизоном генерал Соколов предупредил Этибара Мамедова: если мы получим приказ, то не станем щадить никого; мы солдаты и будем выполнять приказ.

Тем же вечером, выступая по республиканскому телевидению, зав. отделом ЦК КПСС по международным отношениям Михайлов заявил, что разговоры о введении войск в Баку являются необоснованными и даже провокационными. Тем не менее в местах возможного прохождения войск в город Народным фронтом были выставлены пикеты гражданского населения, легковые и Грузовые автомашины.

19 января из Сольянских казарм была отправлена телеграмма в адрес М. Горбачева и Д. Язова. Под ней подписались председатель офицерского собрания А. Савельев и начальник политотдела общевоинского училища А. Русаков. Оба полковники, бывшие афганцы. Из тех, кто готов за неудобную правду закончить службу в забытом богом и людьми гарнизоне.

"Доводим до вашего сведения, что контроль за обстановкой в городе держит Народный фронт. Информация в центральной прессе не всегда объективна и вызывает недовольство местного населения. Считаем, что применение вооруженной силы приведет не просто к изоляции военнослужащих, но и к полному разрыву отношений, поставит под угрозу безопасность их семей, вызовет рост антирусских настроений",

Дмитрий Язов в этот день, 19 января, находился в Баку, в штабе армии с Вадимом Бакатиным и Евгением Примаковым. В штаб, откуда будущий маршал Язов лично руководил операцией, перебрались из здания ЦК Абдурахман Везиров и присные. В 17 часов В. Поляничко, второй секретарь ЦК КПА, сказал в личной беседе с Этибаром Мамедовым: "Вопрос решен, решение принято, ничего нельзя сделать. По старой дружбе советую скрыться".

В здание телевидения вошли неизвестные, назвавшихся представителями Народного фронта, и заявили: телестудию надо закрыть и объявить забастовку. Узнав об этом, Этибар Мамедов позвонил председателю республиканского Гостелерадио Эльшаду Кулиеву и предложил сотрудникам вернуться: вечером мы выступим с обращением к народу.

В 19.15 энергоблок телецентра был взорван. Вскоре стали поступать сообщения, что войска подтягиваются к городу, на основных артериях которого возникали символические баррикады из магазинной тары.

В 00.05 у здания штаба Комитета национальной обороны НФА, по свидетельству Этибара Мамедова, выстроились около 500 военнослужащих, без единого слова открыли именно шквальный огонь по зданию и людям, находившимся возле него, обстреливали штаб с расстояния всю ночь до утра. Лидеров НФА вывели потайными ходами.

Операция началась в полночь с 19 на 20 января 1990 года одновременно в разных концах города. Проведена она была нагло, кроваво, бездарно. Ей предшествовала мобилизация резервистов в южных областях России (Ставропольский и Краснодарский края, Ростовская область) с заметной там армянской диаспорой. На встрече в ЦК КПСС горнорабочий очистного забоя одной из шахт Ростовской области Леонид Кривенда рассказывал не без возмущения:

"Нас в Ростовской области очень сильно коснулся последний скоропалительный приказ о мобилизации резервистов в связи с чрезвычайным положением в Баку. У нас, увы, есть убитые, раненые из числа этих резервистов, которых призвали, не знаю, наверное, и в 37-ом году так не забирали, по ночам, машины с милицией. До и абсурд а доходило. Реакция людей на это очень неоднозначна. На шахтах прошли забастовки. Женщины очень сильно возмущались, запрудили всю центральную улицу. Я Михаилу Сергеевичу задавал вопрос: кто все-таки Повтор этой акции, ведь указа о мобилизации не было, был лишь указ о чрезвычайных мерах по восстановлению правопорядка в Баку. Кто же принял решение о Иммобилизации? Он признал: да, здесь мы наломали дров, но конкретное лицо, которое приняло это решение, осталось неназванным".

Конечно, не мог же Верховный главнокомандующий назвать шахтеру свое авторство... Характерен и ответ военного коменданта Баку генераллейтенанта внутренних войск В. С. Дубиняка на такой вопрос: "Была ли альтернатива вводу войск в город, почему войска входили ночью, почему

их не ввели еще в дни армянских погромов, почему ввод войск начался в 0 часов 20 минут, а решение о вводе было передано 140 радио в 5.30 утра?"

Дубиняк: "На эти вопросы отвечать не буду. По И причине того, что я назначен военным комендантом уже после ввода войск".

Не мог же генерал-лейтенант отвечать за маршала Язова...

Существенно, пожалуй, только суждение Дубиняка по поводу паники среди русскоязычного населения Баку и слухов по поводу эвакуации семей военнослужащих, что прогнозировал депутат Собчак.

Дубиняк: "Эвакуации никакой не было. Она не объявлялась и не организовывалась. Но многие семьи военнослужащих действительно выехали из Баку в первые дни чрезвычайного положения. Это было вызвано слухами об угрозах в их адрес, гибелью жены прапорщика. Но говорю вам со всей ответственностью, что с момента введения чрезвычайного положения ни один из русских здесь не пострадал, кроме приведенного мной факта. К нам в комендатуру ежедневно звонили коренные бакинцы, искренне негодуя по поводу распространения слухов и паники, говорили о желании сохранить русскоязычное население в Баку".

Лидеров НФА обвиняли во всех грехах: фанаты, заставляли людей ложиться под танки и бэтээры. Вот официальное обвинение, прозвучавшее в сентябре 1990 года из уст первого заместителя председателя КГБ Азербайджана Евгения Дубровина:

"Наиболее активные представители экстремистского крыла Народного фронта вывели людей на баррикады, а сами сбежали. За это они должны нести ответственность. Но еще большую ответственность они несут перед семьями погибших. Некоторые из этих "лидеров" были арестованы, остальные успели скрыться. Для нас не безразлично, возобновят ли они свою прежнюю деятельность, поэтому принимаем все меры для их поиска. Что касается Этибара Мамедова, Рагима Казиева, Халила Рзы, Магомеда Гадами, следствие по их делам завершено".

Поразительно, но ни одно из средств массовой информации, столько писавших об апрельской расправе в Тбилиси, не взяло под защиту лидеров Народного фронта Азербайджана, как бы проводя некую демаркационную линию: "Вы считали себя такими, как мы, демократы? Думали, у вас есть право на народные фронты, как у белых людей? Нет, вы другие, навсегда другие!"

Азербайджан неожиданно, шоково для себя оказывался на переднем крае мировой конфронтации, вылившейся через два года после "черного января" в антиисламский фундаментализм христианско-иудаистского союза. И это - весьма серьезная новая доктрина, заменяющая борьбу Запада с коммунистической угрозой.

Даже вполне очевидный сюжет со взрывом энергоблока бакинского телецентра не стал предметом газетного шума. Версия партийных властей ("взорвали экстремисты") одержала верх, лишь "Комсомольская правда" устами найденного свидетеля, дежурного электромонтера Виктора Романова ее чуть-чуть поколебала.

А Виктор Романов свидетельствовал:

Я заступил на смену 19 января в 19 часов. Минут рез пятнадцать в помещение цеха зашли четыре вооруженных солдата. Они стали интересоваться схемой энергопитания, открывая ячейки, откуда идут кабели язи, задавали другие вопросы. Потом сказали: "Вас вызывает комендант". Вывели нас с напарником в подвальное помещение и едали под охрану другим солдатам, было много. Сами вернулись обратно. Через несколько минут я услышал приглушенный взрыв. Нас не выпускали еще около часа. А потом переодели в военную форму ("для вашей безопасности") и отконвоировали в соседнее здание Верховного Совета АзССР".

О Романове в той январской суматохе забыли, он жил по знакомым, уйдя в подполье. А в заявлении ТАСС упоминались прямые действия преступных сил по захвату радиотелецентра". Захвачен он, оказывается, не л. более того, охранялся воинским подразделением, а 20 часов того вечера было объявлено важное сообщение НФА...

Строгая система фальсификации и замалчивания правды сопровождала и сопровождает черный бакинский январь в средствах массовой информации СССР, а теперь - и демократической России. Что касается позиции западной прессы, то наиболее точно ее охарактеризовал тогда же, 24 января, главный редактор газеты "Теркиш дейли ньюс" Ильнур Чевик:

"Когда советские танки и войска в 1968 году пересекли границу Чехословакии, западные страны реагировали на эту акцию с гневом и выразили протест Москве... Сейчас, некоторое время спустя, эта же Красная Армия проделала путь в Азербайджан, убивая азербайджанских националистов, а Запад, который всегда говорит о правах человека, стоит в стороне и аплодирует".

Двойной стандарт и потакание жестокости в отношении мусульман настолько очевидны, что и по сей день бакинская трагедия в январе 1990 года вычленяется за скобки политиками и дея-

телями культуры "христианского союза", будто она и не происходила или насилие против гражданского населения не нарушило прав человека.

В обстановке такой идеологической дискриминации появились в начале февраля 1990 года в Ленинграде листки "Антисоветской правды", нелегальной машинописной газеты, посвященные "беспределу Михаила Кровавого". Именно так называлась первая полоса газеты, сочиненной, нарисованной и отсканованной одним человеком - Сашей Богдановым. По прошествии двух с лишним лет этот раритетный листок поражает не просто смелостью, но и абсолютной верностью политических оценок и выводов, сделанных тогда по горячим следам Сашей Богдановым.

Пройдемся по двум полосам "Антисоветской правды". Вот на помосте Горбачев, человек десятилетия, подкармливающий с верхотуры своих верных псов. Многие из них поименованы: Бори, Егоры, Рэкет, Дороговизна, Карабах, Советский фашизм, Счета Раисы Максимовны, КГБ, Дефицит и Раскол в КПСС. Заметка "Преступники правят страной" в фельетонной форме описывает политическую ситуацию накануне вторжения войск в Баку:

"По Еревану разгуливал марш протеста под оглушительным транспарантом "Раиса, отдай нам наши подарки!". По Баку шастали банды деклассированных беженцев-азербайджанцев из Армении с криками: "Раиса, отдай армянам их подарки!", "Снять Везирова и отправить в Нагорный Карабах!". По Москве 7 ноября слонялась блуждающая колонна Тельмана Гдляна. Во главе шел революционер с плакатом обложка Талмуда, а на титульном листе написано: "Михаил Горбачев. Сказки о перестройке"... Лидера ленинградской реакции, бывшего первого секретаря обкома Соловьева исключают из партии не за письмо Нины Андреевой и развал идеолога за то, что Юрий Филиппович фарцанул себе новенький "Мерседес" за 9 тысяч "деревянных" рублей. А он по самым скромным оценкам стоит тысяч сто, не меньше! Преступники правят страной!".

И вот - первоклассная публицистика, озаглавленная "Бакинская бойня".

"В Баку в январе 1990 года правительством СССР было совершено два преступления. Первое - центральная власть не защитила мирных жителей от насилия, грабежей убийств со стороны уголовников, провокаторов и агрессивно настроенных групп людей. Вместо того, что - "защищать население от разбоя, правительство разоружило бакинскую милицию. В городе, где 60 тысяч азербайджанцев, изгнанных из Армении, не имеющих над головой, безработных, и 40 тысяч турок-месхетинцев, тоже оставшихся без крова и средств к существованию. Многонациональный Баку превратился в кипящий из людей, обманутых правительством, рым никто не помогал и которых никто не контролировал. В Азербайджане началась революция на национальной основе, логическим завершением которой стала передача власти от дискредитированного и парализованного старого аппарата новому общественному движению - Народному фронту Азербайджана. Только он мог заменить отжившие структуры власти, гарантировать порядок и безопасность граждан на всей истории республики. Но это означало бы конец коммунистического режима в одной из республик Закавказья. Это стало бы для всех примером революционного входа от реального социализма к подлинной демократии. Интрига Михаила Сергеевича и Раисы Максимовны вокруг раздутой проблемы Нагорного Карабаха закончилась бы полным крахом, а, возможно, и концов Ставропольской династии в истории нашего государства.

И тогда они устроили советское Тимешуаре. Было совершено второе преступление против нашего народа; народно-демократическая революция была потоплена 8 крови, задавлена танками, расстреляна снайперами, бившими по живым мишеням".

Напомнив своим читателям, что специальные подразделения американских войск быстрого реагирования, находящиеся в распоряжении ЦРУ и вторгшиеся под шумок в Гренаду и Панаму, называются "дикими гусями", следующий материал Саша Богданов назвал "Дикие гуси" в небе над нашей Родиной":

"Война - это продолжение политики перестройки другими средствами. Если бы КГБ устроило такую бойню при Брежнев, то западные страны и весь мусульманский мир отозвали бы своих послов из Москвы. Последовали бы экономические и политические санкции против бесчеловечного и преступного советского режима.

В ночь с 19 на 20 января 1990 года в Баку была просто бойня. Горбачевская группировка - Горбачев, Язов, Крючков, Бакатин, Примаков и Гиренко - вели боевые действия против собственного народа. Танки и бронетранспортеры шли по живым людям, оставляя сотни убитых и искалеченных на своем пути. Раненых, кричащих от боли людей вояки не разрешали убирать с проезжей части. Машины "Скорой помощи" обстреливались, два врача убиты на месте. Среди погибших - Лариса Мамедова, девочка-семиклассница, умерла от пулевого ранения в грудную клетку; Ильгар Ибрагимов, мальчик 14-ти лет, доставлен в морг, тоже убит выстрелом в грудь. Среди убитых есть женщины, старики, русские, евреи, чеченцы, азербайджанцы, грузины. Армия использовала самые современные боевые средства. По людям стреляли из танков, минометов, гранатометов, автома-

тов. Только в реанимационном отделении только одной бакинской больницы за двое суток умерло 29 человек. 22 января 1990 года в Нагорном парке Баку 126 свежих могил образовали новое кладбище - братское кладбище периода перестройки.

Резервисты, комсомольцы-добровольцы и особые деления КГБ оставили после себя горы трупов и инвалидов, а радио "Свобода" и "Голос Америки" с радостью сообщали о "нормализации обстановки в Баку. 15 автоматчиков в бронежилетах и 10 кагэбэшников в штатском взяли штурмом представительство Азербайджана в Москве, уложили всех на пол, либо вили на колени, чтобы арестовать лидера НФА Мамедова, а советская официальная гласность за неделю, а аж пять версий нападения якобы армянских и якобы азербайджанских экстремистов, устроивших стрельбу в центре Москвы".

“Определил Саша Богданов и место бакинской трагедии в мировой политике великих мира сего:

"Если бы подобную бойню устроили при Брежнев, то Кремль оказался бы в жестокой изоляции и в Совете Безопасности ООН, и на Генеральной Ассамблее Объединенных Наций.

Но если президенту Франции Миттерану и Председателю ВС СССР Горбачеву позволено решать судьбу диктора Чаушеску, находясь в Киеве, а президенту Бушу позволено сместить диктатора Норьегу, отдыхая в Кемп-Дэвиде или катаясь с Шеварднадзе в надувной лодке по рекам и озерам штата Мэн, то почему бы Армении не решить все свои национальные проблемы и территориальные притязания с помощью усиления советского военного присутствия в Закавказье?! Парадокс сменной политики и разведки как раз и состоит в что КГБ всегда может договориться с Моссадом, британский Интеллидгент сервис спрятать в безопасном Рушди, автора "Сатанинских стихов", а ЦРУ так г заморочить голову американско-армянской общине, перспективами перестройки в СССР, что армяне и впрямь поверят в возрождение мифической Великой Армении строго по средневековой карте, которой неистово тряс Вазген I, католикос всех армян, выступая по введению... Народы сталкивают лбами, течет кровь, начинаются грабежи, погромы, выселение целых национальных районов. Горбачев вводит военное положение, и республики превращаются в генерал-губернаторства вольских, Родионовых и криволаповых, а межнациональные противоречия углубляются!"

Заканчивался "Беспредел Михаила Кровавого" стихами Саши Богданова, подражанием известным строкам Осипа Мендельштама:

Мы живем, под собою не чуя страны,
Отовсюду расстрелы в стоны слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там пригонят спецназ Ставропольца.
Это он посылает войска КГБ
Избивать наших женщин в Баку и в Москве.
Он всегда не при чем,
Он боится упасть,
По колено в крови, он почувствовал власть.
Убивайте, насилуйте, хапайте!
Все равно он - любимчик на Западе.
Его пальцы сжимают Советский Союз.
Его диких решений я снова боюсь...

Через два года, после оккупации Баку, когда развал Союза завершился в Беловежской Пуще, Збигнев Бжезинский не мог одержать слезливого восторга:

"Я очень уважаю Горбачева. И глубоко сочувствую его личной трагедии. Его заслуга в том, что он сумел разрушить старый мир, не пролив ни единой капли крови, мирными средствами, без штурмов зимних дворцов и гражданских войн. Но он заплатил за это дорогой ценой - своим финалом. (Подчеркнуто мною - Ю. П. Лицемерие тех, кто задумывал карабахский омут и наполнял его человеческой кровью, границ не имеет). Он недооценил силу нерусского национализма в республиках, считая, что все смогут "жить дружно", он переоценил необходимость единства Союза. Ельцин (Саша Богданов называл нынешнего президента Российской Федерации "омандаченным перестройщиком" который вел народ на Красную площадь через всю Москву, демонстрируя полную поддержку курса на перестройку, демократизацию, гласность, вместо того, чтобы после расстрелов в Баку отправить под суд команду Горбачева, Язова, Крючкова, Бакатина, Примакова и иже с ними. Нет, они были еще нужны Западу - Ю. П.) не сделал этих ошибок, понял, что нужен истинно драматический поворот. Понял не интеллектом, инстинктивно, проявив потрясающее историческое провидение. И именно поэтому победил".

Пиррова это победа, господин Бжезинский!

Глава "кровавой перестройки" Горбачев, его подручные палачи, подобные лезвию топора, рукоятью которого явился "свой" Везиров, ответят перед историей, перед народом, перед судом! Таковую уверенность высказал в январские дни 1990 года народный писатель Азербайджана, депутат Верховного Совета, участник Великой Отечественной войны Исмаил Шихлы. Вступив в КПСС войне, имея почти полувековой стаж, он демонстративно на пленуме ЦК, раньше всяких демократов Ельцина, Попова и Собчака, заявил: "Компартия потеряла свой облик. Она воюет со своим народом, как Дон-Кихот с ветряными мельницами. Она превращается в СС. Я не хочу быть членом такой партии".

Чемпион мира по шахматам Гарри Каспаров, очевидец бакинских событий, открыто заявил Горбачеву при встрече, что введение войск в Баку было полнейшей ошибкой. А на пресс-конференции в Москве в последних числах января 1990 года Каспаров сказал представителям средств массовой информации Запада: Азербайджан был единственной точкой, где с применением военной силы можно было завоевать аплодисменты западных защитников демократии.

Разве не прав проницательный шахматист и коренной бакинец Гарри Каспаров?

Но куда деваться от этой правды самому Азербайджану его жителям, прежняя жизнь которых оказалась сломанной раньше всех? Ночь с 19 на 20 января что-то необратимо изменила в людях. В глазах горечь, печаль, стельное ощущение своего бессилия при виде танков многочисленных патрулей с оружием наизготовку, солдат, с наглой уверенностью тычащих автоматами в лица прохожих: "Вы, грязные азербайджанцы, мы вам еще не-то покажем. Свободы захотели!.. Это были еще цветочки". Распущенность, опьянение от безнаказанности, просто опьянение, бессердечие, жестокость, в особенности заметные по отношению к женщине: "Молчи, афганка, пока я не поставил тебя на колени! Земля будет гореть под твоими ногами!" Вот угроза, прозвучавшая от командира БТР с бортовым номером 725, находившегося в те дни в Баку.

Эта, казалось бы, патология превращалась в официально принятый канон отношения. Стоило политическому обозревателю Центрального телевидения Александру Тихомирову в передаче "7 дней" от 28 января рассказать о кровавых событиях в Азербайджане и потребовать четкой политической оценки происшедшего в Баку, как его тут же "выключили из кадра", а сама передача "7 дней" прекратила свое существование.

Полагаю, что это не столько заслуга тогдашнего Политбюро, сколько старания Эдуарда Сагалаева и его прямых хозяев. Смею так предполагать еще и потому, что настырный Тихомиров более ни единого раза не прикоснулся к этой теме, а также наблюдая спустя два года за судьбой другого журналиста ЦТ, Николая Анциферова, донесшего до телезрителей правду об обстрелах осажденной Шуши, о гибели Леонида Лазаревича и, особенно, о надругательстве фидаинов над пассажирами сбитого вертолета после мирных переговоров в Железноводске. В первые дни мая 1992 года Анциферов получил предупреждение о том, что он более не работает на Центральном телевидении.

У Эдуарда Сагалаева, как когда-то у советской власти, сила велика.

Поэтому в заключении этой главы я прибегну к свидетельству, пришедшему не по каналам официальной прессы, а обычной почтой из Баку. Письмо написано жителем Баку Али Гусейновым через четверо суток после той кошмарной ночи:

"Что было ночью с 19.01 на 20.01 в Баку, особенно в наших кварталах, передать не в силах никто. Ни в одном фильме о войне не видел такого кошмара. В 23.30 мы с Расимом поднялись домой, выпить чаю и вернуться. В это время началось наступление, артподготовка; звонил Агасаф, сказал, что из Сальянских казарм вышли танки и направились к нам. С появлением их появились и солдаты. Стреляли со всех сторон города. На перекрестке около нас (где завод С. Василевича) строились солдаты, около тысячи. Люди - молодежь, женщины и дети (они не ушли, несмотря на требования Народного фронта) - стояли вдоль улиц.

"Наша" Красная Армия открыла шквальный огонь из автоматов, из пулеметов на бронетранспортерах. Они наводили орудия на дома, освещая окна прожекторами, стреляли по квартирам. Как передать увиденное? Мы - я Расим и Аладдин - смотрели сквозь окна; прямо в наше по попала пуля.

Теперь о мужестве моего народа. Я видел, как парни берут горящие палки и бросаются к солдатам под автоматную очередь. Падают, встают, берут снова, выходят прямо к прожектору, кричат: "Неужели вы нелюди? это убиваете?". Идут "скорые" - стреляет наша армия ним. Стреляют напрямую. Пулевой дождь продолжается до утра. Они продвигались к центру. Люди вышли улицы - вокруг ручьи крови; трупы собирали еще ночью под пулями.

Что было вокруг Сальянских казарм! Что было на дорогах к аэропорту! Они поворачивали в сторону деревень и давили людей в квартирах: на дорогах не оставляли ни одной целой машины. Вторжение было внезапным: как фашисты напали.

Словом, настоящее истребление безоружного, спавшего населения. По официальным сообщениям, погибло около 90 человек, из них 14 - военные. А я говорю: погибло минимум 300-400 человек, может, и тысяча, раненых в больницах нет мест. Многие трупы убрали и сожгли военные, часть их, по слухам, находится на военном танкере, который заблокирован нашими пароходами. На требование: "Дайте осмотреть!" - стреляют с корабля, но не пускают.

Как армия могла так жестоко поступать с людьми? Передовой отряд формировался в Ростове. Там влияние армян известно. Был пущен слух, что в Баку убивают русских, и сразу была объявлена мобилизация. Короче, там сформировалась карательная ударная группа из уголовников, из армян и т.д., которая прибыла в головной части, сделала свое дело и сразу же исчезла; ее заменили обычные части.

У нас дома ранена русская женщина, она живет на 11-м этаже. В противоположном доме двое убиты в своих квартирах.

А в Сальянских казармах до сегодняшнего дня идет стрельба. Курсанты - азербайджанцы, грузины, казахи, узбеки, лезгины каким-то образом захватили склад боеприпасов и поклялись драться до последнего дыхания.

В городе стреляют, кого хотят, издеваются, как хотят. Из разговора (врач - свидетель): отец в больнице обнимал скончавшегося сына. Подошли солдаты и офицер. Отец начинает ругать Горбачева, офицер достает пистолет и хладнокровно стреляет ему в голову (не верите - могу организовать встречу с врачом). Двоюродный брат Вахида, возвращаясь с работы, проходил мимо транспортера: солдаты стреляют вокруг и хохочут.

23.01 были похороны погибших в парке Кирова. Что творилось!.. Представляете, море людей - от гостиницы "Апшерон" до памятника Кирову. Мы не могли подняться до могил (негде было стоять), похоронили, говорят, больше 100 человек. В пригородах тоже хоронят, в районах тоже. Сейчас в городе нет партийных и других организаций, не выходят газеты, не работает телевизор, радио передает только указы коменданта и траурную музыку. О телевидении. 19.01 вечером транслировалась передача с участием Народного фронта и вдруг - перестал показывать телевизор. Оказалось, солдатами взорван один блок.

Каким-то чудом дали по радио ноту нашего президента. Читала сама - что она была не в курсе готовящегося военного вторжения. Наша кровь на земле - это дело рук руководства страны. Собрались подпольно депутаты, приняли указ, осуждающий все это, с требованием вывести армию в течение 48 часов - в противном случае отделимся от СССР. Нахичевань объявила об отделении от Азербайджанской ССР и от СССР.

Сейчас в Баку готовится новая провокация - в срочном порядке вывозят из города русских из семей военнослужащих. Это делают КГБ и армия, чтобы оправдать свое пребывание в городе.

Все равно не смогу написать всего. Вот сейчас проходит бронетранспортер, и с него иногда стреляют, просто так.

Из ваших знакомых и друзей пока все живы. Ранен брат Сардара, говорят, находится в критическом состоянии. Телефон почти не работает. Не уверен, что письмо дойдет до вас.

Желаю мира вашему дому".

Сбоку - приписка на полях: "Все выходят из партии, завтра я тоже сдам".

Печальный итог известен: на аллее шахидов в те дни было похоронено сто семьдесят погибших бакинцев, около четырехсот человек ранено. На могиле Ларисы Мамедовой - школьная форма и ранец. Фотографии нет: некому поставить, отца в ту же ночь тяжело ранило. Другая могила без фотографии, на табличке надпись: "Ефимов. Был слепым. Заколот штыком". А вот на фотографии, обнявшись, молодожены Аллахвердиевы, Илхам и Лариса. Его застрелили, она покончила с собой - отравилась.

На цоколях многих домов бакинские мальчишки вывели несмываемой эпоксидной смолой, рискуя жизнью:

"Оккупанты, вон из Азербайджана!", "Долой КПСС!" и "Горбачев- убийца".

**Об иерархии двух народов:
Игорь Беляев и Сабир Рустамханлы**

День 9 мая 1992 года, праздничная суббота, стал очередным днем скорби и поражения азербайджанских сил в Карабахе. Накануне началось крупномасштабное Наступление армянских вооруженных формирований на Огород Шушу и село Кесалар. В наступлении, которое осуществлялось по трем направлениям, по сообщению агентства Туран, участвовало более 1000 человек. Наступление велось, как писали газеты, при поддержке - значительного количества артиллерии и бронетехники. Откуда эта техника взялась, да еще в "значительном количестве"?

Офицеры 7-й гвардейской армии, расквартированной в Армении, сообщили через газету "День", что командованием армии во главе с генералом-предателем Мещеряковым передано армянам 40 БМП (боевых машин пехоты на гусеницах), 6 БРДМ, 4 БТР-70 и четыре пусковые установки БМ-21 залпового реактивного огня типа "Град". Эта техника и штурмовала Шушу.

У многих в памяти были свежи события на армянских складах боеприпасов, когда армяне цепями атаковали караул, держа в руках новые автоматы, выданные им генерал - предателем Мещеряковым. Все уже знали, что генерал предал караул, запретил изготовившимся броне - группам снимать его блокаду и приказал сдать армянским боевикам боеприпасы и установки "Град". Генерал Мещеряков вместе с командующим ЗакВО генералом Патрикеевым сдали армянам и вертолетную эскадрилью, базировавшуюся в аэропорту Эребуни.

Начальник Мегринского погранотряда предложил поднять над заставой армянский флаг. Офицеры, из числа неподкупных, а потому пьющих гнилую воду, ответили, что этому флагу честь он будет отдавать сам. Начальник заставы по кличке Царь не первый день распродает имущество погранотряда армянским боевикам, для которых держит специальную баню.

Не удивительно поэтому, что одновременно с наступлением на Шушу 8 мая было атаковано приграничное село Садарак в Нахичевани. - Армянские формирования предприняли попытку подрыва моста через Араке (вспомним Зория Балаяна - "древняя армянская река Араке"), связывающего Нахичевань с Турцией. Таким провокационным наступлением на Садарак дашнакские лидеры сегодняшней Армении хотели бы достичь самого желанного: спровоцировать Турцию на военные действия и затем на основании оборонительного союза с Россией втянуть Ельцина в войну на стороне Армении.

А это - третья мировая, крестовый поход христианства против ислама. У многих тут накопились претензии друг к другу и образовались гордые узлы, которые ликвидируются одним махом. Разве не так?

Штурм Шуши, как и расправа над Ходжалы, происходил под сенью мирных переговоров сторон под покровительством Ирана. На сей раз в Тегеране. Исполняющий обязанности президента Азербайджана Ягуб Мамедов узнал о вероломном захвате последнего пункта в Нагорном Карабахе, находившегося в руках азербайджанцев, уже в тегеранском аэропорту, после подписания трехстороннего соглашения. Президент Армении Левон Тер-Петросян с лицемерным спокойствием объяснил, что отряды самообороны в Карабахе вышли из-под контроля, и мировое сообщество, крути не крути, должно признать самопровозглашенную марионеточную республику в этом храме природы. Ведь это воинские формирования НКР воюют с Азербайджаном за эту благословенную землю, на которой человек вознесен выше орлов, он рядом с чистыми облаками, студеными родниками, удивительно ярким солнцем и крупными звездами. Армения же - в стороне, как бы над схваткой, Кяристо страдает своим соплеменникам, "отуреченным" армянам.

Так рассуждает Левон Тер-Петросян с того дня, как он стал президентом Армении, хотя на самом деле в программе лидера АОД и комитета "Карабах" ничего не изменилось, только в словах прибавилось меда, а в делах - полыни и смертельного яда. Пусть весь мир теперь ломает голову, как уладить карабахский конфликт, ибо в этом полигонном омуте возникла столь высокая концентрация взаимной ненависти, лжи и фарисейства, что без голубых касок ООН не обойтись. Конечно, если невозможно судить распоясавшихся агрессоров за издевательство над двумя народами и прилюдно назвать дашнакствующих политиков, приведших республику в пучину национализма, подлцами, лишенными чести и совести, заменившими движение к демократии открытой милитаризацией Армении. Никакие каски не помогут, пока щедрые бутоны карабахских цветов, вместо сладкого нектара пчелам, будут выделять смертельный яд змеям. Ни один здравомыслящий азербайджанец, знающий, как освещался и освещается карабахский конфликт в средствах массовой информации великих держав, на такое посредничество не согласится, не поверит он и в миротвор-

ческое содействие России в Закавказье, пока ключевой пост в структуре президентской власти занимает Г. Старовойтова, на совести которой кровь не только азербайджанцев и армян, но грузин и осетин, молдаван и русских. Долго аукаться будет старовойтовская идея, сочиненная ради Армении: право нации превыше всех прав...

Можно, конечно принять за реальность мифологическую схему, изложенную в начале марта 1992 года Дмитрием Фурманом в "Независимой газете". Обосновывая, что естественный союзник России в Закавказье - это не граничащая с ней Армения, журналист ссылается на существующую *иерархию народов* в сознании западнического, космополитического демократизма. В этой иерархии, честно признает Дмитрий Фурман, армяне занимают место во много раз более высокое, чем азербайджанцы. Армяне - христиане, азербайджанцы - мусульмане, а ислам -- религия, демократами-западниками особенно нелюбимая. Образ армян "это почти что образ евреев - культурного западно ориентированного маленького народа, пережившего геноцид, борющегося, дескать, за свое выживание среди темных мусульманских сил. И как демократ-западник всегда инстинктивно на стороне Израиля против арабов, так же он, по мнению Фурмана, на стороне армян против азербайджанцев.

Тут можно было бы обойтись русской поговоркой: любовь бывает зла, полюбишь и козла, если бы не ноандреевская схема, вывернутая наизнанку читателям "Независимой газеты" Дмитрием Фурманом. Ведь Нина Андреева в марте 1988 года отстаивала не только большевистское - сталинскую модель общества, но и затронула иерархию народов, высказав неопределенные претензии богоизбранным нациям, паразитирующим как бы, по логике Льва Николаевича Гумилева, на теле тех этносов, среди которых они волею истории рассеяны.

И вот любопытный парадокс: в это же время на малой земле Карабаха отработывалась модель политического экстремизма, погромов и беженства, которая по существу была под держана тогдашним идеологом КПСС Александром Яковлевым, посетившим Ереван. Зато какому разгрому во всех средствах массовой информации подвергалась статья Нины Андреевой, только прикоснувшейся к проблеме "разделяй и властвуй" представителей культурных, западно ориентированных, по выражению. Фурмана, маленьких народов СССР.

Так что идея иерархии народов не просто существует - сознании западников-демократов, а пристрастно ими же и насаждается, вплоть до применения полицейской силы для установления правопорядка, будь то Кабул, Баку или Багдад.

Можно себе представить, какой вой и ор подняли бы демократы всех национальностей, если бы в начале 1988 года борьбу за самоопределение начали бы азербайджанцы, проживающие компактно в зангезурском коридоре Армении между Нахичеванью и Азербайджаном, от Агарака на юге до Азизбекова на севере! А они имели на это больше прав по той хотя бы причине, что, в отличие от армянской общины в Карабахе, никакой автономией не обладали.

Нет, этих чабанов, животноводов, земледельцев, тысячелетиями живших в Армении, стали убивать, избивать и изгонять, жечь дома и утварь при полном молчании демократов-западников. Зато какой трезвон вызвали бесчинства в Сумгаите, который пятый год у всех на слуху. Команда - "Эту резню непременно следует называть геноцидом" - непогрешимо исполнялась во всем подлунном мире.

Чего добились защитники гонимой нации? В результате националистического пожара часть армян вынужденно покидала Азербайджан. Но смены тем чабанам и землепашцам не получалось. Вот несколько цифр. Депутатами Верховного Совета Азербайджана были 29 представителей армянской нации, 61 армянин работали в ЦК КП Азербайджана зав. и зам. отделами. Тысячи армян занимали высокие посты в Совмине, Госплане республики, горкоме партии, Баксовете, МВД, КГБ республики, сотой их были министрами, редакторами, учеными, журналистами, врачами, учителями, директорами заводов и фабрик. Не обошли они своим вниманием и доходные места в торговле, милиции, сфере обслуживания, вино-водочной промышленности. Кроме высоких постов, имели комфортабельные квартиры и загородные дома в Баку, Гяндже, Шеки, Мингечауре.

В июле 1990 года Комитет народной помощи Гарабагу организовал встречу делегатов XXVIII съезда КПСС не только с азербайджанцами, но и с карабахскими армянами. Что же говорили армянские женщины - матери, мужчины-отцы, все трудолюбивые люди тогда? "Всюду рассказывайте, чтобы освободили нас от новоявленных бандитов-бородачей, в первую очередь они наши враги, враги армян. Называют себя защитниками, а сами чинят беспредел, пристаю к женщинам и девушкам, принуждают нашу молодежь к вражде, всеми средствами разжигают межнациональную рознь. А сидящие наверху своими ложными информациями воодушевляют их, приманивают. Пусть Бог накажет этих людей!".

Господь накажет - единственная надежда на возмездие у людей мирных, незлобивых, не зараженных трупным ядом национализма.

В августе 1990 года, когда армянские террористы вели массированный обстрел из градобойных орудий, минометов и автоматов сел Казахского района, а в многострадальном Баганис Айруме сожгли мать с двухмесячным ребенком, когда парламент Армении объявил, И что Указ президента Горбачева о запрещении создания вооруженных формирований на территории Армении и Нагорного Карабаха не действует, его новоиспеченный лидер Тер-Петросян был спешно принят в Москве премьером Николаем Рыжковым. Именно в эти дни азербайджанский писатель и общественный деятель Байрам Байрамов не мог взять в толк, почему соседняя республика хочет, чтобы карабахский кровавый омут охватил всю страну, распространялся по всему миру. Почему не принимают во внимание, что, сколько бы ни было армян в мире, но представителей других национальностей еще больше? Какой толк вовлекать в конфликт людей по всему миру?.. Аксакал из Комитета народной помощи Гарабагу, опытный писатель, участник войны, сам выходец из Карабаха, мудрый человек Байрам-муаллим заботился о том, что когда-то от армян могут отвернуться и родственники и соседи. "Наше поколение должно завещать будущим поколениям не скандалы и склоки, - писал он в статье "Пожар необходимо погасить", - не новый очаг геноцида, а мир, спокойствие, добрососедские отношения, чувство уважения ко всем нациям. Мы не имеем права говорить "убивайте друг друга", нас проклянут в веках. Напротив, мы должны говорить им, чтобы они брали уроки у истории, учились у нее. Чтобы они посмотрели и ясно осознали, что нет у нас другого пути, чем жить в мире с теми, кто волею судьбы является соседом. Это не героизм, - делал вывод Байрам Байрамов, чей авторитет в Азербайджане достаточно высок, - найти для своей нации врага. Подлинный героизм - сделать всех друзьями своего народа".

И это не интеллигентская поза, это - народная азербайджанская психология, психология мирных порядочных людей. Соединенная с упованием республиканского руководства на Москву, эта миротворческая психология в условиях неприкрытой агрессии соседей заставляла Азербайджан чаще всего оправдываться, защищаться, а не нападать.

Невольно сравниваешь эту отчетливую психологию с позицией председателя (тогда, в первой половине августа 1990 года, еще не президента) правления Армянского общенационального движения Левона Тер-Петросяна. В газете "Коммунист" от 10 августа 1990 года этот "рафинированный интеллигент", так назвала его одна из центральных газет, в своем выступлении проявил поразительно жесткую хватку, чтобы хладнокровно обосновать территориальные претензии к соседям. Мечта Тер-Петросяна - создание объединенной с Арцахом сильной Армении, а для этого - создание собственной армии и органов безопасности.

К моменту этого заявления, по данным МВД Армении, на территории республики действовало несколько вооруженных формирований и групп общей численностью порядка 10 тысяч человек. Официально зарегистрированным было лишь воинство АОД. Армянская национальная армия (АНА) насчитывала в своих рядах до 5 тысяч бородачей. Достаточной степенью самостоятельности обладали вооруженные группы "Давид Сасунский", "Вретарунер" ("Мстители"), "Айдат" ("Суд армян"), "Нейтральные отряды", независимая армия республиканской партии "Нарт" и, наконец, национальный союз "МУШ", собравший под свои знамена ряд разрозненных группировок. В конце мая - начале июня 1990 года вооруженные люди в Ереване расхаживали в общественных местах, совершенно не таясь. Так было не только в столице республики, но и во всех армянских городах и селениях.

Газета "Красная звезда" в номере за 31 июля 1990 года подробно изложила взгляды и суждения парона В. Варданяна (господина Вардана Варданяна), в недавнем прошлом журналиста, искусствоведа, автора книги "Армянские ковры", а затем - председателя военного совета АНА.

О природе армяно-азербайджанской вражды парой Варданян суждения высказывал самые зоологические. Долго рассуждал о тысячелетней истории своего народа, его особой роли. При этом подчеркивал, что не знает такого армянина, который плохо относился бы к русским. Уверял корреспондента "Красной звезды", что гнев наполняет армянскую душу только тогда, когда армянин оборачивается лицом к Турции и Азербайджану, Исторически не доказано, утверждал Варданян, что армяне и азербайджанцы могут стать братьями. За два с половиной года войны мы пришли к выводу, что армянин должен рождаться с оружием в руках. Председатель военного совета АНА, причислявший себя к атеистам, высказал откровенно национал-социалистскую формулу: армянский народ будет жить вечно, если нация станет ;ей и если религией нации станет не какой-то придуманный бог, а сама нация. Тогда суверенная Армения помощи могущественной диаспоры неузнаваемо преобразится, станет процветающей страной, основу которой составят нынешние фиданьи, вооруженные с ног головы борцы за веру. Многие свои планы Варданян связывал летом 1990 года с созданием научного института генофонда армяноидной расы.

АНА, как выяснили корреспонденты "Красной звезды", располагала не только штабами, складами оружия, учебными центрами, но даже трибуналами. На вопрос; "Существует ли у вас в

армии смертная казнь?", председатель военного совета ответил с чуть заметной улыбкой "Смертной казни у нас нет. Но мы придумали наказание пострашнее. Провинившемуся вручаем несколько гранат и отправляем его на территорию Азербайджана".

В конце августа 1990 года только что избранный президент Азербайджана Аяз Муталибов дал в таком качестве свое первое интервью, и на вопрос о наличии Армении национальной армии, о массированных нападениях боевиков, о применении ими против Азербайджана ракет класса "земля-земля" и "земля-воздух", он ответил:

"Да, идет война на нашей территории. Есть жертвы. Видимо, это судьба. Идеологи "борьбы до конца" будут сегодня готовить новые провокации. Большая ставка ими делается на то, что и в Азербайджане начнут формировать военизированные неофициальные группы. Я хочу предостеречь людей от тех, кто уж очень бурно проявляет свой "патриотизм" безответственными призывами вооружаться, создавать армию и т.д."

По поводу требований о создании собственных вооруженных сил, Муталибов ответил долгим монологом:

"Мы далеки от мысли вооружаться незаконно приобретенным оружием, путем кражи, нападений на военных, милицию... В настоящее время на наших границах сосредоточен значительный контингент внутренних войск МВД СССР и Советской Армии. Оснований для особого беспокойства сегодня не должно быть. Поэтому призывы к созданию собственной армии сегодня не диктуются объективной необходимостью, а с учетом огромных затрат, необходимых для ее содержания, просто нереальны. Словом, в этих вопросах не должно быть места эмоциям. Политика, это не ловля блох, чтобы действовать поспешно".

К чести Муталибова надо сказать, что в цитированном интервью он впервые высказал свое убеждение в том, что "долгие последние годы ужасной несправедливости, в которую Азербайджан попал в силу хорошо спланированного заговора, я думал: неужели всем все равно, неужели никто (я имею в виду республики) не заинтересуется происходящим? Ведь таким образом можно разделиться с любым народом при том, что другие будут просто наблюдать. В истории с Азербайджаном ярко проявился весь наш Союз. Ведь мы же и сегодня одни".

Во вторник, 21 августа 1990 года, Аяз Муталибов даже обратился к Верховным Советам союзных республике посланием "общими усилиями остановить агрессию". Он напоминал о молчаливом согласии, близорукости и откровенной безответственности центра, благодаря которым в Армении была создана национальная армия, хотя эти претензии президент должен был предъявить прежде всего себе. Не потому ли с таким сарказмом и девкой излагал в программе "Время" суть его обращения к парламентам Игорь Фесуненко, хотя эта суть выражалась кратко в том, что мир должен знать, что есть не только "многострадальная" Армения, но есть и Азербайджан с его древней государственностью, богатой культурой, народом с открытым и добрым характером, гостеприимным по отношению ко всем людям, живущим на его земле. Сейчас этот народ гибнет от нападений армянских вооруженных группировок, и Муталибов надеялся, что кто-то заставит их разоружиться, я эти хорошо оснащенные военные формирования давали Армении возможность разговаривать языком сине только со своим благодущным соседом, но и с руководством страны. Как говорится, сила есть - ума не надо.

Муталибов, который смотрел в рот центру, и через в недели после январской расправы над собственным родом, выступая на февральском пленуме ЦК КПСС февраля 1990 года, благодарил Михаила Сергеевича прозвучавшее в его докладе "утверждение о соблюдении целостности Азербайджана", в августовском интервью проблему НКАО назвал "интригой", "комплексным планом, составленным в Ереване, Степанакерте, Москве и за рубежом". И риторически вопрошал неизвестно кого:

"Разве это порядочно по отношению к народу, который щедро делится со всеми республиками своим богатством, всегда верой и правдой служил своему Отечеству общему делу. Да, он не имеет мощной диаспоры, он в располагает мощнейшим лобби внутри страны и в ее голице. Но разве это означает, что его надо иезуитски вводить до состояния всеобщего психоза, отчаяния, желания погибнуть, но даже в одиночку защитить свою честь и достоинство... Существует вопиющая несправедливость к нашему народу. И куда все это время смотрят руководители страны? Чего ждут?"

А чего, спрашивается, ждал президент суверенного Азербайджана?

Самой вопиющей несправедливостью по отношению к народу было сохранение президентом режима чрезвычайного положения в Баку и обвинение им в январских жертвах лидеров Народного фронта, организаторов митинговой стихии. Личное холуйство перед Москвой оборачивалось предательским комплексом марионеточности и великой народной депрессией перед продажностью собственных партক্রатов.

В то время как Азербайджан, с согласия Муталибова, защиту своих интересов и безопасности доверил союзной армии, Елена Боннэр со страниц армянского "Коммуниста" еще в июне 1990 года назвала присутствие армии в Армении "объективно провокационных," а те, кто их сюда послал, идут, мол, по пути зачинателей афганской авантюры. Боннэр оправдывала "армянских парней - фидаинов, совершавших многочисленные налеты не только на воинские посты, но даже на здание, отродясь не было национальных конфликтов.

Корреспондент Красной звезды В. Каушанский, объясняя правозащитнице Боннэр, для чего армия, по ее терминологии, "торчит в Ереване" и получает порой свинец и камни, призвал ее к объективности:

"Елена Георгиевна, я бы очень хотел показать вам видеофильм, заснятый работниками МВД на месте сожженного боевиками дотла азербайджанского села Баганис Айрум с трупами взрослых и детей, почерневших от огня стенами. Это страшное зрелище, как и картины учиненных в январе в Баку армянских погромов. Не хочется пускаться в назидание, но миротворчество логичнее проявлять не на ниве бездумного оплевывания армии, которая ничего не ищет для себя в Закавказье, а на ниве примирения и диалога, милосердия, добродетели и гуманизма".

Нападения армянских террористов на военнослужащих с, милицию, военизированную охрану и даже на ячейки ДОСААФ приобретали тотальный характер: так вооружались национальная армия. Только 27 мая 1990 года, накануне Дня государственной независимости Армении, в Ереване было зарегистрировано 16 нападений с целью захвата оружия и боеприпасов, в том числе дерзкое нападение вооруженной группы на караул внутренних войск на железнодорожном вокзале и обстрел отрядом фидаинов численностью в 50 человек с пулеметами военного городка полка внутренних войск. Не ось без возмездия, которое очень задело Елену Боннэр, борца за права человека: "Те, в кого стреляли, потеряли убитыми одного человека, те, кто стреляли, десятки. Странно..." (Сами факты террора с целью добычи оружия Боннэр не подвергала ни малейшему осуждению.).

Азербайджан в лице своего президента объяснял русским читателям газеты "Советская Россия" в те же самые дни, что "нельзя уподобляться националистам той стороны, мы всегда были выше этого, мы все время надеялись, что люди поймут, поднимется простой народ в Армении, возмутится происходящим", ссылаясь на такие понятные русским людям черты азербайджанцев, как особая и удивительная терпимость, благородство, спокойствие, понимание и готовность к лишениям. Все стерпят, пока не разразится смута...

Я привел читателю самую малую толику фактов и событий знойного лета 1990 года, чтобы любой непредвзятый человек задумался, почему же не только демократы-западники, но и восточники не берутся осуждать агрессора. Соглашаясь междометиями с очевидными доводами, инстинктивно стараются уйти от разговора: мол, это тонкое дело, оно только между армянами и азербайджанцами. Откуда такое равнодушие? Почему в иерархии народов армяне, по Фурману, занимают место во много раз более высокое, чем азербайджанцы? Занимают, и не в зуб ногой?

Не так, оказывается, все фатально предопределено.

После "черного января" 1990 года Михаил Горбачев решил отмыться от кровавых злодеяний в Баку, и его можно понять. Но как? Проявив сострадание к невинным жертвам? Нет, конечно. Выступая по Центральному телевидению. Генсек и Председатель Верховного Совета СССР подло заговорил о "воинствующих национал-карьеристах" в Баку, накалявших обстановку, формировавших отряды боевиков, хотя ни одного боевика в двухмиллионном городе задержано не было, и стало ясно, что провокационную стрельбу с чердаков вели спецслужбы. Я уж не говорю о том, что ни одного национал-карьериста, приближающегося по масштабу к парону Варданяну, прославленному десятками газет мира основателю "генофонда армяноидной расы", Азербайджану и в страшном сне не привиделось. Поэтому палач азербайджанского народа, какими останется Горбачев в истории, прибег к железной формуле: советские люди потребовали от руководства страны уложить под танки мирных жителей Баку.

Вслед за выступлением Генсека по ЦТ началась массовая атака газет и телевидения на Азербайджан. Начато наступление было, как и принято в те времена, "Правдой", которая 4 февраля 1990 года опубликовала статью доктора медицинских наук В. Эфендиева "Алиевщина, или Плач по "сладкому времени". Кстати, автор статьи позже объяснял, что и название, и предисловие, и вставки в середине материала и его заключительной части, искажившие направленность публикации, были сделаны редакцией без его ведома. "В первоначальном варианте я анализировал лишь связь плачевного состояния здравоохранения и подготовки медицинских кадров, - признавался В. Эфендиев, - с социальным и экономическим положением, сложившимся в Азербайджане, и роль в этом методов и стиля работы партийного руководства страны и республики".

Впрочем, о Гейдаре Алиеве, любимце Брежнева и Андропова, можно было сказать и больше, и резче: он и его подручные почти полтора десятилетия растлевали республику, - но оправдывать трагические события в Баку алиевщиной, да еще на пятнадцатый день после пролитой крови - это неприкрытое политическое кощунство. Об этом написал в "Правду" читатель из Нахичевани С. Садигов: "Прорванный гнойник в январе - только результат многолетней мефистофельской деятельности газеты "Правда", которая старается увеличить трещину во взаимоотношениях народов нашей страны. Так называемая статья "Правды" "Алиевщина..." является очередной фальшивкой, направленной на подстрекательство среди самих азербайджанцев и, безусловно, отредактированной грязными руками армянских экстремистов... Вы правильно отметили: Алиев не является пенсионером по здоровью. Он - политический пенсионер. Если бы он остался в Политбюро, не лилась бы кровь невинных людей в Алма-Ате, Тбилиси и Баку... Да, Алиев был и остается славным сыном азербайджанского народа", - заключил свой отзыв нахичеванец С. Садигов.

Не мне судить, славен или бесчестен Гейдар Алиев, но удаление его из Политбюро накануне памятной поездки академика Аганбегяна в Париж, бросившего первую спичку в карабахский погреб, не прошло без влияния армянского лобби в ЦК КПСС.

Кстати, та статья в "Правде" помогла вскоре занять Гейдару Алиеву верховное кресло в Нахичевани: тамошние руководители трусливо разбежались и спрятались, а обманутая и отчаявшаяся толпа пала в объятия властолюбивого земляка.

Сегодня, спустя два года после описываемых событий, когда в Азербайджане продолжается ожесточенная борьба клана партноменклатуры с новыми лидерами, выдвинутыми НФА, Гейдар Алиев рассчитывает, и не без оснований, на президентский пост. Возвратился же в Грузию его соратник по Политбюро Эдуард Шеварднадзе, да еще в московско-вашигтонско-боннской повозке, напомнив реставрацию Бурбонов во Франции. И я соглашаюсь с Расимом Агаевым, руководителем пресс-службы Президента Азербайджана, заявившем в недавнем интервью об Алиеве: "Это сильная фигура. Он способен включиться в борьбу за президентский пост. Нерешенность карабахской проблемы создает иллюзию, что развязать этот узел может только сильная рука. Алиев в этом плане имеет преимущества. Он проявил себя у нас ничуть не слабее, чем Ельцин в Свердловске или Шеварднадзе в Грузии".

Не позавидуешь ни одному из наших народов - ни русскому, ни грузинскому, ни азербайджанскому - вот в чем беда.

Но вернемся в февраль 1990 года. Средства массовой информации, оправдывая преступления власти и армии в Баку, продолжали истерическую пропаганду об азербайджанцах-панисламистах и пантюркистах, исламском фундаментализме, об угрозе христианскому миру со стороны мусульман. Игра шла в одни ворота, хотя как раз в те дни был принят Указ о разжигании межнациональной розни.

Перечислю наиболее крупные выпады за первую половину февраля 1990 года.

В первой передаче нового видеоканала "Советская Россия" (4 февраля, 11 программа ЦТ) речь шла о фанатизме, бесчеловечности, вандализме мусульман (татар и турок) по отношению к христианам аж с XIII века; для доказательства опасности грядущей мировой войны был продемонстрирован россиянам болгарский фильм: задумайтесь, мол, граждане свободной России, вот кто идет на смену американскому империализму.

2 февраля еженедельник "Литературная Россия" публикует статью Н. Александрова "Моджахеддин для России" - о джихаде, исламском фундаментализме, насаждаемом силой оружия, и другие знакомые мотивы.

В те же дни кандидат в народные депутаты РСФСР Н. Минкин в теледебатах по ЛенТВ вещает об опасности войны для СССР, пока есть государства с исламским режимом. А. Н. Минкин - деятель Ленинградского Народного фронта, правая рука Марины Салье.

Вскоре дважды в течение суток демонстрируется фильм о событиях в Фергане, Сумгаите, Баку с показом раненых мусульманами советских солдат. Ни одного кадра убиенных под танками мирных жителей Баку телезрители, конечно, не увидели: идеологическая цензура на ТВ не дремала.

[184-185]

Не дремлет она, сердечная, и сейчас. Сошлюсь на свидетельство инженера из Баку В. Н. Сергеевой, активистки республиканского общества солидарности народов Азербайджана. В марте 1992 года, после побоища в Ходжалы, русские посланцы общества приехали в Москву, пикетировали Останкино, чтобы добиться права выступить на ТВ. Делегатам давали зеленый свет до тех пор, пока не узнавали: на гонения русских в Азербайджане они не жалуются, наоборот, хотят донести до России правду о карабахском омуте. И тогда перед ними опускался шлагбаум - и в ведомстве маршала Шапошникова (принял русских бакинцев один из его замов и сказал, что у воен-

ных положение бедственное, кто больше платит, на того и работаем), и в российских "Вестях" (главный редактор этой информационной программы по фамилии Минасян категорически запретил принимать гостей из Баку, этот запрет звучно слышался в комнате, и Минасян бессовестно переспросил: "Они меня слышат?"), и в "Новостях" (там они удостоились беседы с Эдуардом Сагалаевым, сорок минут проговорили ни о чем), и в американском посольстве (туда не пустили, дождались клерка, который сказал: "Сейчас в Баку антирусские погромы, а вы тут разгуливаете"; делегаты срочно стали названивать домой, оттуда отвечают, все спокойно). Приняли русских защитников суверенного Азербайджана лишь в посольстве Канады и откровенно объяснили им: ключи от Карабаха - в американском посольстве. (Вскоре и Ягуб Мамедов публично объявит: все мы - пешки в большой игре).

Спасибо, как говорится, и на этом.

В подлые тенета цензуры в начале мая 1992 года, попала программа Никиты Михалкова "Перекресток". Известный в мире русский режиссер попытался на примере диктора Митковой показать чудовищные масштабы лжи, царящие сегодня на телевидении, и решил назвать одного из идеологов этой лжи - госсекретаря Геннадия Бурбулиса. А ведь именно Миткова и "Вести" Минасяна ежедневно вносят лепту дезинформации в иерархию двух соседних народов, унижая чужой и возвеличивая свой. До какой поры мы будем мириться с проармянским насилием в российских средствах массовой информации? До добра это не доведет. Главное: талантов-то среди дикторов и редакторов не заметно, все больше холуи и лжецы. Истинный талант злобного национализма лишен, и он никогда не посягнет на достоинство другого народа. Таланту можно верить, он неподкупен.

Я бы никогда в жизни не заговорил о национальной принадлежности Минасяна или Сагалаева, если бы не навязанная ими блокада правды об агрессии Армении против Азербайджана, и эту бесстыдную войну поддерживают практически все средства массовой информации, подконтрольные богатой диаспоре и "КриК" унам из ДемРоссии. Эта пропаганда имеет целью уничтожение азербайджанцев как нации.

"Азербайджанцев как нации вообще не существует, - довел до сведения читателей "Литературной газеты" слова аятоллы Хомейни, духовного правителя Ирана после свержения шаха, политический обозреватель Игорь Беляев 7 февраля 1990 года, - они турки". Статья Беляева называлась: "Азербайджанцы - разделенный народ?", и этим вопросительным знаком суперспециалист по исламу подчеркивал, что все слова о разделенности азербайджанского народа, девять миллионов которого живут в Иране, несостоятельны, и все дело, дескать, заключается в пресловутом панисламизме. Кстати, Хомейни, говоря об азербайджанцах, мог произнести исключительно "тюрки", а его враждебные отношения с великим аятоллой Шариат-Мадари, азербайджанцем по национальности, объяснялись обстоятельствами религиозно-политической борьбы, и ничем иным.

Естественное стремление азербайджанцев упростить переход границы разделенным более полутора веков родственникам, своеобразной берлинской стены Игорь Беляев назвал "исламскими играми", обвинив некоторых лидеров Народного фронта в стремлении провозгласить "исламский Азербайджан".

Никаких оснований для столь фарисейских утверждений исламоведа Беляева, кроме "сноса" государственной границы в начале января 1990 года, конечно, не было. Эта статейка подлила масла в огонь "исламской опасности", распространившийся после заявления об этом Михаила Горбачева, отмывавшегося, повторяю, от пролитой им крови в "черном январе". В те же дни на страницах центральной прессы и в передачах ЦТ всячески пропагандировалось возрождение христианства, при этом никогда не употреблялось выражение "христианская опасность", а только - "христианское милосердие".

Не считать же за основание горькую редакционную статью газеты "Азербайджан" от 2 января 1990 года под названием "Сколько нас... Сколько бед у нас". Тогдашний редактор газеты Сабир Рустамханлы размышлял о том, сколько же нас, азербайджанцев, живет в мире (по его подсчетам получилось около 36 миллионов человек), сослался на опыт еврейской диаспоры. Действительно, на московской книжной ярмарке распространяли листовку одной из еврейских организаций в Америке с обращением ко всей еврейской нации. Содержание листовки сводилось к тому, что жизнь цивилизации зависит от здоровья всех ее мышц, и без нас, 14-миллионного еврейского народа, цивилизация существовать не сможет, и будущее мира, таким образом, зависит от каждого из нас. Листовка ставила целью осуществить своего рода перепись, выяснить, где проживает каждый из евреев, и сообщить ему, что он - представитель своей нации и что от него зависит судьба окружающего мира: сообщи свое место и будь спокоен, твоей судьбой интересуются.

Сабир Рустамханлы ссылался на трагический опыт истории своего народа. Цитирую: "На протяжении всей истории нас делили так, чтобы мы даже не имели возможности узнавать что-либо друг о друге. Если бы только дело ограничивалось разделом на Северный—Южный! После

того, как иранская и царская империи разрезали Азербайджан, и внутри этих империй его поделили еще на 4-5 частей. Какие только надругательства не совершили над нацией великорусский шовинизм на севере и персидский - на юге. Результат у нас на глазах. Не найдешь на земле другую нацию, подобным образом растерзанную, разодранную, обреченную на гнет, унижения и оскорбления". И сегодня, свидетельствует писатель, дороги мира полны иранскими беженцами, а дороги Азербайджана - изгнанными из Армении, бездомными и безработными. Разделенная нация приводит к постепенному отчуждению людей друг от друга: три алфавита у одного народа. "Здесь мы - азербайджанцы, - продолжает Сабир Рустамханлы, в Турции мы - азери, в соседнем Иране мы - турки, в Европе мы - иранцы, в Ираке мы - туркмены, в Афганистане мы - афшары, в других местах мы - терекеме, татары и просто обезличенные мусульмане".

Должна быть создана международная азербайджано-ведческая конференция - вот единственный вывод, к которому призвал в начале января 1990 года редактор газеты "Азербайджан". Призывая не повторять ошибок, совершенных самим народом на протяжении всей истории. Сабир Рустамханлы советовал соотечественникам избавляться от взаимных претензий, притязаний, амбиций, неприязни друг к другу, местничества, от борьбы за кресла.

"До каких пор брат останется врагом брату? - восклицает писатель. - Дальнейшая судьба 36-миллионного народа требует от нас ответственности, объединения и дела. Как говорил Мирза Джалил, нужны дела, дела, дела!"

Вот в чем кроется Коренное отличие человека, истинно болеющего за свой народ, от нападок спекулятивных ученых, журналистов и политиков, насаждающих национальную и религиозную нетерпимость ради укрепления азербайджанцев на низшей ступени в надуманной иерархии двух народов. Иначе откуда такая нервозность при одном только упоминании единого Азербайджана? Что же касается сдачи Шуши, древней азербайджанской крепости, памятной беспримерной победой над войском завоевателей иранского правителя Агамухаммеда шаха Каджара в 1795 году, то это скорей всего результат политических распрей и обмана народа, практикуемых партийными и мафиозными кланами, пытающимися вернуть или сохранить свою власть. "Ты ищи себе друга, - говорят азербайджанцы, - а палач всегда отыщется у твоего изголовья, среди своих".

***Поверье о летучей мыши:
Нариман Нариманов и Татьяна Рустамли***

Не могу оставить без внимания и такой факт: на иранском берегу пограничной реки Араке без всякого восторга отнеслись к митингам азербайджанцев в поддержку требований о свободном передвижении через границу. В Иране аэри разделены на несколько провинций, в меджлисе депутатам на азербайджанском языке говорить не дают, как не позволяли выступать на родном языке депутатам из республик в бывшем советском и не позволяют в нынешнем российском парламентах. В январе 1990 года к собравшимся с помощью громкоговорителя через реку обратился член иранского меджлиса Карим Шафи, который подчеркнул, что "проведение подобных митингов и демонстраций не даст никаких результатов" и что "советским мусульманам 'следует обращаться к своим собственным властям, чтобы таким образом выработать правила для посещения Ирана". По его словам, иранский народ также "желает встреч с советскими мусульманами, но в рамках соответствующих правил". И призвал советских граждан азербайджанской национальности "обеспечить безопасность границ двух стран".

Нечего рассчитывать Азербайджану и на заступничество Турции: ее руководство не посмеет послушаться Джорджа Буша и своих натовских военачальников.

Что касается России, то нератифицированный пока парламентом договор о дружбе с Арменией дополнился договором нескольких государств СНГ (России, Армении, Казахстана, Узбекистана и Туркменистана) об условиях коллективной безопасности, подписанным 15 мая 1992 года в Ташкенте. Этот договор столь откровенно нацелен против Азербайджана, что Борис Ельцин с присущей ему грубой несдержанностью объявил в ответ на протест президента Молдовы Мирчы Снегура, что делегациям Молдовы и *Азербайджана*, не ратифицировавшим декларацию о вхождении в СНГ, вообще нечего делать на таких коллективных встречах.

Армянские националисты для закрепления своих территориальных захватов заинтересованы в том, чтобы спровоцировать в Азербайджане хаос, анархию, чтобы проблема НКАО оставалась в центре внутривнутриполитических схваток самих азербайджанцев, а не общенациональной задачей.

Власти же самого Азербайджана, четыре года создающие видимость решения конфликта политическими средствами, в результате чего он лишь обостряется и сопровождается все большим кровопролитием, главным образом виновны в фактическом отторжении (не сомневаюсь, временно) Нагорного Карабаха от республики. Выборы, проводимые в Азербайджане в условиях чрезвычайного положения, приводили к закреплению у власти правящих партийных структур под новыми вывесками. "Проворовавшиеся, дискредитировавшие себя секретари райкомов, горкомов, обкомов, министры, начальники всех уровней, доведшие республику до катастрофы, назначены префектами, главами администрации, советниками, переведены из одного ведомства в другое, и грабеж продолжается, - с таким суровым выводом выступил в газете "Азербайджан" 5 марта 1992 года Искендер Ахундов, зав. кафедрой гуманитарных знаний АзербГИФК. - Разница лишь в том, что распродажа национального достояния вышла на международную арену. Предоставление концессий, права на создание совместных предприятий, экономические и торговые сделки - все превращено в источник наживы. Выбор иностранных партнеров происходит не по тому, насколько выгодны предлагаемые ими услуги нации, а по тому, кто из них предложит больший пешкеш."

Подтверждает правоту Ахундова и частное письмо из Баку, написанное уже после сдачи Шуши: "Хватит себя грызть здешними событиями. Здесь все также, значит, тому и быть. Власти делают вид, что все знают лучше всех, сплошные перестановки одних и тех же людей, все выше и выше. Все держатели печатей и кресел по-прежнему строят себе дачи и строят тем, кто повыше, а объекты на 98 процентов консервируются, то есть бросаются и разбазариваются".

Обстановка подобной коррупции, неприкрытой и всеохватной, характерна и для России, но в Азербайджане немыслимые лишения народа усугубляются ежедневно кровотокающими ранами все более наглой войны.

Моральную депрессию народа вызывает и закрепляет происходящая более четырех лет политическая Дискриминация Азербайджана - в бывшем Союзе ССР, теперь СНГ. "Почему в Азербайджане можно было ввести чрезвычайное положение, а в Армении нельзя? - задавал вопросы на расширенном заседании - Президиума Совета Министров СССР в Кремле 20 августа 1990 года Гасан Гасанов. - Почему в Азербайджане введение чрезвычайного положения можно было не согласовывать с парламентом республики, а в Армении это надо сделать обязательно? Почему в Азербайджане применялось оружие, а в Армении не применяется даже против бандитских форми-

рований? Почему в Армении закрывают глаза на захват оружия, тогда как в Азербайджане такие явления пресекаются на корню? Почему в Армении под видом роспуска бандитских вооруженных формирований они узакониваются, записываются в так называемые комитеты самообороны, зачисляются в государственные структуры, тогда как в Азербайджане нет возможности даже законным путем увеличить численный состав милиции? Почему такое недоверие к слову, даже мудрому, из Азербайджана и такая вера в слово из Армении, даже если оно корыстное?"

Пространное заявление Председателя Совета Министров Азербайджанской ССР было единственным, адресованным тогдашним руководителям страны. Ни одного протеста по затронутым вопросам достоинства нации, безопасности народа от руководства Азербайджана, насколько мне известно, не последовало. Даже во время пребывания Бориса Ельцина и Нурсултана Назарбаева в Ханкенди, когда подверглись аресту несколько азербайджанских журналистов, турецкий журналист и на глазах посредников миротворцев была жестоко избита армянскими националистами редактор республиканского ТВ Надежда Исмаилова. Творящийся наглый беспредел вседозволенности позволяет сегодня газетам моего родного города объявить, что среди задержанных правонарушителей - "двое рабочих и один азербайджанец". Подчеркивание национальности среди преступных элементов сопровождает до сих пор лишь азербайджанцев.

Этот поворот в преследовании азербайджанцев за пределами своей республики начался летом 1990 года, когда в Армении появилась своя армия численностью в 170 тысяч человек, исходя из сообщений средств массовой информации, а теперь, спустя два года, Армения перегнала Израиль и вышла на первое место в мире по военным расходам на душу населения. Пока Азербайджан в точном соответствии с Конституцией обеспечивал в полном объеме призыв в ряды Советской Армии, армянская молодежь, под предлогом участия в восстановительных работах, фактически дезертировала, пополняя ряды национальной армии.

Особо беспрецедентным явился тот факт, что Указ Президента СССР Михаила Горбачева от 25 июля 1990 года о разоружении незаконных военных формирований через две недели по просьбе Армении был продлен на два месяца. Руководство Армении (тогда еще коммунистическое) с первых дней блокировало реализацию Указа, а затем вновь избранный парламент объявил, что Указ не действует на территории Армении и даже на чужой для них территории Нагорного Карабаха, тем самым еще раз подтвердив агрессивность своих устремлений против Азербайджана.

То, что в Москве никто не отреагировал на этот выпад никто не дал должной оценки очередному юридическому экстремизму, понятно. Наоборот, Николай Рыжков и Вадим Бакатин поддержали пришедшего к власти Левона Тер-Петросяна. Но и власти Азербайджана смолчали, лишенные своими силами защищать свою границу.

Пунктир на карте, бывший до 1988 года формальностью, нужной лишь топографом да синоптикам, превратился летом 1990 года для жителей Казахского района Азербайджана в границу войны и отчаяния. Армянские боевики высказывались в таком духе: "Рано или поздно эта империя развалится. Нам надо расширить свои земля". Старший лейтенант О. Четенов, прошедший Афганистан, признавался в те дни: "Страшно видеть старика, ползающего на коленях по пепелищу и собирающего в ведро обугленные куски тела своего брата. Женщин с перерезанным горлом, младенца с разможенной прикладом головой. В мозгу непрерывным роem проносились соответствующие образы: Хатынь, Орадур, Лидице. Но поставить с ними в один ряд маленькое азербайджанское село Баганис Айрум я не мог. Ведь там чудовищные преступления творили немецкие фашисты, а здесь - свои..."

На многочисленных митингах в Казахе люди требовали одного: оружия. Власти в Баку боялись употребить слово война и надеялись на соблюдение нейтральной пятикилометровой полосы вдоль армяно-азербайджанской границы, превращая там села своих брошенных на произвол судьбы соотечественников в зону выжженной земли.

Самокритичную оценку ситуации переломного в войне 1990 года дал народный депутат Азербайджана, директор киностудии "Азербайджанфильм", писатель Рамиз Фаталиев:

"Скажу прямо: те дни (именно дни, и их было много) общественностью мира и страны до сих пор должным образом не оценены. И виновны в этом, в первую очередь, мы сами. Отвечаю за каждое свое слово и любому желающему готов привести немало аргументов.

Чем занимались многие из нас весь этот год? Слагали скорбные стихи. Устраивали шествия и митинговали. Причитали, плакали, торжественно клялись в любви к одним и ненависти к другим, жгли партийные билеты и организовывали спешным образом всевозможные общества, ассоциации и новые партии. Этот путь был непродуктивен".

Р. Фаталиев, который под свист спецназовских пуль, в боевых условиях, почти кустарным способом проводил съемки и создавал фильм о январской трагедии в Баку 1990 года, заключал, что независимым и суверенным пока не стал никто из нас в отдельности. Иначе понятия челове-

ского достоинства и национальной чести были бы на первом месте у личностей, независимых в действиях и суждениях, иначе каждый на своем месте и в меру своих возможностей, сообщая и всем миром работал бы на защиту своего народа от агрессора. Теперь ясно, что потеряно минимум два года.

Слова презрения нашлись у преподавателя истории средней школы Казаха Алы Алиева, который заявил в августе 1990 года:

"История не знает подобного беззакония. М. С. Горбачев, уступая нажиму армянского лобби, тем самым нарушил свою клятву, которую дал при вступлении в должность. Нарушивший клятву Президент должен подать в отставку".

Аяз же Муталибов слепо следовал за поводырем по парадным лестницам и залам особняка в Ново-Огареве почти полтора года, до самого развала империи, который был очевиден армянским боевикам уже весной 1990 года.

Армения не скрывала возможностей использовать незаконные вооруженные формирования в реализации территориальных притязаний и открыто бравировала своими военными возможностями в обсуждении этого вопроса на международном уровне. Руководители армянских вооруженных формирований заявили в ответ на Указ Горбачева, что оружия не сдадут. Более того, захват оружия в конце июля 1990 года усилился, дело дошло до хищения огнеметов с зарядами. Поскольку армия протеста не выразила, было ясно, что огнеметы армянам проданы. Действовал не только валютный канал комитета "Карабах", открытый в декабре 1988 года, сразу после землетрясения, но и национализированное в Ереване (то есть присвоенное) государственное хранилище советских денег, рассчитанное на всю страну.

Избранный 5 августа 1990 года в четвертом раунде голосования председателем парламента Армении Левон Тер-Петросян к концу месяца малой кровью сумел подчинить возглавляемому им АОД все военизированные группировки в республике, в том числе и отряды АНА, составлявшие, по оценкам советской прессы, от 30 до 140 тысяч человек и бесчинствовавшие вдоль границ Азербайджана.

Накануне выборов "фактического президента" Армении, 4 августа начальник политотдела Ереванского гарнизона, народный депутат СССР, генерал-майор Михаил Сурков заявил корреспондентам: "Войска готовы выполнить приказ об изъятии оружия". Приказа из Москвы не последовало. Упования азербайджанских властей на грозную силу президентского Указа о разоружении оказались наивными, иллюзорными. Превращение армян в единую армию, о чем говорил парой Варданян, завершалось. Армянская пресса постоянно подбрасывала угли в бушующую топку межнациональных распрей, наускивала толпы обывателей на своих ближайших соседей, обвиняла во всех смертных грехах народ, который, по словам академика И. Орбели, приютил десятки, сотни тысяч армянских беженцев, чтобы сейчас, спустя полтора-два столетия, самому искать кров на стороне.

С приходом к власти Тер-Петросяна сменилась лишь вывеска, а политический курс остался прежним. Не моргнув глазом, новый лидер заявил, что они выполняют Указ о разоружении за три месяца. Согласившись с продлением срока на два месяца, тогдашний министр внутренних дел СССР Вадим Бакатин настойчиво призывал не расценивать это как уступку кому-то. По его словам, следовало продолжать поиски мирных путей решений проблем, а не уповать только на силу. Лицемерие демократа, подавлявшего мирных жителей Баку, наводило на мысль, что следует находить общий язык с бандитскими формированиями. Хотя сами военные, в том числе заместитель Бакатина генерал-полковник Ю. Шаталин, зная реальную силу вооруженных формирований в Армянской ССР, считали, что Указ и так запоздал. Еще полгода назад, то есть в январе 1990 года, можно было навести порядок быстро и решительно. Теперь за каждый ствол придется платить слишком большую цену, - высказывался генерал-полковник Ю. Шаталин. Но и этот путь был отвергнут, конечно, не из-за цены: экипированный, хорошо оснащенный личный состав для этих целей у внутренних войск в Закавказье, по заявлению Шаталина, был.

Эскалация насилия оставалась безнаказанной, даже поощренной.

Депутат Верховного Совета СССР Вели Мамедов в конце двухмесячного срока, 23 октября 1990 года, в перерыве между заседаниями подошел к Михаилу Горбачеву и, передав ему брошюру по истории возникновения границ между закавказскими республиками в 20-е годы, сказал: "Народ Азербайджана ждет безоговорочного разоружения всех военизированных формирований соседней республики". Горбачев, подобно Тер-Петросяну, не моргнув глазом, ответил депутату: "Соответствующие органы занимаются вопросами, связанными с разоружением", хотя просроченный Указ уже был выброшен в мусорную корзину. А у армянских фидайнов (слово это тюркское, и заимствовано армянами, как и многое другое, у азербайджанцев, начиная от музыкальных напевов и кончая блюдами национальной кухни) скапливались уже танки, бронетранспортеры, минометы, гра-

натометы, тонны взрывчатки и упомянутые мной огнеметы. Столь смертоносное оружие перекачивалось из армии за баснословные суммы в рублях и в валюте. Да и каждый рядовой фиданн, и наемник получал за службу и убийства генеральские вознаграждения.

Азербайджан по-прежнему глухо роптал на центр за равнодушное отношение к агрессии, хотя двуличные политики Москвы продолжали поощрять и вооружать армянскую национальную армию. Вооруженными отрядами в Карабахе руководил русский полковник, известный многим военным руководителям в Москве по радиоперехватам.

Директор средней школы №132 города Баку, депутат республиканского парламента А. Тахмасиб, приехав в сентябре 1990 года в Москву, чтобы выяснить, когда же будет положен конец агрессии против азербайджанского народа и беспринципности центральной печати, ее откровенно односторонней позиции, поразила, по ее словам, вот чему.

"Половина, может, и большая часть постояльцы гостиницы, где остановились мы, были армяне. Своими глазами мы видели, как в учреждениях и организациях, куда мы приходили, одна группа армянских делегатов сменяла другую. Как перевирали они факты, с какой горечью говорили о том, что вынуждены вооружаться, чтобы защищать себя от нас. Они поливают нас грязью, клеветают на нас, стараясь дискредитировать. Почему же нам не стремиться быть услышанными?"

И вот директор бакинской школы вместе с другими депутатами, вооружившись взятыми с собой неоспоримыми историческими документами, материалами о кровавых январских событиях, решили увеличить в столице число сторонников. Каков же, интересно, результат?

Послушаем отчет депутата Тахмасиб:

"Мы встречались с Председателем Верховного Совета СССР Лукьяновым, заместителем Председателя Верховного Совета РСФСР Хасбулатовым, сотрудниками "Литературной газеты". Эти встречи помогли им вникнуть в ход событий, узнать исторические корни вопроса (очень характерная оборонительная позиция порядочных азербайджанцев, рассчитывающих на ответную порядочность собеседников - Ю. П.), убедиться в том, что так называемая проблема Нагорного Карабаха по сути дела является только ширмой для тех, кто, прячась за ней и рассчитывая на покровителей-миллионеров за рубежом, предвкушает, как вонзят зубы в наши земли".

А что же высокопоставленные московские собеседники? В ответ на прямые вопросы депутатов из Баку, почему в центре, зная об этом, не принимали решительных мер, не желали защищать права азербайджанского народа, они или молчали, или поворачивали беседу в другое русло. И удивляться тут нечему: враждебная сторона.

Только вот товарищ Лукьянов, по свидетельству Тахмасиб, "дал верный анализ событий, сказал о том, кому прислуживают Балаян, Дадамян, Погосян и им подобные. Вызывает удивление, с каким спокойствием терпит Председатель Верховного Совета их присутствие в парламенте, который решает судьбу страны. Лукьянов дал слово, что постарается поставить в повестку дня ближайшего заседания Президентского совета вопрос о решительном пресечении агрессии армянской национальной армии против нашей республики".

Через год, в августе 1991 года, товарищ Лукьянов оказался в Матросской Тишине, и к этому факту наверняка приложила свои старания Елена Боннэр, которая за два дня до путча, выступая перед деятелями ДемРоссии в Белом доме, призывала к любому насильственному акту, вплоть до уголовного, чтобы сорвать подписание Союзного договора, так как Армении Союз был не по нутру. Зато СНГ она приветствовала первой, как и свою "республику" на азербайджанской земле, временно оккупированной.

А 1 сентября на сессии Верховного Совета Азербайджана депутат Тахмасиб после поездки в Москву заклинала сограждан:

"Не дадим расколоться народу, когда над родиной сгустились черные тучи. Когда льется кровь безвинных людей, у нас одна главная цель - заставить армянских бандитов отвести взор от наших земель, тех, что они захватили, и тех, на которые зарятся! Чтобы они раз и навсегда поняли, что земля наша не без хозяина! Во имя достижения этой цели я призываю вас к единению. Раскол среди нас - на руку врагу. Приложим все усилия, чтобы вывести республику из кризиса, станем на пути врага неприступной, неодолимой крепостью".

Призыв бакинской учительницы сессией партократов услышан не был. Зато Левой Тер-Петросян, вернувшись в октябре 1990 года из США, где он активно координировал "наши усилия с армянской диаспорой", неожиданно заявил, что конфронтация себя исчерпала. Дескать, Армению устроит на первых порах восстановление в Нагорном Карабахе советской власти (при всей ненависти к этой власти в самой Армении - Ю. П.) и обеспечение нормальной жизнедеятельности. Другими словами, президент воюющей республики предлагал лицемерный компромисс: вернуться к исходной ситуации, к тому положению, которое существовало до разгула националистической истерии в регионе. Выходило по его логике, что затеянный армянами и их покровителями кровавый омут

Карабах преследовал одну цель изгнать азербайджанцев из Армении и Степанакерта, дестабилизировать ситуацию в Баку, создать в 120-километровом приграничье зону выжженной земли, а теперь вернуться к тому, с чего все начиналось в феврале 1988 года. Армении просто нужна была передышка, чтобы подготовиться к новой эскалации войны весной 1991 года и оккупировать в течение года всю территорию Карабаха, присоединив ее в мае 1992 года, после падения Шуши и Лачина, к Армении.

Карабах - черный сад моей жизни, - поется в одной из народных азербайджанских песен, - и будь проклят тот палач, который ослепил тебя...

Чем сопровождался при кратком взгляде 1991 год? Усилившимся террором боевиков-националистов, совершавших террористические акты на территории России, при равнодушии всех граждан и попустительстве властей - и в поездах Москва-Баку, и в автобусах Тбилиси-Баку, и в центре города Ростова. Напомню: автоматной очередью, расколовшей тишину послепасхального утра, в начале апреля 1991 года в Ростове был нагло, жестоко убит зам. начальника управления внутренних войск МВД СССР полковник Блахотин. Непосредственные исполнители теракта прибыли в Ростов в середине марта с командировочными удостоверениями благотворительного общества "Амарас", девиз которого: "Господь - наш свет и спасение". Перед поездкой они прошли подробный инструктаж в Ереване. Суть в том, что съезд армянской национальной армии Нагорного Карабаха приговорил к смертной казни ряд офицеров внутренних войск, выполнявших свой долг в НКАО. Почему террористы начали с Ростова? Не без дальнего прицела: превратить Дон, где живут армяне по соседству с казаками, в российский Карабах.

"Скорей всего, террористы просто ошиблись, - сообщил один из заместителей в Карабахе Левон Мелик-Шахназарян. - Убитый в Ростове полковник Блахотин был одной с генерал-майором В. Сафоновым комплекции. Номерной знак его машины отличался от сафоновского только одной цифрой".

А генерал Сафонов - бывший комендант района чрезвычайного положения в Нагорном Карабахе. Так что - все впереди? Ведь компрометирующие досье армяне не уничтожают. И никто из них акты террора не осудил. Наоборот: на виду у всего мира армянская армия применяет химическое оружие в Карабахе и Нахичевани, и это им сходит с рук.

Очень характерным для последнего времени стало использование трибуны российского парламента для протаскивания идей, за которыми, при внимательном взгляде, стоят депутаты Амбарцумов (Комитет по внешним связям) и Арутюнов (Комитет по делам русских беженцев). Оба эти россиянина, пропагандируя заботу о русских беженцах из Баку, стремятся настроить и депутатов, и зрителей российского ТВ против азербайджанского народа, вызвать азербайджанофобию, эпицентр которой, по заявлению русских бакинцев, находится в Армении. "Конечно, безответственные выступления Арутюнова не могут остановить поток возвращающихся в Баку русских, - обращались русские жители Баку к Шестому съезду народных депутатов РСФСР, - которые давно уже связали свою судьбу с азербайджанским народом, и никакие его кликушества не способны посеять рознь между нами, русскими, проживающими в Баку, и нашими братьями-азербайджанцами" даже упоминать, что это обращено, как и десятки ему подобных, на российских съездах не оглашались: в информационной войне против Азербайджана российские власти ведут дело по-военному, беспощадно, ожесточенно. Хотя обилие потенциальных российских "Карабахов" делает союзничество с Арменией весьма опасным. Да и попытки столкновения с Азербайджаном коренным образом противоречат стратегическим интересам России в мусульманском мире. Но к таким человеческим выводам можно придти, если считать, что нынешние российские правители не ведут дело к расчленению тысячелетнего монолита. А если ведут? Тогда все становится на место, и современникам ничего не остается, как ждать грядущего "карабахгейта", который обнажит неприглядную историю заговора армянствующих лоббистов, дашнакствующей диаспоры, многочисленных спецслужб (включая, кстати, и азербайджанскую), разноплеменных бизнесменов и уголовников.

Одним словом, ожидание Азербайджаном четыре с лишним года помощи и справедливого к себе отношения со стороны должны послужить уроком для осознания того, что только само государство и его многострадальный народ могут спасти себя. "У России, - говаривал один из ее императоров, - друзей в мире нет". Подобные слова может произнести новый лидер Азербайджана, если его изберут на первых свободных выборах 7 июня 1992 года. И если он окажется достойным выпавшей на долю его обманутого, но непокоренного народа горькой судьбы и ответственности.

"Отступать уже некуда, - считает профессор Бакинского госуниверситета им. М. Расулзаде, зав. кафедрой международных отношений Агалар Аббасов. - Но и отступление - это еще не поражение. Отступали и терпели стыд поражений американцы и японцы, французы и итальянцы, русские и немцы. Главное - не впасть в панику, собраться в единый кулак, перегруппировать силы для

контрнаступления. И нечего ожидать помощи и поддержки от близких или дальних друзей. Свою судьбу способны решить только мы и никто другой".

Нариман Нариманов, семь десятилетий назад изгнанный с родной земли под видом предоставления высшей должности в Москве, не сомневался: несчастный Азербайджан будет игрушкой в руках бессовестнейших аферистов. Председатель АзЦИК жил для других, всеми фибрами души протестовал против рабства, ему не давало покоя окружающая его отсталость и инертность, халатность и бессмысленная межнациональная грызня, кровь, слезы, нищенство, обман. Нариманов откровенно признавался в письме пятилетнему сыну незадолго до своей смерти: "Мы настолько стали надменными от власти, что, занимаясь пустяками, дрызгами, упустили главное из рук".

А главным он считал создание самостоятельной, образцовой, независимой Азербайджанской Республики и мог давать отпор тем политическим аферистам, которые, по словам Нариманова, всей тактикой старались обезличивать Азербайджан и уничтожать тюркское население.

Товарищи по партии клеймили Нариманова как националиста. Он отвечал с присущей просветителю искренностью: "Я утверждаю, что роман мой "Сона и Бахадур" имел уже успех, когда тов. Микоян был еще дашнаком. Почему же спустя двадцать лет я должен быть националистом, а тов. Микоян интернационалистом". Кстати, именно Анастас Микоян после переворота в Баку настаивал на немедленном приезде туда Нариманова: он знал, каким влиянием пользуется Нариманмуаллим в Азербайджане. Он хотел, чтобы рабочие-тюрки наравне с русскими рабочими участвовали в управлении, заботясь об интересах Азербайджана, и не скрывал перед Орджоникидзе, заместителем центра в Закавказье, что его окружают мелкие души, которые для сохранения и укрепления своего положения лакействуют перед ним и кричат о национальном уклоне в республике.

"Мусульманская трудящаяся масса достаточно натерпелась от политики русских царей, - писал в ЦК РКП Нариман Нариманов, - она прекрасно теперь разбирается, что значит царизм, демократизм и Советская власть, власть самих трудящихся. Советский Азербайджан сам добровольно объявил нефть принадлежащей трудящимся Советской России, но зачем нужно было создавать в советской республике "монархию" во главе с "королем" Серебровским, который до сих пор еще думает, что надувает азербайджанцев полумесяцем со звездой. Если обратить сейчас внимание на состав служащих Нефтекома. Баксовета, то беспристрастный наблюдатель придет в ужас: эти учреждения заполнены русскими, армянами и евреями".

Нариманова возмущало, что керосин в Тифлисе продается дешевле, чем в Гяндже, а Кирову, Мирзояну и компании наплевать на то, что процентное отчисление нефтяных продуктов в пользу Азербайджана, постановление о котором председатель АзЦИКа провел через Политбюро, не производится. "Нужно действительно иметь интернациональную душу, - говорил Нариманов, - чтобы обратить на это внимание. Им не все ли равно, что в Азербайджане крестьяне тонут в болоте невежества". И делал вывод: "Слишком глубоко засела в голову окраины национальная политика великодержавного народа при Николае с ее мерзейшими способами культивирования".

Нариманов буквально кричал о колонизаторской политике партийных властей и иллюстрировал ее примерами:

"В столице Азербайджана тюрки поневоле должны обращаться устно и письменно к служащим Баксовета на русском языке, так как русские, евреи и армяне не говорят на тюркском языке. Я утверждаю, что когда была Городская дума, такого стеснения тюркское население не испытывало. Разве все это не известно т. Кирову, Мирзояну? Можно ли подобным личностям доверять счастье трудящихся в Азербайджане?".

Нападал он не раз и на ответственных работников из мусульман, называя фамилии Агамали оглы, Мусабекова. Гусейнова, Ахундова, Караева и предупреждая: они, несчастные, выдвинуты на свои посты для того, чтобы молчали. Молчали тогда, когда партийный вождь Баку Левон Мирзоян высказывался в дискуссионном клубе: рабочих-тюрков не следует принимать в партию.

"Серго нужно было удалить меня из Азербайджана для того, чтобы убить всякое препятствие в развитии своей "кавказской политики", которая велась под лозунгом "разделяй и властвуй", - рассказывал Нариманов, оказавшись в декабре 1923 года в Москве. - Орджоникидзе обратился к Мирзояну за советом. Мирзоян сказал: "Мы только ждем твоего согласия, и Нариманова здесь не будет". Серго сказал: "Валяй!" Мирзояном это исполняется. В ЦК АКП Секретарем избирают Ханбудагова (Нариманов не раз подчеркивал, что известные лица с целью обессилить Азербайджан для своих гнусных целей заставляют выступать против защитников интересов Азербайджана самих тюрков - Ю. П.) и работа начинается. Он посылает в уезды своих родственников и дает директиву, чтобы нигде не произносили имени Нариманова и никуда не выбирали. Закончив такую работу, Ханбудагов говорит Мирзояну: "У меня уезды готовы". Рабочие районы самого Мирзояна давно были уже готовы. Докладывают Серго, что теперь смело можно снять Нариманова. Снимают и... действительно избирают в Председатели ЦИКа СССР. Мирзоян и Серго торжествуют: сня-

ли меня и ничего особенного не произошло, даже Никто не осмеливается произносить имя Нариманова".

Его имя на родине под запретом пять с лишним десятилетий. Даже памятник, заверченный к столетию со дня рождения большому человеку, всегда остававшемуся на высоте, прожившему жизнь без обмана и лжи, был установлен четыре года спустя. Автор монументальной скульптуры народный художник Азербайджана Джалал Карягды раскрыл секрет той печальной истории: "Какой-то "ученый", таивший под спудом дашнакские идейки, написал наверх, что в Баку поднимает голову национализм - устанавливается памятник Нариманову. Для того, чтобы опровергнуть эту ложь, пришлось создать комиссию. Вначале 20-х годов письма и телеграммы о "национализме" Нариманова посылали прямо на имя Ленина. Тогда Владимир Ильич встретился с Наримановым и в резолюции на его письменном объяснении сформулировал свое твердое решение. Комиссия должна была найти тот исторический документ. И нашла, с помощью одного старого архивного работника, и вопрос был исчерпан".

Но груды писем и телеграмм, полных лжи и клеветы, сделали свое дело: проект памятника был искажен. Цикл гранитных барельефов, повествующих о литературно-общественной деятельности Н. Нариманова, создан не был, постамент из гранитного монолита заменила дешевая мраморная облицовка. Мало того, сам постамент был уменьшен на шесть метров, уменьшен для того, чтобы прекратить поток антиазербайджанских писем, текущий в центр. Как тут не согласиться с писателем Садыхом Эльджанлы, которого, как и многих бакинцев, проходящих через Южно-Советскую площадь, останавливает грустный взгляд великого, сына азербайджанского народа: "Чувствую себя виновным перед этим человеком. Как будто легенду о большом Наримане погребли в шестиметровой яме, чтобы не был веден его могучий рост". Нариманов был главным препятствием для тогдашних дашнаков в Азербайджане (и для сегодняшних, что доказывает история с его памятником). Он свидетельствовал. "Нагорный Карабах под усиленным давлением Мирзояна объявлен автономной областью. При мне это не удалось, не потому, что я был против этой автономии, но просто потому, что сами крестьяне-армяне не хотели этого. Мирзоян за это время при помощи армянских учителей-дашнаков подготовил и провел вопрос в Закрайкоме. С этого момента отношения крестьян-армян и тюрков-крестьян резко обострились. Дальше вопрос идет о нагорной части Гянджи и т.д. В Азербайджане дашнакская политика идет во всю. Для меня нет ни малейшего сомнения, что ЦК РКП в лице Серго и Сталина не доверяет нам, тюркам, и судьбу Азербайджана поручает армянам-дашнакам. Удивительно то, что эти лица думают, что тюрки настолько глупы, что всего этого не понимают".

В предсмертном письме сыну Нариманов указал на диктаторство Сталина прямо: "Сейчас, когда я пишу тебе эти строчки, дело наше доведено до того, что самые близкие друзья коммунисты не могут друг с другом говорить на тему о наших вопиющих недостатках вследствие неумения управлять государством тех, которые после Ленина назвали себя "законными наследниками" его".

19 марта 1925 года в половине девятого вечера 55-летний Нариман Нариманов был обнаружен у ограды Александровского сада задохнувшимся в кашле. Узнав сотрудницу кремлевской амбулатории, председатель ВЦИК сказал: "Быстро отвезите меня в больницу, я умираю". Он скончался, не доехав до больницы, унеся в нишу кремлевской стены неутраченную в сердце боль о независимом Азербайджане.

Эту боль и мольбу к сегодняшним хранителям и защитникам израненной земли почувствовал я в письме-обращении Татьяны Рустамли, опубликованном 26 марта 1992 года:

"Неужели перевелись настоящие мужчины-воины в нашем истекающем кровью Отечестве? Где они? Беда пришла в наш дом. Может, горе и гнев уступили место страху и растерянности? Или страсть к наживе помутила ваш разум? Опомнитесь! Безнравственно делать деньги, когда каждый день гибнут от вражеских пуль и снарядов ваши матери, ваши сестры, ваши дети! Чудовищно задавать пир во время Чумы. Ярость кипит во мне, когда ящики с продовольствием для сражающейся Шуши доходят туда пустыми. Пусть жгут руки тем подонкам деньги, заработанные подлостью и предательством. Пусть падет на их головы кровь и проклятие их народа!

Совесть моя, Карабах! В руинах лежат разоренные и уничтоженные села и города твои, мой несчастный солнечный край. Пепел Ходжалы стучит в мое сердце и взывает к отмщению. Обращаюсь к каждому, в ком понятия чести и достоинства еще не умерли. Загляните в ваши души и спросите себя: "Что сегодня лично я сделал для того, чтобы иметь моральное право называться Гражданином своей Республики?". Поторопитесь. Ради детей ваших, ради того крохотного расстрелянного в упор шехида-ходжалинца, которого добитая прикладом мать так и не выпустила из своих объятий".

К этому призыву мне нечего добавить, кроме одного азербайджанского поверья: если летучая мышь заберется в дом, ее убивают.

Пусть не забираются в наши дома летучие мыши...

Аминь.

Окончено 19 мая 1992 года.

Ю. А. ПОМПЕЕВ
КРОВАВЫЙ ОМУТ КАРАБАХА

Директор издательства
Ш. М. ДЖАФАРОВ
Президент БИК
Р. К. ГУСЕЙНОВ

Подписано в печать 08.10.92 г.
Формат бумаги 84х108 1/32. Усл.
печ. л. 10,92. Учетн-изд. л. 11,1.
Гарнитура "Балтика".
Печать офсетная.
Тираж 30.000.
Заказ 6183. Цена 40 руб.

Издательство "Азербайджан"
370146, Баку.
Метбуат проспекти,
529-й квартал.